

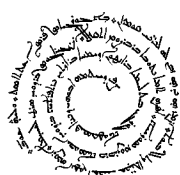
ISSN 2500 -2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (19) 2015

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (19) 2015

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2015

Co-published with

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (19) 2015

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2015

Совместно с

CONTENTS

No 4 (19) 2015

Pavel Grashchenkov Comitative and caritive in the Turkic and Mongolic languages: their functions and potential evolution	7
Lyubov Kara-ool. Lexicon of pre-wedding rituals in Tuvan.....	17
Igor Kormushin. On some types of labial consonants in the Old and modern Turkic languages	32
Yulia Normanskaya. New field and archive data on the Mansi dialects and their meaning for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vowel system	40
Natalia Stoynova. Essive, lative and prolicative: “locative” case in Nanai.....	59

DISCUSSIONS

Valentin Rassadin. Lexicon of inanimate nature in the Turko-Mongolic language affinity.....	81
Aleksey Burykin. Methods of comparative linguistics, the Altaic theory and the Turko-Mongolic language relations (<i>Remark on Valentin Rassadin’s article</i>)	93
Style sheet	106
How to subscribe	109

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (19) 2015

П. В. Гращенков. Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках: функции и возможная эволюция	7
Л. С. Кара-оол. Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке	17
И. В. Кормушин. О некоторых типах губных согласных в ряде древних и современных тюркских языков	32
Ю. В. Норманская. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога	40
Н. М. Стойнова. Эссив, латив и пролатив: «локативный» падеж в нанайском языке	59

ДИСКУССИИ

В. И. Рассадин. Лексика неживой природы в составе тюрко-монгольской языковой общности.....	81
А. А. Бурькин. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (<i>Реплика на статью В. И. Рассадина</i>)	93
Требования к оформлению статей.....	106
Как подписаться	109

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), Н. Н. Широбоква (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Mусаev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках: функции и возможная эволюция

1. Введение

В русском языке подчинение в сложных прилагательных оформляется при помощи тех же суффиксов, что образуют новые адъективные значения из одной основы (*легко/атлетический, двухъ/якорный*). Такая ситуация достаточно распространена — в ряде языков есть морфологические показатели, специфицированные в роли атрибутивизатора / адъективизатора. Часто такие показатели считаются также падежными суффиксами.

Так, например, бурятский язык располагает совместным падежом, см. [Санжеев и др. 1962: 86]. Наряду с данным комитативным значением в бурятском имеется противоположное значение так называемого каритива (альтернативно: приватива, абессива, проприетива), ‘без X’:

- (1) бурятский¹ [Аксенова 2014]
табан набшаһа-тай сэсэг
 пять лист-СОМ цветок
 ‘цветок с пятью лепестками (~ пятилепестковый цветок)’
- (2) бурятский [Аксенова 2014]
табан набшаһа-гүй сэсэг
 пять лист-NEG цветок
 ‘цветок без пяти лепестков (~ беспятилепестковый цветок)’

Похожие по синтаксическим и семантическим свойствам образования встречаем и в тюркских языках:

- (3) мишарский²
- a. *zeŋger kxz-le kez*
 голубой глаз-ATR девушка
 ‘голубоглазая девушка’
- b. *biš bülme-le jxrt-lar*
 пять комната-ATR дом-PL
 ‘пятикомнатные дома’
- (4) мишарский
zur jxrt-sxz awxl
 большой дом-ATR деревня
 ‘деревня без больших домов (~ безбольшедомная деревня)’

В данных примерах показатели присоединяются к составляющей, а не к отдельным словоформам, т. к. образуемые ими единицы имеют значение ‘пятилепестковый’, ‘голубоглазый’, а не ‘лепестковый’, ‘глазастый’ и т. д.

2. Тюркские и монгольские комитативный и каритивный показатели: от словообразования к словоизменению и обратно

Скажем несколько слов о трактовке в литературе данных показателей как маркеров падежа либо деривационных морфем. В грамматиках тюркских языков данные маркеры достаточно единодушно принято называть деривационными суффиксами прилагательных. Известное нам исключение — описания чувашского языка, см., например, [Левитская 1976].

¹ Здесь и далее, если бурятский материал упоминается без ссылок на грамматическое описание, он собран автором в рамках лингвистических экспедиций ОТиПЛа МГУ в сел. Барагхан Баргузинского района Республики Бурятия (2014—2015 гг.).

² Мишарский — один из диалектов татарского языка (западная группа). Представленный в данной работе мишарский материал был собран автором в основном во время лингвистических экспедиций ОТиПЛа МГУ в сел. Таг. Ялтан Чистопольского района Республики Татарстан (1999—2000 гг.).

В [Левитская 1976: 22—25] выделяются так называемые совместный и лишительный падеж. Показатель лишительного падежа *-sar* «генетически тождествен общетюркскому привативному *-süz/-siz*» [Левитская 1976: 24]. Относительно происхождения чувашского показателя совместного падежа *-pa/-pe*, *-pala/-pele*, *-pala/-pelen* есть разные точки зрения: происхождение из послелога *birlen* (ср. карачаево-балкарское *bla/ble*), из древнетюркского совместно-орудного *-pa* (ср. орудный *-par* в современных монгольских), сопровождавшегося древним окончанием комитатива *-la* и т. д., см. [Левитская 1976: 22]. Каково бы ни было происхождение чувашского *-pa/-pe* и его алломорфов, по своим свойствам он аналогичен показателю *-ly/-li(-le)* в других тюркских языках, а «лишительный» *-sar* и вовсе совпадает с общетюркским *-suz/-siz(-sez)*, как морфологически, так и синтаксически.

Тюркские и монгольские показатели комитатива и каритива объединяет с прилагательными то, что благодаря своей семантике они образуют значения, которые i) градуальны и ii) регулярно в языках мира выражаются прилагательными:

- (5) татарский
көч-ле — ‘сильный’, *көч-сез* — ‘бессильный’
- (6) азербайджанский [интернет]³
şərəf-li — ‘почетный’, *şərəf-siz* — ‘бесславный’
- (7) бурятский [Серебрянникова 2015]
амта-май — ‘вкусный’, *амта-гүй* — ‘безработный’

Адъективные лексемы с подобным значением часто непроизводны, ср., например, русское *слабый*, английские *strong* и *weak*. Русские *сильный*, *почетный*, *позорный*, *вкусный* и т. д., несмотря на то что они восходят к именам, образуют синтетические степени сравнения (*сильнее*, *почетнее*, *позорнее*), а также, например, употребляются предикативно, т. е. являются такими же качественными прилагательными, как, например, непроизводные *быстрый*, *новый* и т. д.

Тюркские производные с показателями комитативности и каритивности также могут принимать показатель *-рак/-рек*, употребляющийся и как маркер сравнительной степени, и как аттенуативный показатель:

- (8) татарский [интернет]
көч-ле-рек
 сила-ATR-COMPAR
 ‘более сильный, посильнее’
- (9) татарский [Закиев 1993: 67]
күңел-сез-рек
 сила-ATR-COMPAR
 ‘более бессильный, побессильнее’

Также возможно употребление с данными производными лексемами интенсификаторов типа ‘очень’ и т. д.:

- (10) мишарский
bik täm-le kitajkr
 очень вкус-ATR китайка
 ‘очень вкусные китайки’

К сожалению, тюркское *-рак/-рек* может присоединяться и к глагольным формам (например, причастиям), в том числе и аналитическим, см. [Закиев 1993: 67]. Такие свойства данного показателя не позволяют использовать его ни как тест на принадлежность к адъективной категории, ни как указание на то, что оформляемый им материал является лексемой (а не составляющей).

Некоторые аргументы в пользу анализа данных показателей как падежных можно найти в чувашском и бурятском языках. Во-первых, — см. бурятский пример выше — они могут оформлять не только основу, но и составляющую. Во-вторых, их употребление не ограничено атрибутивной функцией, они используются также и как приглагольный комитатив:

- (11) бурятский [Серебрянникова 2015]
Жаргалма ганса Бадм-ын басага-тай нүхэрлэ-нэ
 Жаргалма только Бадма-GEN девочка-COM дружить-PRS
 ‘Жаргалма дружит только с дочерью Бадмы’.

³ Собранные в интернете примеры найдены при помощи поисковых сервисов Google и Яндекс.

(12) бурятский [Аксенова 2014]

хор хубүүн-гүй дуула-на
 хор мальчик-NEG петь-PRS
 ‘Хор поет без мальчиков’.

(13) чувашский [интернет]

Халь вӑл ман-на тусӑ
 сейчас он я-СОМ дружнӑй
 ‘Он сейчас дружит со мной’.

(14) чувашский [интернет]

Шкул-та пӗр уяв та ман-сӑр ирт-мес-т
 школа-LOC один праздник и я-CAR идти-NEG-PRS
 ‘В школе ни один праздник без меня не проходит’.

Сам по себе факт употребления в роли приглагольного адьюнкта, как это имеет место в случае каритива в примерах (12), (14), не говорит в пользу падежного статуса рассматриваемых аффиксов. Действительно, прилагательные и наречия в тюркских и монгольских языках составляют одну часть речи. Если мы будем рассматривать комитатив и каритив как адъективизаторы, возможность их наречного употребления следует из этого автоматически. Комитатив в бурятских и чувашских примерах выше, однако, актантный, а не сирконстантный, что говорит в пользу его падежного статуса.

Далее, и комитатив, и каритив в чувашском языке присоединяются к местоимению, что невозможно для адъективизатора, ср., например, казахский комитативный показатель, который не может присоединяться к местоимению:

(15) казахский⁴ [интернет]

**мен-лі*
 я-ATR
 Ожид.: ‘со мной’.

Интересно также, что комитативные и каритивные показатели в чувашском, как и другие косвенные падежи, требуют косвенной основы местоимений. Это также нехарактерно для деривационной морфологии, т. к. косвенная основа уже имплицитно содержит информацию о том, что данная словоформа имеет (косвенно)падежный признак.

В действительности система в чувашском языке несколько более сложная: показатель каритива один и для приименного, и для приглагольного употребления, в то время как показатели комитатива различаются. Атрибутивно, т. е. при существительном, используется *-лӑ/-лӗ* (*вӑйлӑ* — ‘сильный’), а в роли адьюнкта/сирконстанта — *-на/-не* (*вӑйна* — ‘силой’, ‘с силой’).

Похожую систему находим и в некоторых других тюркских языках, например, казахском и шорском, см. [Телякова 1998]. В казахском наряду с атрибутивизатором *-лі/-лы/-ті/-ты* (*күшті* — ‘сильный’, *сулы* — ‘влажный’) имеется и совместный падеж с негармонирующими показателями *-мен/-пен/-бен* (*күшпен* — ‘силой’, ‘с силой’), совпадающий с творительным падежом и восходящий к послелогу *билен* (современные казахские варианты — *менен/мен/пен*). Отсутствие гармонии подтверждает недавнее послеложное происхождение. Наличие совместного и инструментального значений делает наиболее вероятным предположение о том, что источник — именно послелог *билен*, имеющий значения ‘с’ и ‘для’.

Примечательно, что общетюркский атрибутивный комитатив *-лы* (и его фонетические варианты) также в свою очередь возводится некоторыми исследователями к древнетюркскому комитативу на *-лыг*, см. [СИГТЯ 1986: 39—40].

Оба показателя, и атрибутивный, и приглагольный, могут присоединять не только одиночные основы, но и составляющие:

(16) казахский [интернет]

...[екі жақ]-ты шешім-ге келді
 два сторона-ATR решение-DAT пришли
 ‘... пришли к двустороннему решению’

⁴ В казахоязычном интернете не было найдено ни одного примера местоимений в указанных формах. В то же время употребление местоимения *мен* ‘я’ в домене .kz по данным Google оценивается в 2 310 000 примеров, по данным Яндекс — ок. 3 млн примеров.

замены в современном казахском, возможно, свидетельствует об упоминавшемся уже развитии *-лыг* в *-лы*.

Приведем некоторые аргументы, отличающие атрибутивизаторы / адъективизаторы типа *-лы/-сыз* от падежей. Падежные окончания не позволяют словоформе субстантивироваться, тюркский материал здесь вполне эквивалентен русскому, ср. перевод:

(23) казахский

a. <i>тау</i>	→	<i>тау-да</i>	→	<i>*тау-да-ға</i>
гора		гора-LOC		гора-LOC-DAT
‘гора’		‘в горах / на горе’		‘*к вгорному’
b. <i>тау</i>	→	<i>тау-ның</i>	→	<i>*тау-ның-ға</i>
гора		гора-GEN		гора-GEN-DAT
‘гора’		‘горы’		‘*к горыному’

Ни локативная, ни генитивная словоформы не могут присоединять датив несмотря на то, что семантическая композиция локатива и датива, генитива и датива вполне возможна. Последний факт подтверждается грамматичностью подобных дериватов с «прокладкой» в виде «вторичного атрибутивизатора» *-ғы/-кі*, который образует некоторые прилагательные с локативным и временным значением:

(24) казахский [интернет]

a. <i>тау</i>	→	<i>тау-да</i>	→	<i>тау-да-ғы</i>	→	<i>тау-да-ғы-ға</i>
гора		гора-LOC		гора-LOC-ATR		гора-LOC-ATR-DAT
‘гора’		‘в горах / на горе’		‘горный’		‘к горному’
b. <i>мен</i>	→	<i>менің</i>	→	<i>менікі</i>	→	<i>менікі-де</i>
я		я.GEN		я.GEN.ATR		я.GEN.ATR-LOC
‘я’		‘меня, мой’		‘мой’		‘в моем’

Таким образом, неграмматичность двух падежных маркеров подряд связана с (морфо)синтаксическим запретом на подобные дериваты, а не с несовместимостью семантики. Комитативный показатель *-лы* ведет себя в данном случае не как падеж, свободно присоединяя в случае субстантивации показатели падежа:

(25) казахский [интернет]

a. <i>тау</i>	→	<i>тау-лы</i>	→	<i>тау-лы-ға</i>	→	<i>тау-лы-дан</i>
гора		гора-ATR		гора-ATR-DAT		гора-ATR-ABL
гора		‘горный’		‘к горному’		‘от горного’
b. <i>күш</i>	→	<i>күш-ті</i>	→	<i>күш-ті-ге</i>	→	<i>күш-ті-ден</i>
сила		сила-ATR		сила-ATR-DAT		сила-ATR-ABL
‘сила’		‘сильный’		‘к сильному’		‘от сильного’

Похожие свойства демонстрируют и бурятские комитатив и каритив. В ряде контекстов (как представляется — именно при субстантивации) они допускают присоединение справа показателя падежа, в примерах ниже — аккузатива:

(26) бурятский

<i>Үнээ гэртээ тугал-тай-ень үлөөгөө.</i>
корова дома теленок-СОМ-АСС.3 оставили
‘Корову с теленком оставили дома’.

(27) бурятский

<i>Би тэрэн-ие тугал-гуй-ень мэдэхэб.</i>
я тот-АСС теленок-CAR-АСС.3 знаю
‘Я знаю о том, что она (= та) без теленка’ (досл. ‘Я ту бестеленочную знаю’).

Как мы видим, невозможная для «полноценных» падежей субстантивация с присоединением дополнительного падежного показателя допустима для бурятских комитатива и каритива.

Еще один тест на включение некоторого показателя в состав падежной парадигмы — его способность сочетаться с теми же морфемами и граммемами, с которыми сочетаются обычные падежи. В случае тюркских и монгольских языков можно проверить совместимость предполагаемых падежных морфем с числовыми показателями. В то время как обычные падежи не имеют никаких ограничений на употреб-

ление после показателя множественного числа, комитативные и каритивные маркеры после множественного числа представляются носителям неграмматичными или как минимум маргинальными⁵:

(28) казахский[интернет]

a. тау-лы	→ тау-лар	→ ??тау-лар-лы	→ ??тау-лар-сыз
гора-ATR	гора-PL	гора-PL-ATR	гора-PL-ATR
‘горный’	‘горы’	ожид.: ‘горный’	ожид.: ‘безгорный’
b. күш-ті	→ күш-тер	→ *күш-тер-ті	→ ??күш-тер-сіз
сила-ATR	сила-PL	сила-PL-ATR	сила-PL-ATR
‘сильный’	‘силы’	ожид.: ‘сильный’	ожид.: ‘бессильный’
c. түк-ті	→ түк-тер	→ *түк-тер-ті	→ ??түк-тер-сіз
волос-ATR	волос-PL	волос-PL-ATR	волос-PL-ATR
‘волосатый’	‘волосы’	ожид.: ‘волосатый’	ожид.: ‘безволосый’

Подведем предварительные итоги, представив свойства тюркских показателей *-лы/-сыз* и их коррелятов в монгольских языках в следующей таблице:

(29) Таблица свойств атрибутивных показателей (предварительная)

оформляют составляющую	+
образуют групповую флексию	+
употребляются в роли адъюнкта / сирконстанта при глаголе	+/-
присоединяются к местоимениям, требуя их косвенной основы	+/-
присоединяются к другой именной морфологии (показателям числа)	+/-
образуют градуальные признаки	+
принимают показатели компаратива / аттенуатива (как и глагольные формы)	+
присоединяют падежные показатели при субстантивации	+

Итак, мы наблюдали возможность реализации одних свойств исследуемых аффиксов и как возможность, так и невозможность — других. Попробуем сделать картину несколько более определенной.

Для всех без исключения показателей нами была отмечена, например, способность оформлять составляющую с одной стороны и задавать градуальный признак — с другой. Однако то, что мы видели грамматичные примеры на каждое из этих свойств, не говорит о том, что в каждом случае перед нами одно и то же употребление атрибутивного показателя.

Как представляется, выражение градуального признака и способность оформлять составляющую — разные свойства, (часто) выражаемые омонимичными аффиксами. Так, тюркский показатель *-лы*, возводимый, как мы видели, к древнетюркскому комитативу, употребляясь с одиночными основами типа *сила, соль, вода* и т. д., развил способность образовывать значения ‘сильный’, ‘солёный’, ‘влажный’, т. е. такие значения, которые допускают градуальность признака. Показатель *-лы* был таким образом переинтерпретирован, и перед нами сегодня в действительности два показателя: атрибутивизатор, способный присоединять составляющую, и адъективизатор, образующий градуальный признак. Первый при этом не может образовывать градуальный признак, а второй — оформлять составляющую:

(30) казахский

a. бұл [көп жылқы]-лы қазақ
этот много лошадь-ATR казах
‘этот казах со многими лошадьюми’
b. *[көп жылқы]-лы-рақ
много лошадь-ATR-COMPAR
ожид.: ‘более многолошадный’

(31) казахский

a. *[көп күш]-ті кісі
много сила-ADJ человек
ожид.: ‘очень сильный человек’
b. күш-ті-рек
сила-ADJ-COMPAR
‘более сильный, сильнее’

Если вспомнить еще и о приглагольном употреблении, необходимо добавить и третий случай — собственно падежный маркер, имеющий аргументное и сирконстантное употребление. Естественно, что

⁵ Количественное распределение по поиску в Google следующее:

a. тау-лы (145000)	тау-лар (47100)	тау-лар-лы (5)	тау-лар-сыз (5)
b. күш-ті (362000)	күш-тер (202000)	күш-тер-ті (0)	күш-тер-сіз (20)
c. түк-ті (69900)	түк-тер (1300)	түк-тер-ті (0)	түк-тер-сіз (1)

Существенные различия в количестве примеров, воспроизводимые при повторе поискового запроса, говорят о значимом различии приемлемости.

комитативный падежный показатель, отличный в казахском от атрибутивизатора и адъективизатора, также оформляет составляющие. Комитативные падежные формы на *-мен/-пен/-бен* при этом не могут образовывать градуальный признак, что, в частности, видно по их неспособности оформляться показателем сравнительной степени / аттенуатива:

(32) казахский [интернет]

...*фашистер*... *екі-үш есе көп күш-пен қайта шабуылдап...*

...фашисты два-три раза много сила-СОМ возвращаясь атакуя...

‘... фашисты, два-три раза большими силами возвращаясь, атакуя...’

(33) казахский

а. *күш-пен*

сила-СОМ

‘с силой, *сильнее’

б. **күш-пен-рек*

сила-СОМ-COMPAR

ожид.: ‘с большей силой’

Мы предполагаем, что три морфосинтаксических типа показателей комитатива / каритива оказываются различным образом распределены по рассмотренным выше свойствам. Падежные показатели могут оформлять составляющую, образуют групповую флексию, употребляются приглагольно, присоединяются к местоимениям и показателям числа, при этом не образуя градуальных признаков, не принимая показателей компаратива и не субстантивируясь. Адъективизаторы по всем этим свойствам не совпадают с падежной морфологией: они не присоединяются к составляющим, не могут быть групповой флексией, не могут употребляться приглагольно, с местоимениями или показателями числа, зато образуют градуальный признак, присоединяют компаратив и субстантивируются, принимая показатели падежа. От обоих этих показателей отличаются показатели атрибутивизации, обладающие частично и свойствами падежа, и свойствами деривационной морфологии: с падежом их объединяет способность оформлять составляющие и принимать групповую флексию, а с прилагательными — неспособность употребляться приглагольно, образовывать падежи от местоимений, присоединяться к показателям числа. Атрибутивизаторы, главной функцией которых является оформление приименной зависимости ветвящихся составляющих, не образуют градуальных значений и не принимают связанной с ними морфологии. Атрибутивизаторы, однако, как и прилагательные, могут субстантивироваться и принимать показатели числа и падежа:

(34) казахский [интернет]

Екі аяқ-ты-лар-да ес жоқ.

два нога-ATR-PL-LOC память нет

‘У двуногих совсем нет памяти.’

Отличие адъективизаторов от атрибутивизаторов или, иными словами, деривационной морфологии от словоизменительной вполне осознается авторами тюркских грамматик, ср.: «⟨...⟩ словоизменительными признаются они тогда, когда слова с аффиксами *-лы* и *-сыз* вводятся в речь не как готовые лексические единицы, а принимают эти аффиксы в процессе речи для связи с другими словами. Например, рядом стоят два стола, на одном из них лежит книга, на другом ничего нет. Если я поручаю кому-нибудь принести один из них, то при помощи аффиксов *-лы* и *-сыз* связываю слова “книга” и “стол”: *Китаплы өстәлне алып кил* ‘Принеси тот стол, который с книгой’ или *Китапсыз өстәлне алып кил* ‘Принеси тот стол, который без книги’. Обычно в татарско-русские словари включаются только те слова с этими аффиксами, которые на русский язык переводятся прилагательными. Слова типа *китаплы* (өстәл), *мылтыклы* (кеше), *мылтыксыз* (кеше) не отражены в словаре, ибо они не переводятся на русский язык прилагательными, а включены лишь слова типа *акыллы* ‘умный’, *мыеклы* ‘усатый’, *мыексыз* ‘безусый’» [Закиев 1992: 42].

Распределение рассмотренных выше морфосинтаксических свойств по трем типам комитативных показателей представлено в следующей таблице:

(35) Таблица свойств тюркских и монгольских показателей комитатива и каритива (подробная)

Тип показателя	Case	Atr	Adj
оформляют составляющую	+	+	–
образуют групповую флексию	+	+	–
употребляются в роли адьюнкта / сирконстанта при глаголе	+	–	–
присоединяются к местоимениям, требуя их косвенной основы	+	–	–
присоединяются к другой именной морфологии (показателям числа)	+	–	–
образуют градуальные признаки	–	–	+
принимают показатели компаратива / аттенуатива (как и глагольные формы)	–	–	+
присоединяют падежные показатели при субстантивации	–	+	+

Опишем теперь несколько более подробно реализацию трех типов показателей в каждом из обсуждаемых языков. В большинстве тюркских языков встречается система, представленная выше литературным татарским и мишарским диалектом татарского языка. Все пространство возможностей, представленное в таблице выше, обслуживается в такой системе показателями *-лы/-сыз*. Они используются во всех трех функциях, т. е. для образования: i) адъективных значений типа *вкусный, сильный, бессильный...* ii) атрибутивов *голубогазый, пятикомнатный, без больших домов* и т. д., iii) приглагольных комитативов, объединенных нами выше под общим ярлыком «падеж».

Последнее, неатрибутивное, употребление в действительности также распадается на два случая: сирконстантное наречное употребление, аналогичное адъективизации, и употребление, при котором комитативный / каритивный маркер оформляет составляющую, употребленную не атрибутивно. Первый случай может быть проиллюстрирован следующими примерами:

(36) мишарский

...ul... a-nxу başna keş-le it-e-p sug-a
он он.GEN по.голове сила-ATR делать-ST-CONV ударять-ST.IPFV
'... он его сильно ударил по голове'.

(37) мишарский

kiläçäk žäj-lär dä šrndxj keñelle, matur, bälä-kaza-sxz gına üt-sen
пусть.проходят лето-PL и так весело красиво беда-напасть-ATR только проходить-JUSS
'Пусть пройдет и будущее лето [= лета] так весело, красиво, без бедствий'.

Второй случай может быть продемонстрирован, например, предложениями, где комитатив / каритив употребляется как часть именного сказуемого. В примерах ниже особенно примечательны случаи употребления с местоимениями — по таким употреблениям можно сказать наверняка, что функцией каритивного показателя точно является не адъективизация / адвербаллизация, а оформление составляющей уровня DP, т. е. максимально развернутой именной группой:

(38) татарский [Закиев 1992: 177]

Ул ат-лы түгел
он конь-ATR не
'Он без коня'.

(39) татарский [Закиев 1992: 164]

Марат дәфтәр-сез
Марат тетрадь-ATR
'Марат без тетради'.

(40) татарский [интернет]

Син-сез мин бул-ма-ган кебек, мин-сез син була ал-ма-с-сың.
ты-ATR я быть-NEG-PFCT как я-ATR ты быть мочь-NEG-FUT-2SG
'Ты не сможешь без меня так же, как я без тебя'.

Как представляется, сирконстантное употребление является исходным. Это, как минимум, можно утверждать для каритивного показателя, который, скорее всего, развивается по модели адъективизатор → атрибутивизатор / падеж. Свидетельства более раннего употребления каритива приводятся в [СИГТЯ 1986: 45].

Что касается комитатива, то в татарско-мишарской системе приглагольное комитативное значение передается не аффиксом *-лы*, а послелогом:

(41) татарский [интернет]

Син минем белән бара-сың-мы?
ты я.GEN с идти-2SG-Q
'Ты со мной идешь?'

Таким образом, можно допустить, что распространение из атрибутивного употребления в приглагольное происходит не только в каритиве (где оно в сильной степени уже состоялось), но и в комитативе. Наречные комитативные адьюнкты оформляются тем же показателем, что и комитативный атрибутив / адъектив, в то время как развернутые именные группы в приглагольном употреблении еще используют послелог.

Чувашский и казахский являются примером еще одной тюркской системы, в целом напоминающей первую тюркскую систему с одним небольшим отличием. В языках «казахско-чувашского» типа приглагольный комитатив уже стал морфологическим показателем (хотя и не везде гармонирующим), развившись при этом из послелогога, а не из атрибутивного употребления. Можно сказать, что с точки зрения развития комитативного значения казахский, чувашский, шорский и т. д. эволюционировали несколько дальше, чем татарский, мишарский и др. Приглагольный каритив оформляется показателем *-сыз*:

(42) казахский[интернет]

Мен-сіз сендерге қиын болады.
я-ATR вам трудно будет
'Без меня вам будет трудно'.

В бурятском (и, как представляется, в других монгольских языках) все три функции выполняются комитативным показателем *-тай* и каритивным *-гуй*. Основное отличие бурятской системы от тюркских, скорее всего, состоит в том, что в тюркских языках приглагольное употребление развивается из атрибутивного.

В монгольских языках, скорее всего, имеет место обратное: адъективная функция развивается из приглагольного комитатива. Об этом, например, свидетельствует проникновение показателей в парадигму склонения: например, комитатив в бурятском языке может присоединяться к местоимениям, а, оформляя имена, выбирает так называемую косвенную основу на *-н*:

(43) бурятский

а. *нам-тай*
я-СОМ
'со мной'

б. *морин-той*
конь-СОМ
'с конем'

Ниже распределение показателей по синтаксическим функциям представлено схематически:

(44) Таблица соответствия грамматических показателей и синтаксических функций

язык	семантика	Case	Atr	Adj
татарский мишарский	комитатив	PP, <i>-лы</i>	<i>-лы</i>	<i>-лы</i>
	каритив	<i>-сыз</i>	<i>-сыз</i>	<i>-сыз</i>
чувашский/ казахский	комитатив	<i>-на // -мен</i>	<i>-лă // -лы</i>	<i>-лă // -лы</i>
	каритив	<i>-сар // -сыз</i>	<i>-сар // -сыз</i>	<i>-сар // -сыз</i>
бурятский	комитатив	<i>-тай</i>	<i>-тай</i>	<i>-тай</i>
	каритив	<i>-гуй</i>	<i>-гуй</i>	<i>-гуй</i>

Таким образом, в тюркских и монгольских языках атрибутивное / падежное употребление каритива, скорее всего, привело к развитию омонимичного показателя прилагательных. В случае комитатива картина менее ясна: возможно, древнетюркский комитатив на *-лыг* сначала специфицировался в атрибутивной функции и в настоящее время в ряде языков (например, татарском) распространяется в сторону приглагольного употребления. В других тюркских языках грамматикализация приглагольной комитативной морфемы происходила из послелогогов.

3. Заключение

Таким образом, в тюркских и монгольских языках атрибутивное / падежное употребление каритива, скорее всего, привело к образованию из падежного показателя деривационного показателя прилагательных. В случае комитатива картина менее ясна: возможно, древнетюркский комитатив на *-лыг* сначала специфицировался в атрибутивной функции и в настоящее время в ряде языков (татарский и т. д.) распространяется в сторону приглагольного употребления. В других тюркских языках грамматикализация приглагольной комитативной морфемы происходила из послелогогов. Схожая в целом система тюркских и монгольских языков развивалась из разных источников: в случае тюркских (как минимум в каритиве) развитие происходило от адъективного употребления к приглагольному, в то время как в монгольских — в обратном направлении.

Оба сценария стимулировали на некотором этапе развитие атрибутивизации — такой структуры, в которой показатели приименной зависимости оформляют целую составляющую в составе именной группы.

field data and the data of colloquial texts on the Internet, it is shown the following types of comitative and caritive affixes can be found: adjectiviser, attributiviser, declensional marker. There was also a partial difference between adverbial and adnominal forms of expressing caritive and comitative meanings. Possible ways of evolution of these indicators in the Turkic and Mongolian languages are discussed.

Ключевые слова: тюркские языки, монгольские языки, комитатив, каритив, падеж, атрибутивизация

Keywords: the Turkic languages, the Mongolic languages, comitative, caritive, case, attributivization

Гращенко Павел Валерьевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; pavel.gra@gmail.com

Pavel V. Grashchenkov, Lomonosov Moscow State University; pavel.gra@gmail.com

Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке¹

Тувинская свадьба, как и свадьба любого этноса, является частью народного быта, жизни и культуры, в ней отражаются мировоззрение, мораль народа, история семьи и брака, поэтому она в равной мере может быть предметом изучения этнографии и истории, социологии и этнопедагогики, фольклористики и лингвистики.

Первые сведения о тувинском свадебном обряде появились в исследованиях этнографов, отбывавших ссылку в Минусинске — Е. К. Яковлева [Яковлев 1900], Ф. Кона [Кон 1934], а также географо-путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 1926].

С 60-х гг. XX в. фрагменты свадебных ритуалов нашли отражение в работах С. И. Вайнштейна [Вайнштейн 1961], Л. П. Потапова [Потапов 1969].

В «Очерках народного быта тувинцев» Л. П. Потапов, подробно освещая этнографию тувинцев, описал и свадебный обряд родоплеменных групп, проживающих в районах Монгун-Тайги и Кара-Холя (западный), Сут-Холя (центральный) и Эрзина (юго-восточный). Прежде чем изложить материал о тувинской свадьбе, автор проанализировал вопросы, связанные с семейно-брачными отношениями, типом семьи, системой обозначения родства и свойства тувинцев, а также с рождением ребенка. Наиболее детально Л. П. Потапов описал свадебную обрядность тувинцев из рода *донгак и хертек* (Монгун-Тайга), *чооду и кыргыз* (Эрзин), определил основные ее этапы и этнические особенности. Тем не менее внутренние циклы данного обряда остались без внимания. Л. П. Потапов подчеркнул, что для тувинцев свадьба имеет не только личное, но и общественное значение, потому что в ее подготовке и проведении принимали участие как кровные родственники, так и дальние сородичи [Потапов 1969: 228—278].

Свадебная тематика была объектом исследования и С. М. Биче-оол. В ее кандидатской диссертации «Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социальными преобразованиями в Туве» исследуются истоки традиционных форм брака и семьи, брачные обряды тувинцев. В этой работе выявлены изменения, произошедшие в традиционных брачно-семейных отношениях в ходе культурной революции в периоды Тувинской Народной Республики (1921—1944 гг.) и Тувинской АССР. С. Биче-оол проанализировала и такие пережиточные явления матрилилокального брака, свидетельствующие о силе традиций, как, например, снабжение невесты отдельным жилищем и скотом. В своей работе автор отметил, что тувинская семья прошла путь от древних дуально-родовых, экзогамных норм до патрилокальных брачных отношений [Биче-оол 1974].

Данную тему изучил М. Б. Кенин-Лопсан, д.и.н., этнограф, в его трудах «Традиционная этика тувинцев» [Кенин-Лопсан 1994: 24—35], «Традиционная культура тувинцев» [Кенин-Лопсан 2006: 22—33] есть разделы с описаниями тувинских свадебных обрядов, в них лексика свадебного обряда дается без искажений, хотя и не в полном объеме.

В работе «Древние традиции Тоджа» Т. Кушкаш кратко описала свадебные обряды таежных и речных тоджинцев [Кушкаш 1996: 23—24].

На современные проблемы свадебного обряда обратила внимание Палата представителей Великого Хурала Республики Тыва и выпустила книгу «Тыва кижиниң үш доюн эрттирериниң чуруму» («Правила проведения трех обрядов тувинца») [Монгуш 2010]. В ней описаны правила проведения трех основных обрядов тувинцев: первой стрижки волос ребенка в 3 года, свадебного и похоронного обряда.

«Традиции тувинской свадьбы» С. Ч. Донгак — одна из последних работ, в которой описаны этические нормы и поведенческие аспекты предсвадебных и свадебных обрядов тувинцев. Данное научно-популярное издание вышло на тувинском и русском языках: в первой части материал изложен на тувинском, а во второй части дается перевод. Работа написана на основе трудов Л. П. Потапова, Ф. Кона, С. М. Биче-оол и М. Б. Кенин-Лопсана, с привлечением фотоматериалов из Фонда этнографии и материальной культуры Тувы Национального музея имени Алдан-Маадыр. Автор также затронул проблемы, связанные с нарушением некоторых этических норм свадебных обрядов в настоящее время [Донгак 2012].

Современное состояние свадебной обрядности тувинцев, проживающих в Монголии, а именно в аймаках Ховд и Цэнгэл, описано в работах Ц. Уламсуренгийн [Уламсуренгийн 2003: 12—17] и П. С. Серен [Серен 2000: 26—32; Серен 2006: 50—68; Серен 2013: 22—34]. А вопросы межэтнических браков тувинцев Монголии и Китая изучила этнограф М. В. Монгуш [Монгуш 2002: 88—94].

Лексика традиционного свадебного обряда тувинцев не получила должного освещения в лингвистике, есть несколько работ [Кара-оол 2006а: 7—19; Кара-оол 2007: 99—101; Кара-оол 2008: 443—456; Хертек

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 12-11-17600/е.

2008: 80—91], и в них данная лексика отражена неполно. А в указанных выше этнографических работах тувинская лексика, обслуживающая рассматриваемую группу слов, встречается отрывочно, в описании этапов свадебного обряда и семантики некоторых слов встречаются неточности или расхождения.

В данной работе мы попытаемся последовательно изложить лексику предсвадебных обрядов на основе материалов, собранных автором во время диалектологических экспедиций, а также отобранных из работ рукописного фонда ТИГПИ и из использованной литературы. Лингвистическое исследование лексики предсвадебного обряда будет проведено через описание этнографического своеобразия обряда, так как они взаимосвязаны.

Традиционный свадебный обряд тувинцев — «это своеобразная народная пьеса со многими картинами и действующими лицами» [Карпунин 2011: 3], и его условно можно разделить на 3 цикла, на основе которых можно рассмотреть следующие лексико-семантические группы:

- 1) лексика предсвадебных обрядов — *куда мурнунда ёзулалдарның лексиказы*;
- 2) лексика свадебных обрядов — *куда ёзулалдарының лексиказы*;
- 3) лексика послесвадебных обрядов — *куда соонда ёзулалдарның лексиказы*.

Понятие *куда мурнунда ёзулалдар* букв. ‘обряды перед свадьбой’, т. е. ‘предсвадебные обряды’, состоит из трех компонентов: ОТю *куда* со значениями ‘свадьба; сватовство; сват, сваха’ [ТувРС 1968: 261; ЭСТЯ V: 102; Кара-оол 2006: 130—132], второй компонент *мурнунда* в тувинском языке передает значения ‘перед, впереди; раньше, до этого, {...} тому назад’ [ТувРС 1968: 304], см. ОТю *бурун* с временными значениями [ЭСТЯ II: 271—272] и лексемы *ёзулал + дар* со значениями ‘салют; этикет, церемония; торжество, парад’ [ТувРС 1968: 198], которая по предположению Б. И. Татаринцева, скорее всего, является поздним заимствованием из монгольского языка, см. *josulal* ‘установленный обряд, церемония; правила приличия, этикет, вежливость, церемониал’ [ЭСТувЯ II: 334].

Лексика традиционных предсвадебных обрядов тувинцев представляет собой сложное образование, включающее в себя как общеупотребительные слова, так и слова или устойчивые словосочетания ограниченного употребления, в силу того что многие понятия по прошествии времени устарели.

Итак, первый традиционный предсвадебный обряд тувинцев обозначался лексемой *дугуржулга*.

I. ДУГУРЖУЛГА [туьгуржулга]² ‘сговор, [колыбельная] помолвка’. Слово, по данным тувинских словарей, передает значения ‘соглашение, договор, договоренность, обусловленность’ [ТувРС 1968: 181; ТСТувЯ I: 505], ‘сговор’ [РТувС 1980: 525].

В тувинском языке *дугуржулга* — имя, производное от глагола *дугурууш- / дугуржур-* со значениями ‘договариваться, улаживать, условливаться; обуславливаться; составить единое мнение, добиваться согласия между собой; решать согласованно; сговориться, решать что-л. совместно’ [ТувРС 1968: 181; РТувС 1980: 525; ТСТувЯ I: 505; ЭСТувЯ II: 257].

Лексема *дугуржулга* в значении ‘сговор, помолвка’ зафиксирована только в русско-тувинском словаре, в словарной статье лексемы **сговор** с пометой «уст.» [РТувС 1980: 525], а в других словарях устаревшее значение не отмечено, что говорит о сужении значения данного слова. В разговорном и книжном стиле современного тувинского языка данное слово передает значения ‘соглашение, договор; договоренность’ [ТСТувЯ I: 505], а понятие «договор» в официально-деловом стиле выражает лексема *керээ* [ТСТувЯ II: 119].

Б. И. Татаринцев на основе киргизского *тогол-* ‘сближение; столкновение’ и казахского *тогыс-* ‘сходиться в одном месте; встречаться; скрещиваться’ предположил, что «тув. *дугурууш-* первоначально могло означать ‘встречаться, сходиться’ в прямом смысле, но эта семантика утрачена, и слово употребляется в переносном значении ‘сходиться (в своих интересах); сближаться, согласовывать точки зрения’ и под.» [ЭСТувЯ II: 57—58].

Слово *дугуржулга* не имеет непосредственных соответствий в других тюркских языках, поэтому сложно судить о его общетюркском происхождении.

Кроме основной лексемы *дугуржулга* в центральном диалекте (ЦД) тувинского языка были зафиксированы следующие выражения, связанные с понятием ‘сговор / помолвка’.

1. В эйлиг-хемском (Улуг-Хем) и чаданском (Дзун-Хемчик) говорах — *дадаазын тудар* [тада:зын тудар] букв. ‘преподнести *дадаазын*’, т. е. присмотрев невесту для сына, преподнести ее родителям подарок в виде *дадаазын*, чтобы получить согласие на колыбельную помолвку.

² Несоответствие буквы «д» и звука [т] в начале слова объясняется тем, что в анлауте слова слабая фонема произносится «с весьма слабым озвончением», т. е. реализуется как ненапряженный непридыхательный глухой или полувзвонкий аллофон [СИГТЯ 2002: 624]. Также в этом слове есть специфический фарингализованный гласный [уь], который при транскрипции обозначен знаком «ъ»: при артикуляции этого звука «мускулы в стенках глотки, в том числе и мускулы корня языка, сближаются, отделяя собой нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем самым объем нижнего глоточного резонатора» [Кунаа 1957: 23].

Первый компонент глагольного словосочетания *дадаазын*, встречающийся только в текстах художественной литературы, отмечен в толковом словаре в значениях ‘бечевка, лента (полоса) из козлиной шкуры; предварительный подарок в виде кожаной ленты родителям невесты, а также в других случаях’ [ТСТувЯ I: 372].

По предположению Б. И. Татаринцева, источником тув. *дадаазын* послужил халха-монгольский язык: монг. *татаас(ан)* книжн. ‘кожаная бечевка, веревочка, кожаный шнурок’ [ЭСТувЯ II: 42]. Основа второго компонента *тудар* связана с др.-тюрк. глагол *тут-* ‘держат, держаться; брать, хватать, хвататься; ловить, захватывать; придерживаться чего-либо, проводить, держать, соблюдать, следовать чему-л.’ и т. д. [ДТС 1969: 591].

Описание данного обряда у эйлиг-хемцев: отец жениха, встретившись с отцом будущей невесты, преподносит *дадаазын* со словами: *Сенде кыс бар, менде оол бар, уругларывысты өглен алыыл* ‘У тебя есть дочь, а у меня — сын, давай поженим [в будущем] детей [наших]’. А затем говорил родным: *Хей-мер оглумга уруг чугаалажып, дадаазын тудум кагдым* ‘Поговорив насчет девочки для младшего сына, преподнес *дадаазын*’ [РФ 108 тетр. 7: 8]. Дзун-хемчикские вместо *дадаазын* могли преподнести *кадак* (см. ниже) и кожаную фляжку с молочной водкой [РФ 1087: 21].

2. В овюрском говоре — *уруг демдектээр* [уруг темтектэ:р] букв. ‘пометить девочку’ [Донгак 2012: 4], т. е. присмотрев невесту для сына, получить согласие ее родителей на колыбельную помолвку.

Первая часть глагольного словосочетания выражена общетюркским словом *уруг*, которое в тувинском языке передает значения: ‘ребенок; девочка, девушка; дочь’ [ТувРС 1968: 440], а также ‘внучка; племянница; падчерица’ [Кара-оол 2006: 49—51], в др.-тюрк. данная лексема употреблялась в значениях ‘зерно, семя, косточка; род, потомство; поколение; дитя; младший брат, младшая сестра; свадьба, свадебный пир, брачный пир’ [ДТС 1969: 615; ЭСТЯ I: 604—606].

Слово *демдектээр / демдегле-*, по данным тувинских словарей, передает значения: ‘отметить, метить; делать метку, зарубку; отмечать, замечать, констатировать; заявлять, сообщать; записывать, заносить во что-либо’ [ТувРС 1968: 154], а также ‘премировать, награждать, хвалить за что-либо; поминать’ [ТСТувЯ I: 419]. *Демдектээр* является монголизмом, ср. п.-монг. *temdegle-* ‘ставить знак, заметку, отметить, означать; выставлять доказательство, давать похвальную отметку’ [ЭСТувЯ II: 126].

Описание обряда «пометки» будущей невесты у овюрцев: перед визитом к родителям новорожденной мать мальчика, мягко растрепав козью шерсть, делала клубок и во время сговора со словами: *Уруунарны соонда келин кылып аар мен* ‘В будущем сделаю вашу дочь своей невесткой’, — клала *дук дургээ* ‘клубок шерсти’ в колыбель девочки, а отец мальчика дарил отцу девочки свой *оттук дажы* ‘ремень’. Родители девочки со словами: *Чаа, харын ындыг-даа ыйнаан* ‘Ладно, возможно так и будет’, — давали свое согласие [Кенин-Лопсан 1994: 24]. А торгалыгские или чаа-суурские тувинцы вместо козьей шерсти могли положить и горсточку *өдек* ‘сухого навоза’ [Донгак 2012: 4]. По сведениям информаторов данный обряд проводили до середины 50-х гг. XX в. [ПИМА 2000, 2003, 2015].

Анализ слов и словосочетаний, использованных при описании обряда: 1) *дук дургээ* [түк түргэ:] ‘клубок шерсти’. Значения первой части изафетной конструкции: ‘волос, волосной; шерсть, шерстяной’ [ТувРС 1968: 187], а также ‘пряжа; борода; шелуха; молодой, хвойный (лес, деревья)’ [ТСТувЯ I: 528]. Лексема *дук* в форме неформленного Р. п. является др.-тюрк., см. *tüg* ‘волосы; шерсть’ [ДТС 1969: 595; СИГТЯ 2001: 197; ЭСТувЯ II: 287].

Значения второго компонента *дургээ* в форме принадлежности 3 л.: ‘моток, клубок; прядь; свёрток, пакет, рулон; клубы пыли или дыма’ [ТувРС 1968: 190], а также (перен.) ‘камень на душе’ [ТСТувЯ I: 538]. *Дургек* относится к отглагольному существительному: основа *tür-* ‘сворачивать, заворачивать, свертывать; складывать’ + аф. со значением предмета действия *-қақ* [ЭСТЯ III: 320], данная лексема зафиксирована у Махмуда Кашгарского в форме *türkäk* ‘узел, свёрток’ [ДТС 1969: 599].

3. *Оттук дажы* [отук тажы] ‘ремень’ [ТувРС 1968: 328; ТСТувЯ II: 475]: изафетная конструкция их двух компонентов буквально переводится как ‘камень огнива’, *оттук* в форме неформленного Р. п. ‘огниво’ [ТувРС 1968: 328; ТСТувЯ II: 475] является производной от др.-тюрк. *от* ‘огонь’ (во всех источниках) [ДТС 1969: 372; ЭСТЯ I: 483] + аф. *-тук*, фонетический вариант редко встречающегося словообразовательного аф. *-лык* [Исхаков, Пальмбах 1961: 175]. Существительное *дажы (даш)* в форме принадлежности 3 л. передает значения ‘камень, каменный’ [ТувРС 1968: 149], а также ‘камни во внутренних органах’ [ТСТувЯ I: 402]. Это общетюркская лексема, см. **taş* [ЭСТЯ III: 168].

Кремень дарили отцу девочки для того, чтобы иносказательно передать, что его дочь будет принадлежать новой семье, ее очагу.

4. Общеупотребительное слово *өдек* [өэдэж] ‘навоз, навозный; окрестности жилья, место, где находятся домашние животные’ [ТувРС 1968: 331], а также ‘помет скота, животного’ [ТСТувЯ II: 488] имеет тюркские и монгольские соответствия [БАМРС III: 47; ЭСТувЯ IV: 359]. Б. И. Татаринцев отметил, что

монгольские формы «могут, в свою очередь, иметь тюркское происхождение и являться, в частности, образованиями с аф. *-(e)к* от глагольной основы типа тув. *өт-* ‘оправляться, испражняться; страдать поносом’» и предположил, что тув. *өдек* едва ли может быть монгольским заимствованием, так как в отличие от монгольских слов оно однопланово и практически однозначно [ЭСТувЯ IV: 359].

В ЗД тувинского языка в значении ‘сговор / помолвка’ использовались следующие устойчивые словосочетания.

1. **Кадак тудар** (бай-т.) букв. ‘преподнести *кадак*’, т. е. преподнести родителям присмотренной невесты для сына *кадак*, чтобы получить их предварительное согласие на колыбельную помолвку.

Кадак — ‘тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты, используемый для совершения какого-либо обряда или даримый в знак уважения’ [ТувРС 1968: 215; ТСТувЯ II: 22].

Б. И. Татаринцев отметил, что «М. Рясенен обоснованно истолковал *кадак* как слово монгольского происхождения в тувинском, которое, в свою очередь, является тибетским заимствованием» [ЭСТувЯ III: 39]. У второго компонента *тудар* др.-тюрк. основа *тут-* [ДТС 1969: 591], см. выше.

В верховьях Алаша во время сговора преподносили три вида *кадака* [Потапов 1969: 246]: *айыжсы* — длинный *кадак*, преподносимый в знак уважения [ТСТувЯ I: 91], обычно преподносили отцу девушки; *айыжсы* ~ *Аюуши* санскритский (имя одного из Будд) — *кадак* с орнаментом Аюуши [БАМРС I: 193].

Сержи [сэържи] — один из видов *кадака*, преподносимый в знак уважения [ТСТувЯ II: 669], *сержи* размером поменьше *айыжсы* преподносили матери девушки; *сержи* ~ *сэрж* ‘золотой’ заимствовано из тибетского [БАМРС III: 160].

Самбай [ТСТувЯ II: 632] — китайский шелк низкого качества [ТСТувЯ II: 632], *кадак* небольшого размера преподносили родственникам невесты; монг. *самбай* ‘низкий сорт хадака; марля’ [БАМРС III: 82].

В современном тувинском языке слово *кадак* является общеупотребительным, а названия его разновидностей встречаются в речи лам, служителей буддийского храма. Словосочетание *кадак тудар* используется в значении ‘преподнести кому-либо *кадак* в знак уважения’ [ТСТувЯ I: 22].

2. **Ак бээр** [ак пээр] букв. ‘преподнести (дать) белое’ или **агын тудар / ак тудуушкуну** букв. ‘(обобщенное) преподнесение белого’, т. е. преподнести родителям присмотренной невесты для сына белый *кадак*, чтобы получить их согласие на колыбельную помолвку.

Словосочетание *ак бээр* зафиксировано в толковом словаре тувинского языка в значении ‘преподнести тонкий шелк родителям будущей невестки и договориться о женитьбе; преподнести в знак уважения’ [ТСТувЯ I: 93]. Именная часть словосочетания выражена прилагательным *ак* — общетюркской лексемой со значениями ‘белый; чистый; невинный; прекрасный’ [ЭСТЯ I: 116—117]. Реконструированная форма ОТю *бээр* **бе:р* ‘давать’ (в прямом и переносном значении) — во всех источниках [ЭСТЯ II: 115].

Лексема *ак* в данном выражении является субстантивированной — родители жениха преподносили белый *кадак* или *пөс* ‘белый ситцевый материал’: *кадак* — см. выше, *пөс* [п’өс]³ — др.-тюрк. *böz* ‘хлопчатобумажная ткань, холст, бязь’ [ДТС 1969: 118].

В тувинской языковой картине, как и у других тюркских народов, белый цвет является символом светлого, доброго и благоприятного [Бисенбаев 2007], поэтому при сговоре преподносили белый *кадак* или материал.

Представители С-ВД, тоджинские тувинцы, во время помолвки к колыбели новорожденной привязывали *кадак* или белый ситцевый материал [Кушкаш 1996: 24]. И, в отличие от других, после помолвки начинали частями отдавать выкуп за невесту *хылың*, ср. др.-тюрк. *qaliñ* ‘калым, выкуп за невесту’ [ДТС 1969: 412] и хак. *халың* ‘калым’, каз. и кирг. *қалың* ‘выкуп за невесту’ [Рассадин 1971: 193]. При этом тоджинцы говорили *чүс сөөгүн санай төлээр* [РФ 2057: 44] букв. ‘расплатиться за сто костей’.

Появление анализируемых выражений связано с тем, что при колыбельной помолвке родители мальчика преподносили родителям будущей невестки белый *кадак* / *пөс* или выделанную шкуру ягненка *хураган кежи* или козленка *анай кежи* с белой шерстью, в некоторых случаях привязывали *кадак* к колыбели девочки: **ак баглаар** [Хертек 2008: 81] букв. ‘привязывать белое [кадак]’ (ЗД: бар-х.; С-ВД): *ак* (см. выше); гл. *баглаар* ‘привязывать; плести; вязать, связывать’ [ТувРС 1968: 82] является древнетюркским, см. *багла-* ‘привязывать; связывать’ [ДТС 1969: 78; ЭСТЯ II: 16—17].

В тандынском говоре (Ю-ВД) встречается выражение **сөң бээр** букв. ‘преподнести вино’, т. е. прийти к родителям присмотренной невесты для сына с *аракой* (молочным вином), чтобы договориться с ними о помолвке.

Данное устойчивое выражение состоит из следующих компонентов: *сөң* ‘угощение вином’ [ТувРС 1968: 386] и *бээр* (см. выше). Первое в основном встречается в поэтической речи; данное слово имеет

³ [п’] обозначение начального звука с особым знаком объясняется тем, что в анлауте слова «сильная фонема, произносимая всегда глухо и с относительно заметным придыханием» [СИГТЯ 2002: 624].

монгольские корни, ср. монг. *сөн* ‘посуда с кумысом (вином), поставленная для угощения; потчевание, угостить вином, поднесение кумыса (вина)’ [БАМРС III: 119].

В зарубежных говорах тувинского языка, а именно в речи тувинцев, проживающих в Монголии, зафиксированы следующие устойчивые словосочетания, отвечающие понятию ‘помолвка / сговор’:

1) в ховдинском говоре — *уругларның чаянын тудар* букв. ‘строить судьбу детей’ или *агын тудар* букв. ‘преподнести белое [кадак]’; данные выражения в речи ховдинцев являются общеупотребительными;

2) в цэнгэльском говоре — *суй салыр* букв. ‘преподнести подарок’ или *чөргөк солчур* букв. ‘обмениваться пеленками’, т. е. белыми шкурками ягненка / козленка [Серен 2006: 50—53; Хертек 2008: 82; ПМА 2000, 2003]. В речи цэнгэльцев *суй салыр* является общеупотребительным выражением, а *чөргөк солчур* — устаревшим.

У цэнгэльских тувинцев после первого визита сватов о девочке говорят *суйлуг уруг* букв. ‘девочка с даром, т. е. помолвленная / сговорная» [Серен 2000: 27; ПМА 2003, 2008, 2012]: *суй* (уст.) ‘калым; свадебный (дорогой) подарок; дар; награда’ [ТувРС 1968: 390], этимология отсутствует.

Колыбельная помолвка как исходный момент сватовства будущего жениха *душтук оол* и невесты *душтук кыс* был распространен в Туве до середины XX в.: *душтук* — ОТю *душ* ‘встреча; встречающий; встречаться’ + аф. отыменного существительного *-лук* [ЭСТЯ III: 303—304; Кара-оол 2006: 129—130]; ОТю *оол* ~ *огул* ‘сын; дитя, ребенок; парень; младший брат; племянник; пасынок’ [СИГТЯ 2001: 314; ЭСТЯ I: 417; Кара-оол 2006: 47—48]; ОТю *кыс* ‘дочь, девочка, девушка; невеста; племянница’ и т. д. [СИГТЯ 2001: 295; ЭСТЯ VI: 190; Кара-оол 2006: 52—54].

Родители иногда до рождения детей уславливались, что если в одной семье родится мальчик, а в другой — девочка, то в будущем они станут *кудашкылар* ‘свойственниками’ — общетюркская лексема [ЭСТуВЯ III: 254—258; Кара-оол 2006: 130—132]. Если предположения не оправдывались и рождались дети одного пола, то сговор обычно оставался в силе в расчете на будущих детей.

Значение данного обряда заключалось в том, что в традиционной тувинской семье запрещалось заключать браки между кровными родственниками до 3-го колена, и чтобы предотвратить кровосмешение между ближайшими родственниками потенциальную невестку присматривали заранее [Кенин-Лапсан 1994: 25; Донгак 2012: 5]. Цэнгэльские тувинцы говорят: *Бир сөөктүң улузу аал-оран болбас* ‘Люди одной кости не могут создать семью’ [Серен 2006: 52].

II. Когда девочке исполнялось 13—14 лет или 15 лет (в этнографических материалах даются разные сведения), проводился следующий предсвадебный обряд — **БЕЛЕК ЧААРТЫР** [пэлэк ча:ртыр] ‘скрепление колыбельной помолвки’, устаревшее выражение.

Наименование данного обряда обозначается простым глагольным словосочетанием *белек чаартыр* букв. ‘обновить подарок’, т. е., чтобы скрепить давний сговор, преподносят родителям девочки подарок.

Происхождение первого компонента словосочетания *белек* ‘подарок, дар’ [ТувРС 1968: 98] является спорным: Э. В. Севортян отвергает точку зрения о его заимствовании из монгольских языков, считая его, наоборот, тюркизмом в монгольских языках [ЭСТЯ II: 112—123], а Б. И. Татаринцев склоняется к трактовке *белек* как монгольского заимствования [ЭСТуВЯ I: 211—212], ср. монг. *бэлэг* ‘подарок, дар, гостинец’ [БАМРС I: 314].

Второе слово *чаартыр/чаарт-* ‘обновлять, преобразовывать, реконструировать’ [ТувРС 1968: 504] образовано от тув. *чаа* ‘новый’, восходящего к др.-тюрк. *jaŋi* ‘новый’ [Рассадин 1971: 209] (с помощью суффиксов *-(И)р* — со значением становления признака и *-т-* каузативного).

Данный обряд проводился следующим образом: родители мальчика отправляли уважаемого родственника, обладающего искусством красноречия, с подношениями со вторым визитом, чтобы скрепить колыбельную помолвку.

Гость заходил в юрту с иносказанием: *Белек чаартып чор мен ийин* ‘Я приехал, чтобы обновить подарок’. После обмена курительными трубками *даңза солчур* гостя приглашали в почетное место юрты *дөр* и во время трапезы поднимали чарку молочного вина *кундага көдүрер*. Если родители девочки еще не передумали, то, приняв подарки, они отвечали: *Чорууңар бүттү-ле* ‘Дело ваше идет на лад’. И гость со словами: *Чоруум чогаан-дыр* ‘Дело мое разрешилось’ — собирался домой. Во время скрепления колыбельной помолвки гость выпивал не более двух чарок *ийи дугураан* и старался не обременять хозяев своим визитом [Кенин-Лапсан 1994: 25].

Анализ слов и словосочетаний, использованных при описании обряда

1. *Даңза солчур* [таңза солчур] букв. ‘обмениваться курительной трубкой’, устаревшее выражение, в современном тувинском языке говорят *таакпылажыр* в прямом значении — ‘курить, обмениваться сигаретами’ и в переносном значении — ‘выразить сочувствие по случаю кончины кого-либо’: *даңза* [таңза] ‘курительная трубка; телефонная трубка’ [ТСТуВЯ I: 392]. Лексема *даңза* относится к монголиз-

мам, см. п.-монг. *yangsa*, ойр. *gaŋsa* [ЭСТувЯ II: 88]. Второй компонент словосочетания *солчур/солуш* — совм.-взаимн. от *солу-* ‘обмениваться’ [ТувРС 1968: 381], ср. монг. *соьцгоох* ‘менять’ [БАМРС III: 110].

2. *Кундага көдүрер* [кундага көьдүрер] букв. ‘поднять чарку/чашу’, в современном тувинском языке встречается в поэтической речи. *Кундага* ‘чаша, чарка, бокал, рюмка’ [ТСТувЯ II: 230] — монголизм, ср. монг. *хундага* ‘рюмка, бокал, чарка’. Б. И. Татаринцев предположил, что данное слово может иметь тунг.-маньчж. корни [ЭСТувЯ III: 295]. Второй компонент *көдүрер/көдүр-* ‘поднимать; пасовать; пере-хваливать’ [ТувРС 1968: 256] является общетюркским [ЭСТувЯ III: 228—229].

3. *Ийи дугураан* [ийи тугура:н] букв. ‘два захода’ т. е. две чаши, общеупотребительное выражение: *ийи* ‘два; двойка’ [ТувРС 1968: 203; ТСТувЯ I: 583] — древнетюркское слово, *ийи ~ ики* ‘два, оба’ [ДТС 1969: 206], а также ‘двойка; двое; две пары’ [ЭСТЯ I: 339]. Этнокультурная семантика *ийи* ‘два’ в тувинском языке связана со значением парности, а также с идеей полярности всего существующего: *Чер — ием, Дээр — адам* ‘Земля — мать [моя], Небо — отец [мой]’.

Второй компонент *дугураан* ‘черед, круг, заход’ (при питье вина из одной чаши компанией) [ТувРС 1968: 181; ТСТувЯ I: 505] — монголизм, ср. п.-монг. *duγurija(n)* / монг. *дугураа* ‘круг, круговая чаша, братина’, бур. *духарьян* ‘чарка’ [ЭСТувЯ I: 257].

III. Когда будущая невеста подрастала (15—16 лет), проводился обряд **ШАЙЫН БУЗАР** [шайын пу-зар] букв. ‘отломить чай’, устаревшее выражение.

Фразеосочетание состоит из двух компонентов: *шай* ‘чай’ [ТувРС 1968: 564], китайское заимствование [БАМРС IV: 246]. Второй компонент *бузар* используется в значении ‘отламывать часть, кусок чего-либо’ [ТСТувЯ I: 308—309], основой является ОТю *бус-* ‘ломать, разрушать...’ [ЭСТувЯ I: 300], ‘рубить, колоть, резать’ [ЭСТЯ II: 279].

Обряд *шайын бузар* отражает основное ритуальное действие на данном этапе — разламывание: «действия, направленные на разрушение, разламывание, разбивание, являются основными в переходных обрядах, к которым относится и свадебный обряд, — для того чтобы перейти в новое состояние, необходимо разрушить старое» [Хертек 2008: 85]. Основное назначение обряда — донести до окружающих, что девушка обрела статус невестки *келин*: общетюркская лексема этимологизируется на тюркской почве как имя на -н от гл. *кел-* ‘приходить’ [СИГТЯ 2001: 302; Кара-оол 2006: 125—127] — и у нее есть свекор и свекровь [Кенин-Лопсан 1994: 26]. О девушке с этого времени говорят *бегленген уруг* букв. ‘девушка, имеющая свекра’ [Хертек 2008]: у гл. *бегленген* общетюркская основа *бег* [ДТС 1969: 91; ЭСТЯ I: 97—101; ЭСТувЯ I: 205; СИГТЯ 2001: 320] со значениями ‘правитель; вождь; бек; князь; господин; муж, супруг’. В тувинском языке не сохранились указанные значения, за исключением ‘правитель’, ‘отец мужа, свёкор’, ‘деверь, старший брат мужа’, которые, вероятно, закрепились за словом позднее [Кара-оол 2006: 106].

Теперь невестка должна соблюдать обычай избегания свекра, деверя, старших родственников со стороны жениха — *беглээр* [Хертек 2008: 85]: не оставаться с ними наедине, не появляться перед ними без платка, не обутой, не называть их по именам, не разговаривать громко при них и т. д.

Бегле- [пэглэ] — общетюркская лексема со значением ‘оберегать, стеречь’ [ДТС 1969: 92]. В тувинском языке слово *беглээр* зафиксировано в значении ‘стесняться’ [ТСТувЯ II: 236], во время диалектологической экспедиции информаторы из Овюрского района (ЦД) дали следующие объяснения данной лексема: ‘быть внимательным; остерегаться’ и ‘воздерживаться, ограничиваться’ [ПМА 2015].

Родители жениха на этот раз отправляли в семью будущей невестки двух родственников — мужчину и женщину с подарками и угощениями. Мужчина, разломив кусок с краю плитки чая, давал сватье со словами: *Шайын бузуп каайн* ‘Разломлю чай [ее], т. е. невестки’, а затем преподносил на кадаке плитку *сарыг шай* ‘зеленого чая’ матери невесты и пачку *дүңзе* ‘дунза’ отцу невесты [Кенин-Лопсан 1994: 26].

Анализ слов и словосочетаний, использованных при описании обряда

1. *Сарыг шай* букв. ‘желтый чай’, т. е. ‘кирпичный прессованный зелёный чай’ [ТСТувЯ II: 648], словосочетание с атрибутивной связью состоит из следующих компонентов: *сарыг* ‘желтый; белый’ (цвет кожи), разг. ‘светлый’ (о волосах) [ТувРС 1968: 369], а также ‘желтый, выцветший’ (о траве, листьях деревьев), ‘соловый’ (о масти лошади), ‘карий’ (о глазах), ‘мутный, нечистый; очень ранний’ (о времени) [ТСТувЯ II: 648]. *Сарыг* — общетюркская лексема [ЭСТЯ VII: 206]: в рассматриваемом примере у традиционных тувинцев чай называли *сарыг* из-за того, что его привозили из Китая, родины желтого императора (‘желтый / императорский чай’ — синоним редкого чая, который невозможно купить просто так). В современном тувинском языке понятие *сарыг шай* используется в переносном значении ‘незрелый, свежий’, т. е. чай без термической обработки. *Шай* — китайское заимствование.

2. *Дүңзе* ‘дунза’ (сорт табака) [ТувРС 1968: 189], устаревшее слово, *дүңзе* [түңзэ] — трубочный табак. Б. И. Татаринцев предположил, что тув. *дүңзе* может быть монгольского происхождения, как и тоф. *dünse* ‘сорт трубочного табака’: ср. п.-монг. *dünse* ‘сорт табака (китайский табак для курения)’, так-

же он отметил, что М. Ряснен указал на китайское происхождение монгольского слова (< кит. *dun-ze*) [ЭСТувЯ II: 296].

Отец невесты, открыв пачку табака *боодалын часкан дунзе* букв. ‘дунза с открытой пачкой’, раздавал всем, кто курил, а мать наделяла кусочками чая родственников и соседей — *хол актаар* букв. ‘обелить руку’, ср. рус. ‘позолотить руку’. Этот обычай не только символизировал участие всех родственников в данном обряде, но и налагал на них определенную обязанность — они должны участвовать в подарках, собираемых для невестки *селиктенир* (см. ниже).

Во время обряда *шайын бузар* родственница со стороны жениха отдельно встречалась с будущей невесткой и по завершении разговора привязывала к ее косе нанизанные на китайскую нить разноцветные бусы *өң-баазын чинчилер* [Кенин-Лопсан 1994: 26].

В Овюрском районе (ЦД) обряд заканчивался общим пиршеством *дой*, на котором отцу невесты дали коня — *аас белээ* букв. ‘устный дар’, т. е. дар за обещание [РФ 108 тетр. 6: 25].

Слово *дой* [той] ‘пир, пиршество; праздник, празднество’ [ТувРС 1968: 167], а также ‘продукт, мясо для праздника’ [ТСТувЯ I: 464] является общетюркским: в значительной части тюркских языков отмечено в форме *той* со значениями ‘пир’ или ‘свадьба’ [ЭСТувЯ II: 177], общеупотребительное слово.

Аас белээ этн. ‘подарок родителям девушки, к которой сватаются’ [ТСТувЯ I: 241], устаревшее выражение. Первая часть изафетной конструкции *аас белээ* является ОТю **агыс* ‘рот, уста; речь, разговор; отверстие; вход’ [ЭСТЯ I: 81—82; ЭСТувЯ I: 41—42], а также ‘устье’ (реки), ‘дуло, жерло; крышка; устный’ [ТувРС 1968: 30; ЭСТувЯ I: 41]. В данном примере слово использовано в переносном значении, поэтому *аас белээ* — это подарок за обещание выдать свою дочь за сына будущих сватов. Принятие *аас белээ* узаконивает сговор, и отец невесты, приняв его, не имеет права отказываться от своего слова [ПИМА 2004, 2015].

Эйлиг-хемцы для передачи дара *аас белээ тудары-биле* букв. ‘для преподнесения дара за обещание’ отправляли к будущим сватам старшего сына. Для чего тот к торокам седла своего коня привязывал *көгээржик* ‘кожаную фляжку’ с вином и, взяв за уздечку коня для дара, отправлялся в путь [РФ 108 тетр. 7: 8]; *көгээржик* — монгольское заимствование, ср. п.-монг. *kökügür* [ЭСТувЯ III: 226], оформленное тувинским уменьшительным суффиксом.

IV. КУДАЛААШКЫН [кудала:шкын] ‘сватовство, сватанье’ [РТувС 1980: 520; ТСТувЯ II: 214]. Когда девочке исполнялось 16—17 лет, проводился один из основных этапов предсвадебного обряда — сватовство. *Кудалаашкын* — общеупотребительное слово, которое используется наравне с его производящим словом *кудалаар* ‘сватать’.

Кудалаашкын — имя, производное от гл. *кудала-* ‘сватать’ [ТувРС 1968: 261; ТСТувЯ II: 214], производного, в свою очередь, от ОТю **куда* [ЭСТЯ V: 102] ‘сват; сватовство; свадьба’ + аф. отыменного глаголообразования *-ла*.

В тувинском языке в значении ‘сватанье / сватать’ наряду с основной лексемой зафиксированы несколько фразеологических сочетаний.

1. В разговорном тувинском языке, в пий-хемском говоре (ЦД), а также в зарубежном говоре тувинского языка — в цэнгальском (Монголия), используется фразеологическое сочетание *уруг дилээр / уруг айтырар* букв. ‘просить девушку’.

Устойчивое словосочетание *уруг дилээр* [уруг тилэ:р] до сих пор остается общеупотребительным: первый компонент *уруг* — общетюркское слово; глагол *дилээр / диле-* в тувинских словарях зафиксирован в значениях ‘искать; просить; умолять’ [ТувРС 1968: 163; ТСТувЯ I: 449]. Реконструируемая форма ОТю *дилээр *tilä-* ‘хотеть, желать; стремиться, добиваться’ [ДТС 1969: 560]. Э. В. Севортян отметил, что *тилен-* со значением ‘просить, желать для себя, выпрашивать’ встречается еще в памятниках древнеуйгурского времени [ЭСТЯ III: 232—233].

Фразеологическое сочетание *уруг айтырар*, как и предыдущий пример, является общеупотребительным: второй компонент *айтырар / айтыр- / ай(ы)т-* в словарях тувинского языка отмечен со значениями ‘спрашивать; допрашивать’, (уст.) ‘спрашивать у родителей невесты согласия на брак’ [ТувРС 1968: 48], а также ‘просить что-либо’ [ТСТувЯ I: 90]. Основа данной лексемы *айт-* ‘говорить’ зафиксирована во многих современных тюркских языках [ЭСТЯ I: 111—112]. Б. И. Татаринцев предположил, что тув. слово *ай(ы)т-* в понудительной форме заимствовано из древнеуйгурского языка [ЭСТувЯ I: 81].

2. В 3Д тувинского языка в рассматриваемом значении зафиксированы следующие выражения — *уруг колдаар* (бай-т., кара-х.), *херин колдап алыр* (монгун-т.) и *кудалай көрген* (монгун-т.) [Вайншейн 1961; Потапов 1969: 234; СОНС 1980: 28].

В глагольном словосочетании *уруг колдаар* [уруг коьлдаар] букв. ‘просить девушку’ *колдаар* отмечено как фольк. ‘просить, выпрашивать’ [ТСТувЯ II: 154]. Для тув. *колдаар* с общетюркской основой

кол- предлагаются две этимологические версии: «первая из которых связывает эту форму с гл. основной *кол-* ‘просить’, а вторая — с именной *кол* ‘рука’», — и Б. И. Татаринцев предположил, что тув. *колда-*, «скорее всего, отыменное, а не отглагольное образование ⟨...⟩» [ЭСТувЯ III: 182]; ОТю *уруг*.

В монгун-тайгинском говоре ЗД понятие ‘сватать’ передается выражением *херин колдап алыр* букв. ‘просить невестку’. Форма с чередованием *к-/х-* в анлауте слова, а также с замененным сонантом *-р- < -л* *херин* ‘невестка’ является фонетической особенностью не только ЗД, но и ЦД, Ю-ВД и ховдинского говора [Кара-оол 2006: 125—126]; *колдап* ‘просить’ (см. выше) и ОТю *алыр / ал-* ‘брать; получать; принимать’ [ТувРС 1968: 56].

Следующее фразеологическое сочетание *кудалай көрген* букв. ‘принять за сватов’ состоит из двух компонентов. Первый компонент — *кудалай/кудала-* ‘сватать’ [ТувРС 1968: 261; ТСТувЯ II: 214], корень восходит к ОТю **куда* [ЭСТЯ V: 102] ‘сват; сватовство; свадьба’ + аф. отыменного глаголообразования *-ла*. Второй компонент *көрген/көр-* отмечен во многих тюркских языках в фонетических вариантах *көр-/гөр-* в с основными значениями ‘видеть; смотреть, глядеть’ [ДТС 1969: 317; ЭСТЯ III: 77—79; ЭСТувЯ III: 246]. Данное общетюркское слово в тувинском языке использовано в переносном значении ‘считать, признавать’ [ТувРС 1968: 258; ТСТувЯ II: 200].

3. В эрзинском говоре Ю-ВД встречаются два примера, передающие понятие ‘сватать’, — *ужур-чөвүн айтырар* и *сүт чедирер* [Хертек 2008: 85; ПМА 2000, 2004].

Ужур-чөвүн айтырар [ужурчөвүн айтырар] букв. ‘разузнать участь / судьбу’. Первый компонент выражен сложным словом *ужур-чөвүн*: основным значением лексемы *ужур* в тувинском языке является ‘суть, смысл’, но в данном примере она использована в устаревшем значении ‘участь, судьба’ [ТувРС 1968: 435]. Данная лексема во многих тюркских языках зафиксирована в форме *угур* в значениях ‘случай; причина; судьба; счастье; благо; время’ [ЭСТЯ I: 564—565]. Вторая часть сложного слова *чөвүн/чөвү/чөп* передает значения ‘справедливо, правильно; справедливость, правильность’ [ТСТувЯ 1968: 543]. Последний компонент выражен общетюркским словом *айтырар/айтыр-/ай(ы)т-* ‘говорить’.

Следующее выражение в значении ‘сватать’ *сүт чедирер* [сүт чэьдирэр] букв. ‘доставить молоко’: *сүт* ‘молоко/молочный’ [ТувРС 1968: 394; ТСТувЯ II: 767] — общетюркская лексема, отмеченная во всех языках с одним значением ‘молоко’ [ЭСТЯ VII: 347]. Второй общетюркский компонент *чедирер/чедир-* ‘доводить; довозить, доставлять’ [ТувРС 1968: 525] является каузативом от глагола *чет-*, этимон которого встречается во многих тюркских языках в форме *йет-* ‘достигать, доходить; быть достаточным, хватать’. В данном примере глагол использован в переносном значении: *сүт чедирер*, т. е. во время сватания в знак уважения и почитания преподнести белую пищу.

4. В зарубежных говорах тувинского языка, а именно в цэнгэльском и ховдинском, зафиксированы примеры *келин сураар* (Цэнгэл), *келин алыр* (разг. тув., Ховд) и *ак кудар* (Ховд) [Уламсуренгийн 2003: 12, 140; ПМА 2000, 2003].

Фразеологическое сочетание *келин сураар* букв. ‘расспрашивать невестку’ зафиксировано только в цэнгэльском говоре, поэтому для тувинского языка оно как диалектизм является лексемой ограниченного употребления: ОТю *келин*; монгольское заимствование *сураар / сура-* в тувинском языке за пределами основных значений ‘искать, расспрашивать’ используется и в переносном значении ‘обзывать, оскорблять’ [ТувРС 1968: 391], а также ‘выпрашивать, просить, желать’ [ТСТувЯ II: 754], ср. монг. *сурах* ‘спрашивать; осведомляться; наводить справки’ [БАМРС III: 132].

В отличие от цэнгэльских ховдинские тувинцы Монголии понятие ‘сватовство’ передают с помощью фразеологического сочетания *келин алыр* букв. ‘взять/принимать невестку’, которое зафиксировано и в тувинском языке: ОТю *келин*; *алыр / ал-* общетюркская лексема, в значительной части языков имеет значение ‘брать, получать’ [ЭСТЯ I: 127—128; ЭСТувЯ I: 87], в тувинском языке также передает значения ‘принимать’, ‘покупать; выхватить; уводить; использовать; водиться (с ребенком); чувствовать; спасти (жизнь); брать в жены’ [ТувРС 1968: 56; ТСТувЯ I: 119].

Наравне с рассмотренным примером ховдинцы употребляют выражение *ак кудар* букв. ‘наливать белое, т. е. молочное вино’ — ОТю *ак*; в тувинском языке ОТю *кудар/кут-* имеет значения ‘лить, наливать; лить, отливать’ [ТувРС 1968: 261], а также ‘переливать, разливать’, перен. ‘лить, сильно идти (о дожде)’ [ТСТувЯ II: 214], ср. с др.-тюрк. *куд-* ‘лить’ [ДТС 1969: 463], с тоф. ‘лить’ и якут. *кут-* ‘лить’ [Рассадин 1971: 222], в других тюркских языках преобладает вариант *куй-* с основным значением ‘лить, наливать, разливать’ [ЭСТЯ V: 109—110].

Эйлиг-хемцы (ЦД) *кудалаашкын* ‘сватовство’ и *дүгдээшкин* ‘закрепление сватовства’ (см. ниже) могли проводить одновременно [РФ 108 тетр. 7: 8].

Сватать девочку приезжал отец жениха с родственниками, иногда роль свата выполнял почитаемый родственник со стороны отца. Сват с поклоном «подносил будущему тестю чашку *араги*, покрытую *кадаком*, со словами: *Бедик эктиңерге даянып, элбек эдээңерге туттунаалыңар* ‘Позвольте на ваше высо-

кое плечо опереться, за вашу широкую полу подержаться» [Яковлев 1900: 57]. Если родители невесты были согласны, они отвечали: *Херээңер бүдер эвеспе* ‘Дело ваше должно разрешиться’, — и принимали чашку, если нет, то возвращали. Если девушка противилась, а родители были согласны на этот брак, сваты приезжали еще несколько раз, чтобы уговорить будущую невесту и привозили подарки в виде скота: о девочке, сосватанной таким образом, говорили *малга берген уруг* [Потапов 1969: 236].

Малга берген уруг букв. ‘девочка, выданная за скот’, устаревшее выражение. Данное словосочетание с атрибутивной связью состоит из трех компонентов: *мал* ‘скот, домашние животные / скотный; лошадь, табун’, перен. ‘грубый, подлый человек, скотина/скотский’ [ТувРС 1968: 287; ТСТувЯ II: 325]. Б. И. Татаринцев предположил, что тувинское слово *мал* заимствовано из монгольского, и в часть тюркских языков оно попало через монгольский язык [ЭСТувЯ IV: 54—55]: ср. монг. *мал* ‘скот, скотина; имущество’ [БАМРС II: 314]. Следующее слово — гл. *берген/бер-* ‘давать, выдавать; подавать’ [ТувРС 1968: 132], а также ‘вручать, предоставлять; выдавать замуж; с целью наказания бить, пытаться, истязать’ [ТСТувЯ I: 347]. *Бер-* ‘давать, выдавать’ — общетюркское слово, архетип восстанавливается с долгим гласным [ЭСТЯ II: 114—116; ЭСТувЯ I: 214]. Последний компонент — ОТю *уруг*.

У цэнгельских тувинцев во время сватания соблюдали обычай избегания: старшему брату жениха запрещалось быть среди гостей. Невеста тоже не должна быть в юрте родителей, поэтому ее заранее отправляли к родственникам [Серен 2000: 27].

В материалах о тоджинцах зафиксирована архаичная форма сватания. Родители жениха иносказательно говорили: *От, наш дилеп чор бис* ‘Пришли просить огня и котла’, т. е. ‘Пришли просить невестку-хозяйку’. Если девушку просили люди из трудолюбивой и уважаемой семьи, то сразу соглашались, а если просили из семьи, прославившейся ленью, могли отложить и, сказав: *Бо уругнуң хылыңы төнүп турар* ‘У этой девушки кончается калым’, — потребовать дополнительные выплаты за невесту [Кушкаш 1996: 23].

Следующим этапом предсвадебного цикла является обряд, который устраивали только тогда, когда жених и невеста достигали половой зрелости, т. е. после этого обряда они могли вступить в брак.

V. ДУГДЕГ [түгдэг], **ДУГДЭЭШКИН** [түгдэ:шкин] ‘закрепление сватовства’. У рассматриваемой лексемы устаревшее значение ‘обручение, помолвка’ зафиксировано только в русско-тувинском словаре [РТувС 1980: 322, 419], в других источниках в русском переводе *дүгдээшкин* получило не вполне адекватные переводы как ‘смотрины’ [ТувРС 1968: 185] и ‘сватовство’ [ЭСТувЯ I: 284; ТСТувЯ I: 522—523], ‘венчание’ [СОНС 1980: 29]. Внутренней форме слова и смыслу обряда более соответствует эквивалент ‘закрепление сватовства’. В тувинском языке понятию ‘сватовство’ соответствует лексема *кудаалаашкын* [ТСТувЯ II: 214], а таких обрядов как ‘смотрины’ или ‘венчание’ у тувинцев не было, в отличие от славянских народов.

Дүгдэг, *дүгдэ+эшкин* — устаревшее имя, производное от гл. *дүгдээр / дүгдэ-* с не вполне точным переводом уст. ‘идти на смотрины’ [ТувРС 1968: 185].

Б. И. Татаринцев отметил, что рассматриваемые слова не имеют прямых соответствий в тюркских языках: гл. *дүг-дэ-* образован от именной основы **туг...* ‘узел’ [ЭСТувЯ I: 284], существование которой допускал и Э. В. Севортян, — **дүйв-* ‘связка’ [ЭСТЯ III: 307]. На данной основе можно объяснить и значение старинного тувинского обычая, который устанавливал еще более тесные связи между будущими сватами: девичью косу невесты заплетали как у замужней женщины, девичьи украшения заменяли женскими. Данный обряд проводила родственница с материнской стороны, имевшая «легкую руку» — прожившая счастливую семейную жизнь и вырастившая здоровых детей [Сиянбил 2000: 22]. На макушку шапки невесты прикрепляли длинную кисть из красных шелковых нитей ‘*маак*’ (ср. тоф. и алт. *маак*, с.-югур. *пагак* [ЭСТувЯ IV: 26]), нашивали новые, более широкие каймы красного цвета [Потапов 1969: 238—239] и говорили: *Үш херээн үскен, үш херээн чарган* ‘Три дела решены, три косы заплетены’.

Основное значение обряда *дүгдээшкин* заключалось в том, что после него можно было готовиться к свадьбе [Донгак 2012: 11], так как окончательно подтверждается статус девушки как невестки *келин* и молодого человека как зятя *күдээ* — общетюркская лексема, этимологизируется на др.-тюрк. основе как *küddägi* ‘зять’ [ДТС 1969: 324] и зафиксирована во всех тюркских языках [ЭСТЯ III: 44; СИГТЯ 2001: 297—298; Кара-оол 2006: 122—124]. По предположению Б. И. Татаринцева, для *күдөгү* первоначальным является значение ‘гость’ [ЭСТувЯ III: 336—339].

Родители жениха сначала отправляли гонца *шапкынчы* (имя от гл. *шап-* ‘скакать на коне [нахлестывая его]’ < др.-тюрк. *šap-* ‘шлепать, стегать, хлестать’ [ДТС 1969: 139]) для сбора сведений о родственниках невесты, чтобы приготовить подношения.

На *дүгдээшкин* кроме родителей жениха и самых близких родственников должен поехать *от чажыкчызы* букв. ‘кропитель огня’, который заранее выезжал из селения жениха и до приезда гостей в

юрту сватов объезжал родственников невестки и в каждой юрте проводил обряд «угощения» огня *от дагыыр*: *от* ОТю ‘огонь’ [ЭСТЯ I: 483—484] и *дагыыр* от гл. основы *дагы-* ‘освящать’ [ТувРС 1968: 142]. Н. Ф. Катанов возводил ее к п.-монг. *taqi-*, и Б. И. Татаринцев считает данную этимологию обоснованной [ЭСТувЯ II: 40].

У западных тувинцев Алаша и Кара-Холя обряд *дүгдээр* называют *херек бүдүрер* / *уруг херээ бүдүрер* [Потапов 1969: 248], а эйлиг-хемские и урбунские (ЦД) — *хоорарын бүдүрер* [РФ 108 тетр. 7: 8].

Херек бүдүрер [хэрэк пүдүрэр] букв. ‘решить дело’, в современном тувинском языке данное выражение передает значение ‘делать дела’. Глагольное словосочетание состоит из двух компонентов: *херек* ‘дело; преступление; дело, судебное разбирательство; нужный, необходимый’ [ТувРС 1968: 475]; реконструированная форма тув. *херек* — др.-тюрк. *keräk* ‘нужный, необходимый; надо, нужно’ [ДТС 1969: 300]. Второй компонент *бүдүрер/бүдүр* — понуд. от *бүт-* ‘делать, производить, изготавливать’ [ТувРС 1968: 126], ‘осуществлять, выполнять, делать дела’, фольк. ‘рождать’ [ТСТувЯ I: 326]. Б. И. Татаринцев предположил, что «тув. *бүт-* является, скорее всего, исконно тюркским словом» [ЭСТувЯ I: 320].

Хоорарын бүдүрер [хо:рарын пүдүрэр] букв. ‘сделать разделение’, устаревшее выражение. Первая часть *хоорар/хоор-* в тувинском языке употребляется в значениях ‘выдалбливать; отрывать; разделять, размежевывать’ [ТувРС 1968: 483]. Эйлиг-хемские и урбунские тувинцы обряд закрепления сватовства, видимо, называли *хоорарын бүдүрер* из-за того, что после данного обряда в одежде и в облике девушки появляются детали, свидетельствующие о том, что она перешла в категорию замужней женщины, т. е. как бы происходит условное разделение.

Во время закрепления сватовства происходил обмен лошадьми *аът чаяр* букв. ‘отбирать лошадь’ [ТувРС 1968: 524] между родственниками жениха и невесты: отец невесты забирал у сватов понравившегося ему коня, в свою очередь жених выбирал себе лучшего коня из табуна отца невесты — *күдээ аьды* букв. ‘лошадь зятя’ [Кон 1934: 196; Потапов 1969: 246—248]: ОТю *күдээ*; *аът* — ОТю *ат* ‘лошадь, конь; мерин’ [ЭСТЯ I: 197].

По материалам М. Кенин-Лопсана, *дүгдээр адазы* букв. ‘отец закрепления сватовства’ (ответственный за обряд со стороны невесты) мог взять *көгээржик* сватов — кожаную фляжку для кумыса или араки, которая понравилась ему [Кенин-Лопсан 1994: 28].

VI. ТЫНЫШ АЛЫШТЫРАР [т’ыныш алыштырар] ‘сводничество’, устаревшее выражение. У данного предсвадебного обряда есть другое название — *чырык ызыржыр* (ЦД, Чадан) [РФ 1087: 21] или уст. *чырыктажыр* ‘дёргать зубами с двух сторон кусок вареной кожи головы животного’ (о женихе и невесте при свадьбе по старым обрядам) [ТувРС 1968: 559].

Глагольное фразеологическое сочетание *тыныш алыштырар* букв. ‘обменяться дыханием’ состоит из двух компонентов. Первый компонент — *тыныш* ‘дыхание / дыхательный’ [ТувРС 1968: 429]. Лексемы с основой *тын-* в значениях ‘дыхание, дух; дышать’ были зафиксированы ещё у Махмуда Кашгарского [ДТС 1969: 567]. Э. В. Севортыян, рассматривая *дын-* с основными значениями ‘переставать; отдыхать’, отметил, что «можно было бы *тын* ‘дыхание’ и его глагольный коррелят *тын* ‘дышать’ рассматривать как гомогенные с *ды:н- ~ ди:н- ~ тын- ~ тин- ~ диң- ~ тиң-*, как это принимается в ДТС 567. Но это другой глагол, имеющий свое фоно-морфо-семантическое поле» [ЭСТЯ III: 341—343]. Второй компонент *алыштырар / алыр / ал-* ‘брать; получать; принимать’ [ТувРС 1968: 56] является общетюркской лексемой.

В чаданском говоре (ЦД) встречается выражение *чырык ызыржыр* букв. ‘кусать (с двух сторон) губу’. Первый компонент — *чырык* ‘край (уголок) рта’ [ТувРС 1968: 559]. Лексема *чырык* не имеет непосредственных соответствий в других тюркских языках. Второй компонент *ызыржыр / ызырыш-* — совм.-взаимн. от ОТю *ызыр-* ‘кусаться, кусать друг друга’; *ызырар* ‘кусать; держать в зубах’ [ТувРС 1968: 593], зафиксированного во многих тюркских языках в форме *ысыр-* с основным значением ‘кусать’ [ЭСТЯ I: 671].

В назначенный день сваты и жених приезжали к родителям невесты на семейный праздник, где устраивали обряд сводничества: руки жениха и невесты связывали платком, затем жениху давали в зубы *хой чыры* ‘(кусочек вареной нижней) губы овцы’ (или кусочек вареной кожи головы барана), и невеста пыталась откусить кусочек.

Обряд сводничества проводили, чтобы сблизить молодых, чтобы они обменялись дыханием во время *чырыктажыр* (у тувинцев не принято было целоваться, чтобы выказать нежность, вдыхали запах волос или кожи) и чтобы в дальнейшем они могли, не стесняясь, встречаться на людях. Этот обряд символизировал переход девушки в род мужа, жених как бы «отрывал» невесту от ее клана [Потапов 1969: 246].

По некоторым источникам, данный обряд могли проводить во время закрепления сватовства *дүгдээшкин* [Яковлев 1900: 57; Кон 1934: 104].

VII. МАЛДААР [малда:р] букв. ‘ездить за скотом’ [Потапов 1969: 249; Донгак 2012: 7]. *Малда-* (уст.) ‘бывать в гостях, чтобы получить в подарок скот’ [ТувРС 1968: 287].

Основа слова *мал-* является монголизмом со значениями ‘скот, скотина; имущество’ [БАМРС 2001: 314]. В современном тувинском языке общеупотребительная лексема *малдаар* используется в значениях: ‘разводить скот, заниматься скотоводством; пасти скот’ [ТСТувЯ 2011: 326].

На этот раз родители невесты (или родственник) ездили к родителям жениха с традиционными гостинцами и в зависимости от возможностей сватов запрашивали определенное количество скота, считавшегося «платой» за невесту. Для Л. П. Потапова обряд *малдаар* несколько напоминал калым [Потапов 1969: 249]. Но, как видно из существующих материалов, отец невесты часть пригнанного скота раздавал своим родственникам, а те в ответ на этот подарок принимали участие в обряде *селиктенир* (см. ниже), т. е. в комплектовании имущества невесты, поэтому слово «калым» в данном случае применимо условно и с большими оговорками.

VIII. НЕГЭЭШКИН [нэьгэ:шкин] букв. ‘требование’ [РФ 180 тетр. 7: 9]; **НЕГЭЭР** [нэьгэ:р] букв. ‘потребовать’ [Потапов 1969: 249]. Общеупотребительное отглагольное существительное *негээшкин / негелде* в тувинском языке используется в значениях ‘требование, требовательность; условие’, юр. ‘иск; запрос’ [ТувРС 1968: 308; ТСТувЯ II: 400].

Негээшкин — имя, производное от гл. *неге-* ‘требовать’, являющегося монгольским заимствованием, ср. монг. *неке- / нэхэх* ‘требовать, затребовать; домогаться; взыскивать; возбуждать иск; преследовать, устраивать погоню, гнаться’. Б. И. Татаринцев уточнил, что заимствованиями являются и именные формы — производные от указанной глагольной основы [ЭСТувЯ IV: 233].

Суть данного обряда заключалась в том, что родители жениха отправляли родственника к сватам с просьбой отдать свою дочь, т. е. невестку. Родители девушки соглашались не сразу, все зависело от того, насколько было готово приданое невестки — *келин кыстың өнчүзү* [РФ 180 тетр. 7: 9].

IX. СЕЛИКТЕНИР [сэликтэнир] ‘подправить приданое’; ‘ездить по селениям для сбора приданого (о невесте)’ [ТСТувЯ II: 662], лексема ограниченного употребления.

Название данного обряда, обозначаемого глаголом *селиктенир / селиктэ-*, не зафиксировано в тувинско-русском словаре, но его можно связать с гл. *сели-* ‘заменять, сменять; починить, подправить, подновить’ [ТувРС 1968: 372]. Формы *селиктэ- / селиктен-*, по нашему мнению, являются вторичными образованиями: *сели-* + *-к* > **селик* ‘подправка’ + глаголообр. аф. *-ла / -та* > *селиктэ-*. Этимология отсутствует.

Селиктенир чаще практиковался в семье, в которой родители были не в состоянии полностью собрать приданое невестки, поэтому мать с дочерью объезжали или обходили родственников, чтобы с их помощью дособрать приданое, увеличить его объем, ценность [Вайнштейн 1961: 29; Потапов 1969: 251]. Каждая родственная семья дарила невестке то, что могла.

X. ӨНЧҮЛЭЭР [өнчүлэ:р] ‘приезжать за приданным’, устаревшее слово. Гл. *өнчүле-* — производное от *өнчү* ‘собственность; имущество’ [ТувРС 1968: 336], а также ‘наследство, наследие; имущество, скот, выделяемые молодожёнам в качестве подарка, приданого’ [ТСТувЯ II: 508]. Б. И. Татаринцев тув. *өнчү* считает вторичным заимствованием из монг. языка ‘собственность, личное имущество’ [ЭСТувЯ IV: 388], ср. ОТю *инжи ~ инчу ~ енчи ~ иенчил* ‘приданое; частная собственность’ и др. [ЭСТЯ I: 361—362].

Предсвадебные обряды завершались приездом родителей жениха за приданным невестки *өнчүлээр* букв. ‘приезжать за имуществом’: они приезжали с гостинцами к родителям невестки и выясняли, какое имущество они дают своей дочери для переезда в селение жениха. Для *келин кыстың өнчүзү* ‘приданое невестки’ родители в основном выделяли молодняк скота: годовалых телят и жеребят, козлят и ягнят.

Лексика традиционного предсвадебного обряда тувинцев является бесценным источником для этнолингвистического исследования языка народа и имеет а) диалектные особенности, в связи с чем выявляются некоторые особенности употребления данной лексики в ЦД, Ю-ВД, С-ВД, ЗД, а также в двух зарубежных говорах тувинского языка — ховдинском и цэнгэльском; б) наряду с древнетюркскими и общетюркскими лексемами, обозначающими предсвадебные обряды, обнаруживается значительный слой монгольских заимствований, что вполне ожидаемо, учитывая длительность тувино-монгольских контактов, а также несколько слов китайского и тибетского происхождения; в) с точки зрения употребления данные лексемы являются общеупотребительными, ограниченного употребления и устаревшими. Интересно, что в говорах тувинцев Монголии количество монголизмов в данной группе лексики не больше, чем в других тувинских говорах и в литературном языке.

Сокращения

Языки и диалекты

алт. — алтайский	тоф. — тофаларский
бур. — бурятский	тув. — тувинский
др.-тюрк. — древнетюркский	бай-т. — бай-тайгинский говор
каз. — казахский	бар-х. — барун-хемчикский говор
кирг. — киргизский	ЗД — западный диалект
кит. — китайский	кара-х. — кара-хольский говор
монг. — монгольский	монгун-т. — монгун-тайгинский говор
ОТю — общетюркский	С-ВД — северо-восточный диалект
ойр. — ойратский	ЦД — центральный диалект
п.-монг. — старописьменный монгольский	Ю-ВД — юго-восточный диалект
рус. — русский	тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурские
с.-югур. — сарыг-югурский	хак. — хакасский
тодж. — тоджинский	якут. — якутский

Общие

аф. — аффикс	разг. — разговорный
букв. — буквально	Р. п. — родительный падеж
гл. — глагол	совм.-взаимн. — совместно-взаимный залог
глаголообр. — глаголообразующий	тетр. — тетрадь
книжн. — книжный	уст. — устаревший
л. — лицо	фольк. — фольклорный
перен. — переносное значение	этно. — этнографический
под. — подобное	юр. — юридический
понуд. — понудительный залог	

Литература

- БАМРС I—IV — Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Пурбеев Г. Ц. М., 2001—2002. {The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. / Ed. Purbeyev G. Ts. Moscow, 2001—2002.}
- Бисенбаев 2007 — Бисенбаев А. К. Мифы древних тюрков. Алматы, 2007. {Bisenbaev A. K. Myths of the Ancient Turks. Almaty, 2007.}
- Биче-оол 1974 — Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социальными преобразованиями в Туве. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1974. {Biche-ool S. M. Traditional Matrimonial and Family Relations of the Tuva People and their Changes as a Result of Social Transformations in Tuva. Author's abstract of the Ph. D. thesis in History. Leningrad, 1974.}
- Вайнштейн 1961 — Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы // Историко-этнографические очерки. М., 1961. С. 135—139. {Vajnshtejn S. I. Tozhu Tuvans // Historical Ethnographic Essays. Moscow, 1961. P. 135—139.}
- Грум-Гржимайло 1926 — Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Т. 3. Л., 1926. {Grumm-Grzhimajlo G. E. Western Mongolia and Tannu Uriankhai. Anthropological and Ethnographical Essay of these Countries. Vol. 3. Leningrad, 1926.}
- Донгак 2012 — Донгак С. Ч. Тыва куда ёзулалдары. Традиции тувинской свадьбы. Кызыл, 2012. {Dongak S. Ch. Tuva kuda jozulaldary. Tuvan Wedding Traditions. Kyzyl, 2012.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л., 1969. {Old Turkic Dictionary. / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. Leningrad, 1969.}
- Исхаков, Пальмбах 1961 — Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961. {Isxakov F. G., Pal'mbah A. A. A Grammar of the Tuvan Language. Moscow, 1961.}
- Кара-оол 2006 — Кара-оол Л. С. Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл, 2006. {Kara-ool L. S. Kinship and Affinity Terms in Tuvan Language. Kyzyl, 2006.}
- Кара-оол 2006а — Кара-оол Л. С. Лексика родины // Эртем бижиктери. Кызыл, 2006. С. 7—19. {Kara-ool L. S. The Vocabulary of the Motherland // Ertem bizhikteri. Kyzyl, 2006. P. 7—19.}

Кара-оол 2007 — *Кара-оол Л. С.* Лексика традиционного свадебного обряда в тувинском языке // Казань и алтайская цивилизация. 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция г. Казань, 1—6 июля 2007 г.: Труды и материалы. Казань, 2007. С. 99—101. {*Kara-ool L. S.* The Vocabulary of the Traditional Wedding Ritual in Tuvan Language // Kazan and the Altaic Civilization. The 50th Annual International Altaic Studies Conference of the Kazan City, 1—6 July 2007: Studies and Materials. Kazan, 2007. P. 99—101.}

Кара-оол 2008 — *Кара-оол Л. С.* Тувинская семья // Российская семья: энциклопедия. М., 2008. С. 443—456. {*Kara-ool L. S.* Tuvan Family // Russian Family: an Encyclopedia. Moscow, 2008. P. 443—456.}

Карпухин 2011 — *Карпухин И. Е.* Свадьбы в Башкортостане на стыке тысячелетий (состояние, поэтика, межэтнические контакты). Уфа, 2011. {*Karpuhin I. E.* Weddings in Bashkortostan on the Verge of the Millenium (Condition, Poetics, Interethnic Contacts). Ufa, 2011.}

Кенин-Лопсан 1994 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тыва чоннун бурунгу ужурлары [Традиционная этика тувинцев]. Кызыл, 1994. {*Kenin-Lopsan M. B.* Tuva chonnuŋ burungu uzharlary [Traditional Tuvan Ethics]. Kyzyl, 1994.}

Кенин-Лопсан 2006 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев. Кызыл, 2006. {*Kenin-Lopsan M. B.* Traditional Tuvan Culture. Kyzyl, 2006.}

Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* За 50 лет: Экспедиция в Сойотию. М., 1934. {*Kon F. Ja.* For 50 Years: an Expedition to the Soyot Country. Moscow, 1934.}

Кунаа 1957 — *Кунаа А. Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957. {*Kunaa A. Ch.* The Phonetic System of the Modern Tuvan Language. Kyzyl, 1957.}

Кушкаш 1996 — *Кушкаш Т.* Тожунун бурунгузу [Древние традиции Тоджи]. Кызыл, 1996. {*Kushkash T.* Tozhunuŋ burunguzu [Ancient Traditions of Tozhi]. Kyzyl, 1996.}

Монгуш 2002 — *Монгуш М. В.* Тувинцы Монголии и Китая. Этнодисперсные группы (История и современность). Новосибирск, 2002. {*Mongush M. B.* The Tuvans of Mongolia and China. (History and Our Times. Novosibirsk, 2002.}

Монгуш 2010 — Тыва кижиниң үш доюн эрттирериниң чуруму [Правила проведения трех обрядов у тувинцев] / Ред. *Монгуш Х. Д.* Кызыл, 2010. {Тыва кижиниң үш доюн эрттирериниң чуруму [The Tuvan Rules for Three Rituals] / Ed. *Mongush Kh. D.* Kyzyl, 2010.}

ПМА 2000, 2002, 2003, 2004, 2008, 2012, 2015 — *Кара-оол Л. С.* Полевые материалы автора 2000, 2002, 2003, 2004, 2008, 2012, 2015 гг. {*Kara-ool L. S.* Field Findings of the Author from the Years 2000, 2002, 2003, 2004, 2008, 2012, 2015.}

Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. {*Potapov L. P.* Sketches on the Everyday Life of the Native Tuvans. Moscow, 1969.}

Рассадин 1971 — *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {*Rassadin V. I.* Phonetics and Vocabulary of the Tofalar Language. Ulan-Ude, 1971.}

РТувС 1980 — Русско-тувинский словарь: 32 000 слов / Ред. *Монгуш Д. А.* М., 1980. {Russian-Tuvan Dictionary: 32 000 words / Ed. *Mongush D. A.* Moscow, 1980.}

РФ 108 тетр. 6 — Рукописный фонд ТНИИЯЛИ (Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории) № 108, тетрадь 6. Историко-этнографические материалы, собранные экспедицией Сектора истории ТНИИЯЛИ 11.02 — 20.02. 1958 г. в Чаа-Хольском районе. Руководитель группы — *Гребнев Л. В.* {The Manuscript Collection of the Tuvan Research Institute for Language, Literature and History #108, part 6. Historical Ethnographic Materials Collected by the Expedition of the History Department of the TRILLH 11.02 – 20.02.1958 in Chaakholsky District. Group leader – *Grebnev L. V.*}

РФ 108 тетр. 7 — Рукописный фонд ТНИИЯЛИ (Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории) № 108, тетрадь 7. Историко-этнографические материалы, собранные экспедицией Сектора истории ТНИИЯЛИ 11.02 — 20.02. 1958 г. в Чаа-Хольском районе. Руководитель группы — *Гребнев Л. В.* {The Manuscript Collection of the Tuvan Research Institute for Language, Literature and History #108, part 7. Historical Ethnographic Materials Collected by the Expedition of the History Department of the TRILLH 11.02 – 20.02.1958 in Chaakholsky District. Group leader – *Grebnev L. V.*}

РФ 1087 — Рукописный фонд ТНИИЯЛИ (Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории) № 1087, тетрадь 7. Этнографические материалы, собранные Чакар Р. С. и Кужугет А. К. в августе-сентябре 1989 г. в Чадане и Кызыл-Мажалыке. {The Manuscript Collection of the Tuvan Research Institute for Language, Literature and History #1087, part 7. Ethnographic Material Collected by Chakar R. S. and Kuzhuget A. K. in August-September 1989 in Chadan and Kyzyl-Mazhalyk.}

РФ 2027 — Рукописный фонд ТНИИЯЛИ (Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории) № 2027, тетрадь 1. Беседы с пожилыми людьми о традиционном укладе жизни тоджинцев и о фольклоре, проведенные и записанные в 1955 г. Э. Калзаном. {The Manuscript Collection of the Tuvan Research Institute for Language, Literature and History #2027, part 1. Conversations with the Elders on the Traditional Way of Life of Tozhi People and their Folklore, Conducted and Recorded in 1955 by E. Kalzan.}

Серен 2000 — *Серен П.* Моолда тываларның чаңчылдары (орук демдектери). [Традиции тувинцев Монголии (путевые заметки).] Кызыл, 2000. {*Seren P.* Moolda tyvalarnyň çançyldary (oruk demdekteri). [Traditions of the Mongolian Tuvans (Travel Notes)]. Kyzyl, 2000.}

Серен 2006 — *Серен П.* Моолда сэнгел тываларының чаңчылдары (дылының, культуразының материалдары) [Обычаи цэнгэльских тувинцев в Монголии (материалы языка, культуры).] Кызыл, 2006. {*Seren P.* Moolda sengel tyvalarynyň çançyldary (dylynnyň, kul'turazyynyň materialdary). [Customs of Tsengeli Tuvans in Mongolia (Materials on Language and Culture)]. Kyzyl, 2006.}

Серен 2013 — *Серен П.* Моолда Хомду тываларының ёзулалдары. [Обычаи ховдинских тувинцев в Монголии] Кызыл, 2013. {*Seren P.* Moolda Homdu tyvalarynyň jozulaldary. [Customs of Khovdi Tuvans in Mongolia] Kyzyl, 2013.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2001. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Vocabulary / Ed. *Tenishev E. R.* Moscow, 2001.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 2002. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Regional Reconstructions / Ed. *Tenishev E. R.* Moscow, 2002.}

Сиянбил 2000 — *Сиянбил М. О., Сиянбил А. А.* Традиционный тувинский костюм. Кызыл, 2000. {*Siyanbil' M. O., Siyanbil' A. A.* Traditional Tuvan Costume. Kyzyl, 2000.}

СОНС 1980 — Тувинцы // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 26—31. {Tuvans // Family Rituals of the Peoples of Siberia: an Attempt for Comparative Study. Moscow, 1980. P. 26—31.}

ТСТУВЯ I — Толковый словарь тувинского языка. Т. I. А—Й / Ред. *Монгуш Д. А.* Новосибирск, 2003. {A Lexicon of the Tuvan Language. Vol. I. A—J / Ed. *Mongush D. A.* Novosibirsk, 2003.}

ТСТУВЯ II — Толковый словарь тувинского языка. Т. II. К—С / Ред. *Монгуш Д. А.* Новосибирск, 2011. {A Lexicon of the Tuvan Language. Vol. II. K—S / Ed. *Mongush D. A.* Novosibirsk, 2011.}

ТувРС 1968 — Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1968. {Tuvan-Russian Dictionary: 22 000 words. / Ed. *Tenishev E. R. M.*, 1968.}

Уламсуренгийн 2003 — *Уламсуренгийн Ц.* Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев. Кызыл, 2003. {*Ulamsurengijn Ts.* Exempla of Folklore and Speech of the Kobdos Tuvans. Kyzyl, 2003.}

Хертек 2008 — *Хертек Л. К.* Устойчивые формулы и терминология свадебной обрядности тувинцев // Эртем бижиктери [Учёные записки]. Вып. II. Кызыл, 2008. С. 80—91. {*Hertek L. K.* Set Phrases and Terms of the Wedding Rituals of the Tuvans // Ertem bizhikteri [Proceedings]. Is. II. Kyzyl, 2008. P. 80—91.}

ЭСТУВЯ I — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. I. А—Б. Новосибирск, 2000. {*Tatarintsev B. I.* Etymological Dictionary of the Tuvan Language. Vol. I. A—B. Novosibirsk, 2000.}

ЭСТУВЯ II — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. II. Д—Й. Новосибирск, 2002. {*Tatarintsev B. I.* Etymological Dictionary of the Tuvan Language. Vol. II. D—J. Novosibirsk, 2002.}

ЭСТУВЯ III — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. III. К—Л. Новосибирск, 2004. {*Tatarintsev B. I.* Etymological Dictionary of the Tuvan Language. Vol. III. K—L. Novosibirsk, 2004.}

ЭСТУВЯ IV — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV. М—П. Новосибирск, 2008. {*Tatarintsev B. I.* Etymological Dictionary of the Tuvan Language. Vol. IV. M—P. Novosibirsk, 2008.}

ЭСТЯ I — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтуркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevortian E.V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels. Moscow, 1974.}

ЭСТЯ II — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтуркские основы на букву «Б». М., 1978. {*Sevortian E.V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letter 'B'. Moscow, 1978.}

ЭСТЯ III — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтуркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М., 1980. {*Sevortian E.V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters 'V', 'G' and 'D'. Moscow, 1980.}

ЭСТЯ V — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтуркские основы на букву «К». М., 1997. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters 'K', 'K'.* Moscow, 1997.}

ЭСТЯ VI — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтуркские лексические основы на букву «К». Вып. 2 / Отв. ред. *Благова Г. Ф. М.*, 2000. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letter 'K'.* Is. 2 / Ed. *Blagova G. F.* Moscow, 2000.}

ЭСТЯ VII — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтуркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Отв. ред. *Дыбо А. В. М.*, 2003. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters 'L', 'M', 'N', 'P', 'S'.* / Ed. *Dybo A. V.* Moscow, 2003.}

Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. Вып. 4. {*Jakovlev E. K.* Ethnographic

Survey of non-Russian Peoples of the Lower Yenisei Valley and an Explanatory Catalogue of the Museum's Ethnographical Department. Minusinsk, 1900. Is. 4.}

РЕЗЮМЕ

В статье перечисляются и исследуются с этнолингвистической точки зрения слова, связанные с традиционной предсвадебной обрядностью тувинцев с привлечением этнографических материалов. Рассматриваемая лексика представляет собой сложную систему, включающую в себя как общеупотребительные слова, так и слова и словосочетания ограниченного употребления. Естественно, что значительная часть рассматриваемых слов и выражений к настоящему времени должна рассматриваться как архаизмы, т. к. с размыванием традиционного уклада многие понятия устарели. Статья написана на основе материалов, собранных автором во время диалектологических экспедиций и отобранных из опубликованной этнографической литературы, а также из архивных работ рукописного фонда ТИГПИ (Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований).

SUMMARY

In the article the author compiles and tries to analyse a list of words associated with the Tuvan traditional pre-wedding rituals, from the ethnolinguistical point of view and involving ethnographic materials. The vocabulary under review is a complex system that includes common words, as well as words and phrases of limited use. Of course, a large part of these words and phrases have become archaic due to the fact that many of the concepts became outdated following the erosion of traditional way of life. The article is based on data gathered by the author in dialectological expeditions as well as collected from published ethnographic literature and archived works of the manuscript fund of the Tuvan Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research.

Ключевые слова: свадьба, досвадебные обряды, тувинский язык, диалект, лексема, словосочетание, значение, монголизм, устаревшая лексика

Keywords: wedding, pre-wedding rituals, Tuvan, dialect, lexeme, word phrase, meaning, mongolism, outdated lexicon

Кара-оол Любовь Салчаковна, Тувинский государственный университет (Кызыл); lkaraool61@mail.ru

Lyubov S. Kara-ool, Tuvan State University (Kyzyl); lkaraool61@mail.ru

О некоторых типах губных согласных в ряде древних и современных тюркских языков¹

1. О принципах и способах описания древних тюркских диалектов в «Диване» Махмуда Кашгари

Основным источником языкового материала для «Словаря» Махмуда Кашгарского послужил родной автору диалект племени чигилей, одной из основных этнических компонент т. н. Караханидского государства, существовавшего в X—XII вв. в Центральной Азии, на землях современной Южной Киргизии, Семиречья (в современном Казахстане) и Восточного Туркестана (ныне это северо-западная часть Китая). Махмуд Кашгари именуется свой язык тюркским. Он всячески превозносит его и, видимо, в первую очередь имея в виду его литературную форму, характеризует этот язык как образцовый и развитый, способный в своих выразительных возможностях потягаться с признанными лидерами тогдашнего культурного мусульманского мира — арабским и персидским языками. Для этого он, во-первых, демонстрирует в своем «Словаре» лексическое богатство и грамматические возможности тюркского языка, приводя многие тысячи слов и фраз **обыденной речи** своих соплеменников; во-вторых, Махмуд Кашгари при всяком удобном случае цитирует образцы **народной** (отнюдь не придворной) поэзии; в-третьих, Кашгари систематически прибегает к сравнению слов и форм наречия собственно тюрков, к которым относит чигилей и «близких к ним в языковом отношении *язма*, *тухси* и другие племена», с диалектами других, как мы теперь знаем, ветвей тюркского языкового древа — в первую очередь туркмен-огузов [Насилов 2013].

Указанные аспекты, а, лучше сказать, жанры языкового материала, которыми оперирует составитель «Дивана»: **обыденная речь**, **народная поэзия**, **диалекты**, — соответствуют традиционным требованиям арабской лексикографии, в которой все же главенствующее место как источник занимает священный Коран. У тюрков, понятно, не было такого всеохватного, магнетически настраивающего живую речь многих поколений носителей арабского языка произведения. Явно поэтому Махмуд Кашгари многократно, при каждом более или менее удобном случае прибегает к цитатам из Корана, чтобы опереться на чисто языковые аналогии арабского языка в области ассимиляции и исторических переходов звуков, а также семантических сдвигов в отдельных словах и грамматических формах. Это делает тюркский язык как бы сопричастным языку Богом ниспосланного откровения.

Избрав арабский язык и арабские лингвистические понятия и категории метаязыком описания языка тюрков, Махмуд Кашгари и для буквенной передачи тюркской речи применил арабский алфавит. При этом он заявил, что у тюрков есть собственная письменность, и привел алфавит, который мы теперь называем древнейуйгурским и которым широко пользовались тюрки Восточного Туркестана в IX—X вв., а во времена самого Кашгари, в XI в., все еще активно пользовались жители областей Восточного Туркестана (лежащих гораздо восточнее Кашгара), которых он называет язычниками, имея в виду в первую очередь, видимо, буддийский культ. Правда, Махмуд Кашгари отмечал, что «у уйгуров чистый тюркский язык» [ДЛТ: 24]; в этом суждении из вводной части [ДЛТ] я вижу признание автором «Дивана» чисто языковой идентичности идиолектов уйгуров-буддистов и тюрков-мусульман — у последних теперь и новое, арабское письмо.

Махмуд Кашгари использовал 28-значный арабский консонантный алфавит, который был дополнен шестью модифицированными буквами для звуков, отсутствующих в арабском языке: знаки *2a*, *5a*, *11a*, *20a*, *22a*, *25a*. Из числа дополнительных графем только *25a* представляет собой простейший диграф из двух обычных букв: «нун» (*n*) + «кяф» (в значении звонкого [g]), вместе дающие заднеязычную носовую *ŋ*; остальные — это обычные арабские буквы, в которых единственная диакритическая точка была заменена на три точки. Следует принять во внимание, что некоторые специфические арабские согласные, в первую очередь эмфатические и гортанно-зевные, оказываются фактически не востребуемыми тюркской фонетикой: это буквы *4*, *6*, *14*, *15*, *16*, *17*, *18*; некоторые из этих согласных были применены всего один-два раза вместо соответствующих гоморганных, не эмфатических и не гортанных, а обычных передне- и заднеязычных — *t*, *x*, *s*.

Гласные звуки в тюркском арабографичном, как и в оригинальном арабском письме, передаются диакритически — дополнительными надстрочными и подстрочными «харакятами» («фатхой», «даммой» и «кесрой»), а также буквами «матрес лекционис» (буквами для согласных, выступающих в таких случаях в роли гласных, обычно — долгих): «алифом», «вавом» и «йаем».

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 13-04-00442.

Арабский алфавит с дополнительными модификациями арабских графем в роли тюркского арабографического алфавита, по [ДЛТ] М. Кашгари

1	أ алиф с хамзой	<i>a, ä, e</i>	15	ض	<i>d</i>
2	ب	<i>b</i>	16	ط	<i>t</i>
2a	پ	<i>p</i>	17	ظ	<i>z</i>
3	ت	<i>t</i>	18	ع	'
4	ث	<i>θ, t̃</i>	19	غ	<i>y</i>
5	ج	<i>ǰ</i>	20	ف	<i>f</i>
5a	چ	<i>č</i>	20a	ف	<i>v</i>
6	ح	<i>h</i>	21	ق	<i>q</i>
7	خ	<i>x</i>	22	ك	<i>k, g</i>
8	د	<i>d</i>	22a	گ	<i>g</i>
9	ذ	<i>ð</i>	23	ل	<i>l</i>
10	ر	<i>r</i>	24	م	<i>m</i>
11	ز	<i>z</i>	25	ن	<i>n</i>
11a	ژ	<i>ž</i>	25a	نک	<i>ŋ</i>
12	س	<i>s</i>	26	ه	<i>h</i>
13	ش	<i>š</i>	27	و	<i>v</i>
14	ص	<i>š</i>	28	ی	<i>j (y)</i>

2. Проблемы степени адекватности отражения арабской графикой фонетики тюркского языка

Есть несколько вопросов в области фонетики чигильско-тюркского языка, а также туркмено-огузского и в гораздо меньшей степени некоторых других тюркских диалектов, послуживших основным и дополнительными источниками материала для словаря Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк», — как в составе фонем, так и в особенностях их фонетической реализации, — которые, несмотря на многочисленные опыты описания языка «Дивана» и попыток более точного толкования таких вопросов, до сих пор не могут считаться решенными. Главным источником такой неопределенности является в ряде случаев невозможность средствами арабской графики, использованной для записи тюркского языка, удовлетворительно отобразить фонетические и фонологические черты последнего. К числу таких неопределенностей относятся следующие.

2.1. Вокализм

1. Невозможность разграничить коррелятивные по сингармонизму пары гласных: *a* и *ä*, *i* и *i*, *o* и *ö*, *u* и *ü*, — а также пары различающихся по подъему огубленных гласных, которые в стандартных тюркских диалектах являются самостоятельными фонемами, а в арабских диалектах выступают лишь как позиционно обусловленные аллофоны. Пары этих гласных отображаются на письме в каждой из указанных дизъюнкций одним «характером»: «фатхой» — и для *a*, и для *ä/e*; «кесрой» — и для *i*, и для *i*; «даммой» — для всех четырех огубленных (*o*, *ö*, *u*, *ü*), независимо от ряда и подъема. Только наличие в слове заднеязычных согласных, передаваемых буквами «каф» и «гайн» (*q* и *y*), с одной стороны, и буквой «кяф» (*k* и *g*), с другой стороны, диагностируют отнесенность гласных слова к твердому (велярному) или мягкому (палатальному) рядам соответственно. Определить же подъем гласных — что перед читателем: *o* или *u*, *ö* или *ü* — арабская графика не позволяет, и решение в том или ином случае о широком или узком варианте огубленного гласного (а также переднем или заднем гласном, кроме случаев нахождения в слове заднеязычных согласных *q*, *y* и *k/g*, диагностирующих передний/задний ряд окружающих гласных), каждый издатель или интерпретатор любого арабографического памятника принимает по собственному усмотрению.

2. Невозможность передать в арабском письме различие двух типов передних гласных — открытого *ä* и полузакрытого *e*. Выработанные древними авторами-тюркологами комбинации графических приемов для отображения полузакрытого тюркского *e* применялись не всегда последовательно и потому порождают сомнения в однозначности подобных способов передачи.

3. При достаточно определенных, хотя иногда и запутанных, правилах отображения долгих гласных в арабском письме (играющих смысловозначительную роль во всех ярусах языка — в лексике, слово- и формообразовании, а также в грамматике) и комбинаторных приемов их передачи на письме в открытых и закрытых слогах, а также с помощью букв «матрес лекционис» аналогичные приемы передачи долгот в тюркском арабографическом письме не приняли столь же облигаторного и последовательного характера. Этому соответствуют неоднократные замечания самого Махмуда Кашгари о свободном варьировании в том или ином слове кратких и долгих вариантов какого-либо гласного звука. Следовательно, вопрос о фонематичности долгот гласных в чигильско-тюркском языке требует какого-то иного осмысления.

2.2. Консонантизм

1. Отсутствие для согласных *b*, *ǰ* и *k* (имеющих «свои» графемы — «ба», «джим» и «кяф» — в арабском алфавите) соответствующих гоморганных пар: для глухих *p*, *č* и звонкого *g*, наличествующих в тюркском языке. Графемы для *p*, *č* и *g* в арабографическом тюркском алфавите образованы приданием трех точек соответствующим арабским буквам, однако применение этих дополнительных графем ограничено и вызывает сомнения специалистов в их аутентичности [Боровкова 1966а; Д—К I: VIII—X, примеч. 4, 53] (подробнее см. также ниже).

2. Аналогичным образом — приданием трех точек вместо одной арабским буквам, обозначающим *z* и *f*, — в арабографическом тюркском письме созданы графемы для обозначения смежных по артикуляции звуков: с *z* — передненебного тюркского *ǰ*, а с *f* — особого типа тюркского губного согласного. Фонетико-фонологические особенности «трехточечного фа» довольно значительно разнятся в трактовке самых авторитетных специалистов, в чем нам и предстоит здесь разобраться.

3. Губные согласные в тюркских диалектах «Дивана» Махмуда Кашгари в сравнении с арабским и другими языками

В арабском языке губные согласные представлены четырьмя фонемами — тремя губно-губными звонкими и одним губно-зубным глухим: *b*, *m* — губно-губные звонкие смычные, *w* — губно-губной звонкий щелевой, *f* — губно-зубной глухой щелевой. По всей вероятности, фонетическое содержание тюркских *b* и *m* идентично характеристике соответствующих арабских звуков, т. е. они являются губно-губными звонкими смычными и соответственно — шумным и сонорным.

В тюркском языке существует отсутствующая в составе арабского консонантизма парная к *b* фонема *bā čulba* ‘твердый (или глухой) ба’, т. е. *n* (в арабском языке глухие парные встречаются только в качестве позиционного варианта). Как было указано выше, «глухой трехточечный ба» в тексте «Дивана» упомянут и используется единично:

بَابُ *op* (с твердым (глухим) «ба») ‘бык, находящийся посередине (при молотье)’ — в наречии аргу [ДЛТ: 29₉];

آبَا *ābā* ‘мать’ — по-огузски, у туркмен-карлуков произносится с твердым (глухим) «ба» (т. е. *āpā*) [ДЛТ: 55₁₂];

بَابَر *jīpar* ‘мускус’ (с твердым «ба» = *p*) [ДЛТ: 456₅].

Правда, в рукописи в объяснении к этому слову написано *би-йа* («с (двухточечным) йа»); ошибочно, но в самом слове ‘мускус’ написан «трехточечный па», и, внимательно разглядывая факсимиле [DLT Facsimile 1990: 456], я не вижу повода усомниться в том, что три точки под буквой *n* нанесены одновременно, т. е. принадлежат основному переписчику. Он еще раз (как здесь в пояснении) неправильно написал «твердый (глухой) ба» (как «йа»), перечисляя твердые (глухие): твердый «йа» (?!) и твердый «джим» (= *č*), после которых в показателе прошедшего времени предпочтительнее менять «даль» на «та» [ДЛТ: 266₅₋₆].

Таким образом, буква «трехточечный ба» (= *p*) в тексте «Дивана» достоверно использована только дважды. Во всех остальных случаях используется арабский «ба» для отражения обеих фонем — глухого и звонкого губно-губных смычных *p* и *b*, — и издатели, транскрибируя конкретные тюркские слова, исходят из собственных, главным образом этимологических, представлений о наличии того или иного звука в них в описываемое время.

В ряду губных щелевых согласных в арабском языке существует эквивалентное противопоставление губно-губного звонкого *w* губно-зубному *f*, и этот «фа» Махмуд Кашгари называет «арабским». В исторической ретроспективе арабский «фа» (как и в ряде других семитских языков, например, в эфиопском) чередуется с губно-губным придыхательным *p* в аккадском, иврите и др., и «эти два звука являются в семитских языках разновидностями одной фонемы» [Гранде 1998: 63]. Но в современном арабском, включая его средневековый период, «фа» — уже давно самостоятельная фонема.

В тюркском языке и диалектах, описываемых в «Диване» Махмудом Кашгари, слов с губно-зубным «фа» нет вообще, за исключением нескольких звукообразных слов и заимствований (например, *qafäs* ‘клетка’ < араб., *furxan* — вариант *burxan* ‘будда’ < кит., включая сюда до 50-ти заимствований с начальным *f* [ДТС 1969: 192—194]), а также фонетических вариантов на месте исконных *p* и *b* (*qifçaq* ‘кыпчаки’, *qaftan* ‘кафтан’ и т. д.).

В целом ряде случаев в тюркских словах появляется «фа» с одной точкой: *yafuz* ‘злой’ [ДЛТ: 449], *yafyu* ‘титул верховного правителя у западных тюрков’ [ДЛТ: 463] и др. В подобных случаях, хотя над буквой «фа» одна точка, а не три, нужно транскрибировать ее как *ṽ*, поскольку это графическая особенность, а не фонетическая. К тому же и все подобные формы имеют основные словарные варианты с *ṽ* или с *b*. Показателен следующий случай из [ДЛТ]: *qorunlar qatıy jufluşdı* ‘скатывались, катились (камни)’ [ДЛТ: 487₁₆] (ср. *yufļuşdı* [БА III: 105], *jufluşdı* [СМ III: 115], но *juvluşdı* [ДТС 1969: 281]), — во фразовом примере и первой справочной форме стоит арабский «фа» (с одной точкой), во второй справочной форме основным писцом поставлены три точки над «фа» (*juvluşmaq*). Иными словами, ненаписание трех точек над «фа» в двух формах — это графическая непоследовательность писца, которую он преодолел в заключительной форме этого глагола, проставив диакритику полностью. Следовательно, фонетически глагол должен транскрибироваться с особым, тюркским «фа», а не с обычным, арабским «фа». Так стали поступать составители [ДТС 1969], американские издатели, а также переводчик русского издания, академик А. Р. Рустамов, поэтому в нынешнем русском издании и во фразовом примере, и во всех справочных формах — везде дается *juvluşdı*.

4. К трактовке реального звучания «тюркского фа»

Констатируем вполне очевидную вещь: т. к. для «тюркского фа» применяется буква с той же особой диакритикой, что и для *p*, *ç*, *g* (три точки вместо одной у арабской буквы), фонетическое содержание тюркского звука несколько (обычно на один дифференциальный признак) иное, чем в арабском языке. Сам автор словаря Махмуд Кашгари в разных местах «Дивана» прибегает к двойке его характеристике: 1) с точки зрения места артикуляции и 2) с точки зрения артикуляции.

С первой из них Махмуд Кашгари знакомит читателя еще во вводной части «Дивана», в разделе «К разъяснению различий между словами / диалектами» [ДЛТ: 26—27], указывая, что диалекты различаются не сменой корней слов, а сменой букв / звуков в корнях в определенных позициях в них. Так, если тюрки в ряде определенных слов в начальной позиции имеют *ṽ*, то огузы и кыпчаки в одних словах опускают этот *ṽ* (или в терминах арабской фонетики: «изменяют в “алиф”»), — т. к. в начале слова вместо буквы *ṽa* пишется при таком чтении / звучании «алиф», например: тюрк. *jälkin* ‘путник’ — огуз., кыпч. *älkin*); в определенной группе других слов в говорах огузов и кыпчаков начальный тюркский *ṽ* заменяется на *ž* (тюрк. *joṽdu* ‘длинная шерсть у верблюда’ — огуз., кыпч. *žoydu* ‘то же’). Дав еще ряд примеров подобных «изменений в буквах» между диалектами (тюркский ненаачальный *ṽ* заменяется в диалекте племени аргу на *n*, тюркский начальный *m* у огузов, кыпчаков и суваров заменяется на *b* и т. д.), Махмуд Кашгари, можно сказать, предвосхитил одно из важнейших положений европейской компаративистики XVIII—XIX вв. — регулярный характер междиалектных звукосоответствий как основополагающий принцип доказательства родства языков / диалектов.

Продолжив далее перечисление междиалектных звукосоответствий, об интересующем нас случае он пишет так: «Каждое фа, которое произносят как среднее между арабским фа и обычным ба в (языке) истинных тюрков, в языке огузов и тех, кто близок к нему, превращается в вав. Например, ‘дом’ у тюрков называется أف *äv*, а у них أ *äv*. ‘Охота’ у тюрков называется أف *av*, а у них أ *av*, с вавом» [ДЛТ: 26—27]. Здесь нужно сделать пояснения, что при обозначении губных согласных авторы «Древнетюркского словаря» (которому в целом следуют принципы транскрипции нового русского издания «Дивана») напрасно отказались от использования графемы *w* для обозначения губно-губного звука, передаваемого «вавом». В этом случае различие между тюркскими и огузскими формами выглядело бы нагляднее: тюрк. أف *äv* ‘дом’, أف *av* ‘охота’ — огуз. أ *äv*, أ *aw*. Разница между *ṽ* и *w* не одномерная, а двухмерная: по различию *v* — *w*, а также по различию *v* — *ṽ*, т. е. по тому дополнительному признаку, которым отличается специфический тюркский звук «фа трехточечный» (в русской латинизированной транскрипции *ṽ*) от обычного губно-зубного «фа».

Второе определение «тюркского фа» применяется Махмудом Кашгарским даже чаще, чем первое. Например, в форме *qavurtaç* ‘поджаренная пшеница’ он именует эту букву *fā rakīk*; основные значения этого слова *rakīk*: 1) ‘слабый; плохой; жалкий’, 2) ‘неправильный (о речи), ломаный (о языке)’ [Баранов 1957: 390]. Большой арабско-английский словарь Э. У. Лэйна [Lane 1984] дает еще несколько переносных значений на основе второго из указанных у Х. К. Баранова значений *rakīk*, которые характери-

зуют способ изложения и голосовую подачу: “*raqqa kalamuhu*: His speech was, or became, soft or tender, or easy and sweet, or elegant, graceful, or ornate” (‘Его речь была или стала мягкой или нежной, или легкой и милой, или элегантной и изящной, или витиеватой’); “*raqqa sawtuhu*: His voice was, or became, slender, or soft, or gentle” (‘Его голос был или стал тонким, или мягким, или нежным’).

Хочу обратить внимание, что все перечисленные значения такого полного словаря, как арабско-английский словарь Э. У. Лэйна [Lane 1984], характеризуют общую манеру речи, но никак не фонетико-технические аспекты ее звуковой стороны или, тем более, отдельного звука, или даже отдельной составляющей звука. Поэтому, когда издатели и исследователи структуры «Дивана» предлагают разные переводы словосочетания *fā rakīk*, то они исходят из переносного смысла этого выражения, а конкретные толкования фонетических особенностей дают согласно своим представлениям. Так поступил турецкий издатель и переводчик «Дивана» Махмуда Кашгари на современный турецкий язык Бесим Аталай: в описательном тексте он оставил переносное значение — ‘*yumşak fa*’ (‘мягкий фа’), — но в транскрипции решил передавать «мягкий фа» буквой *w* — знаком, передающим в различных алфавитах и транскрипционных системах губно-губной звук, идентичный арабскому «ваву», — и, напротив, арабский «вав» у него получил обозначение буквой *v* — знаком, которым обычно обозначают губно-зубной согласный звук. Таким образом, Б. Аталай, не входя в объяснение артикуляторных особенностей «мягкого фа», т. е. того, как он понимает, что «каждое *фа* (мягкое) произносятся как среднее между арабским *фа* и обычным *ба* в (языке) истинных тюрков», берет на себя ответственность принять-таки «артикуляторное» решение, признав эту букву губно-губным *w*, а «вав» — губно-зубным *v*. Подобный парадоксальный вывод невозможно мотивировать какими-либо лингвистическими аргументами.

Тем не менее данное положение Б. Аталая сохранили в своем труде американские издатели Р. Данков и Дж. Келли. Они квалифицировали «тюркский фа» как “thin” (‘тонкий’) и по аналогии с «тонким “кяфом” = звонкому “ге”» распространили этот фонетический признак и на «тюркский фа»: «тонкий фа» (т. е. «звонкий фа»). Но при этом основное ошибочное решение Б. Аталая о перекрестной идентификации «тюркского фа» как *w*, а «вава» — как *v* в американском издании сохраняется. В защиту этого положения Р. Данков приводит следующее соображение: «Поскольку *vav* (араб. *waw*) произносится как [v] в обоих языках — в новоперсидском и в огузском турецком, и поскольку также в согдийском графема для *f* была использована для обозначения [w] или [β], постольку мы представили все “тонкие”, трехточечные *фа* как /w/, а все *вавы* (= араб. *vav*) как /v/, в обоих видах представления тюркских материалов — в транслитерации и транскрипции» [Д—К I: 55].

Странно, что Р. Данков считает современный огузско-турецкий продолжением огузско-туркменского Махмуда Кашгари: многое говорит против этого. Поэтому ссылка Р. Данкова на новоперсидский и турецкий, на мой взгляд, бьет мимо цели и говорит, возможно, об обратном: скорее, турецкий и азербайджанский (!) переняли у персидского губно-зубную артикуляцию *v*; в случае огузского у Кашгари речь вести следует о туркменском (а не о турецком), что он сам все время подчеркивает, называя неоднократно огузо-туркменским. А в современном туркменском мы имеем дело с губно-губным *w*, хотя и аналог «тюркского фа» Кашгари здесь тоже есть (см. об этом ниже).

И синхронно данное решение очевидно противоречит замыслу Махмуда Кашгари (независимо от линий преемственности): зачем бы ему для передачи губно-губного вводить новую букву «фа мягкое / тонкое / звонкое», если такой звук («вав») уже есть в основном алфавите?

Аналогично Б. Аталая и Р. Данкову положение дел представлялось и А. Б. Халидову. При словах Махмуда Кашгари «всякую *fā*’, образуемую между местами образования арабской *fā*’ и истинной *bā*’ в настоящем тюркском» А. Б. Халидов ставит в квадратных скобках свое понимание этого объяснения: [= W]. И, напротив, во второй части объяснения Кашгари: «огузы и примыкающие к ним превращают в *vav*» — А. Б. Халидов интерпретирует это противоположным образом: [= V] (см. [Халидов 1987: 66]).

Т. А. Боровкова (1941—1968), талантливая арабистка и тюрколог, специалист по «Дивану» Махмуда Кашгари, один из «младших» составителей [ДТС 1969], не согласилась с такой трактовкой фонетических взаимоотношений *fā* и *bā*. Она обратила внимание на то, что Махмуд Кашгари характеризовал тюркский звук/букву как *fā rakīka*, а это означало, по ее мнению, звонкость: «Следовательно, “артикуляция между *bā* и *fā*” может обозначать то, что звук *f*, сохраняя свою артикуляцию, приобретал звонкость. Так как ни такой фонемы, ни буквы для ее обозначения в арабском языке не было, Кашгари обозначает ее дополнительными диакритическими точками: ڤ» [Боровкова 1966б: 25]. Иными словами, для Т. А. Боровковой описываемый Кашгари «тюркский фа» является «губно-зубным, плоскощелевым, слабым», как это видно из ее таблицы согласных «Дивана» [Боровкова 1966б: 7]. Связанный с этим краткий комментарий таков: «В корреляции губных *b* противопоставлялось как слабое сверхслабому *m*, а *m* противопоставлялось *v* по характеру преодоления преграды; наиболее вероятно, что *f* представляло собой оглушенный вариант *v*, оставаясь слабым в обусловленных фонетических позициях: перед сильными и в

абсолютном исходе. ⟨...⟩ В интервокальном положении *v* могло факультативно иметь губно-губную артикуляцию: *w*. В абсолютном начале возможно только слабое *b*-; *m*- редко, *v*- в единичных заимствованиях» [там же: 6].

Поскольку приводившиеся до сих пор аргументы в пользу однозначного («одномерного») понимания «тюркского фа» у Кашгари как губно-зубного звонкого не удовлетворили оппонентов Т. А. Боровковой, может быть, следует поискать какое-то иное решение этого вопроса, опираясь прежде всего на материалы современных тюркских языков и описания их живых фонетических особенностей. Для этого обратимся к интерпретации отдела губно-губных и губно-зубных звуков в туркменском и тувинском языках.

В туркменском языке, согласно описанию профессора Э. А. Груниной, губно-зубные *v* и *f* в начальной позиции встречаются только в заимствованных словах и, следовательно, не являются исконными для туркменской фонетической системы. Губно-губной щелевой *w* в начальной позиции замечен в заимствованных словах; в срединной, а также в конечной позиции туркменский *w* отмечен в таких словах, как *sowuk* ‘холодный’, *töwerek* ‘окрестность’, *okuw* ‘учеба’, где он заместил исторически заднеязычный спирант *y*. Иную картину мы находим, обращаясь к исконному в тюркской системе туркменскому губно-губному смычному *b*.

В начальной позиции туркменский *b*- реализуется однозначно как губно-губной звонкий смычный, в абсолютном исходе *b* оглушается в *-p*: «В середине слова в интервокальной позиции или в соседстве с фрикативным эта фонема реализуется как фрикативный звук — губы округляются и вытягиваются, но не смыкаются /β/: *oba* /oβa/ ‘село’, *mektebiŋ* (родительный падеж ‘школы’ > /mekteβiŋ/), *torba* /torβo/ ‘сумка, мешочек’, *sabyŋ* /saβy:n/ ‘мыло’. ⟨...⟩ Как вариант /b/ этот звук характеризуется неактивной работой губ, чем отличается от губно-губного /w/» [Грунина 2010: 17]. Таким образом, указанный позиционный вариант фонемы /b/ в туркменском языке является звонким губно-губным несмычным (фрикативным) плоскощелевым звуком [β], но не круглощелевым [w]. Вероятно, точнее было сказать: губы не округляются, а сближаются, при этом не смыкаясь, и оставляют плоскую щель.

Достаточно подробное описание аналогичного согласного в тувинском языке несколько ранее Э. А. Груниной дали Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах: «В коренных словах тувинского языка буквой *в* обозначается губно-губной щелевой звонкий согласный, встречающийся в середине слова в интервокальном положении, транскрибируемый обычно знаком β. При произнесении этого согласного нижняя губа, не выпячиваясь вперед и не округляясь, поднимается к верхней губе, но, не смыкаясь с ней, как при произнесении [б], оставляет узкую продолговатую щель для прохода выдыхаемого воздуха, в результате производится звук, акустически близкий к русскому губно-губному [в]» [Исхаков, Пальмбах 1961: 52]. Авторы отметили также, что тувинский интервокальный губно-губной [β] соответствует смычному [б] в других тюркских языках: тув. *тавак* [таβак] ‘тарелка’ — тур. *tabak* ‘тарелка’; тув. *теве* [теβе] ‘верблюд’ — тур. *deve* ‘верблюд’.

Вникая в детали приведенных описаний, укрепляешься в мысли, что в принципе то же самое пытался донести до нас Махмуд Кашгари. Говоря, что «*фа* — средний по месту образования между *фа* и *ба*», Махмуд имел в виду интегральный характер артикуляционных признаков этого «тюркского фа» (что-то от «ба», что-то от «фа»), но в прямом смысле артикуляционного места, «среднего» между «ба» и «фа», нет. Есть, согласно приведенным выше описаниям по тувинскому и туркменскому, процесс сближения нижней губы с верхней (а не с зубами, поэтому это уже не «фа» и не «ва») с образованием щели (не круглой и напряженной, как у *w*, а плоской и вялой), при этом участие голоса сохраняется, поэтому это не глухой губно-губной щелевой φ, а парный к нему звонкий β. Удалившись от «фа» (от зубов) в сторону верхней губы, этот звонкий губно-губной плоскощелевой β оказывается близким «соседом» звонкого же губно-губного круглощелевого *w*, с которым во многих случаях свободно чередуется, на что неоднократно указывал в своем замечательном многогранном труде XII в. «Свод тюркских слов» его великий автор Махмуд из Кашгара².

² Когда статья уже была сдана в печать, просматривая (уже не в первый раз!) великолепный коллективный труд Л. Н. Тыбыковой, И. А. Невской и М. Эрдала «Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая» [Каталог 2012], я обратил внимание на «Комментарий» указанной работы [Каталог 2012: 93], который, судя по содержанию, принадлежит, несомненно, перу М. Эрдала, перекликается с моей статьей и служит подтверждением ряда ее положений. Приведу здесь этот комментарий полностью: «Слово ‘китаец, китайский’ транскрибируется как *t(a)bg(a)č ~ t(a)vg(a)č*. Третий звук этого слова был проточный билабиальный согласный β, который передается в рунических памятниках согласной буквой *b*. В традициях западной тюркологии для проточного согласного употребляется в транскрипции знак *v*, который в международной транскрипции обозначает лабиально-дентальный согласный. В древнетюркском языке звуки *b* и β были аллофонами одной фонемы /b/. Между гласными и на конце слова или слога использовался фрикативный аллофон, в других позициях — смычный» [Каталог

Сокращения

Языки

араб. — арабский	огуз. — огузский	тур. — турецкий
кит. — китайский	тув. — тувинский	тюрк. — тюркский
кыпч. — кыпчакские		

Литература

- Баранов 1957 — Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь. Т. 1—2. М., 1957. {Baranov H. K. The Great Arabic-Russian Dictionary. Vol. 1—2. Moscow, 1957.}
- Боровкова 1966а — Боровкова Т. А. О губных согласных в «Дивāну лугāt-ит-турк» Махмұда Кāшгари // Тюркологический сборник: К 60-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1966. С. 24—27. {Borovkova T. A. On Labial Consonants in Maḥmūd Kāshgari's "Dīvānu luḡāt-it-turk" // Turkology Digest: On the Account of the 60th Anniversary of A. N. Kononov. Leningrad, 1966. P. 24—27.}
- Боровкова 1966б — Боровкова Т. А. Грамматический очерк языка «Дивāну лугāt-ит-турк» Махмұда Кāшгари. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1966. {Borovkova T. A. A grammatical survey of the language of Maḥmūd Kāshgari's "Dīvānu luḡāt-it-turk". Ph.D. thesis. Leningrad, 1966.}
- Гранде 1998 — Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1998. {Grande B. M. Introduction to the Comparative Studies of the Semitic Languages. M., 1998.}
- Грунина 2010 — Грунина Э. А. Учебник туркменского языка для стран СНГ. М., 2010. {Grunina E. A. Turkmen Language Textbook for CIS Countries. M., 2010.}
- ДЛТ — Махмұд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): В 3-х тт. Т. 1 / Пер. с араб. Рустамов А. Р. Ред. Кормушин И. В. Предисл. и введ. Кормушина И. В. Примеч. Кормушина И. В., Поцелуевского Е. А., Рустамова А. Р. М., 2010. {Maḥmūd al-Kāshgari. Divan lugat at-turk (Corpus of Turkic Words): In 3 volumes. Vol. 1 / Transl. from Arabic by Rustamov A. R. Ed. Kormushin I. V. Preface and introduction by Kormushin I. V. Comments by Kormushin I. V., Potseluevskij E. A., Rustamov A. R. M., 2010.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л., 1969. {Old Turkic Dictionary / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. L., 1969.}
- Исхаков, Пальмбах 1961 — Пальмбах А. А., Исхаков Ф. Г. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961. {Pal'mbah A. A., Ishakov F. G. Grammar of the Tuvan Language: Phonetics and Morphology. M., 1961.}
- Каталог 2012 — Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012. {Tybukova L. N., Nevskaja I. A., Erdal M. Catalogue of Old Turkic Runic Monuments of Gorny Altai. Gorno-Altajsk, 2012.}
- Насилов 2013 — Насилов Д. М. Пять языков у Махмұда Кашгарского // Тюркологический сборник 2011—2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 285—310. {Nasilov D. M. Five Languages within Maḥmūd Kāshgari's Work // Turkology Digest 2011—2012: Political and Ethnocultural History of the Turkic Peoples and States. M., 2013. P. 285—310.}
- СМ III — Муталлибов С. М. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). III. Тошкент, 1963. {Mutallibov S. M. Turkij sūzlar devoni (Devonu luḡotit turk). III. Tashkent, 1963.}
- Халидов 1987 — Халидов А. Б. Словари Исхака ал-Фараби и Махмұда ал-Кашгари (из истории лексикографии в Средней Азии X—XI вв.) / Отв. ред. Грязневич П. А. М., 1987. {Halidov A. B. The Dictionaries of Ishak al-Farabi and Mahmud al-Kashgari (from the History of the Lexicography of Central Asia in 10th-11th Centuries) / Ed. Gr'aznevich P. A. M., 1987.}

2012: 93]. Во-первых, говоря о «традициях западной тюркологии», профессор М. Эрдал фактически признает ее отход, а, по-моему, противоречие со стандартом международной транскрипции, что в нерелевантных случаях, когда речь идет о каком-то одном языке или диалекте, допустимо, а в релевантных, там, где различие между лабиодентальным и билабиальным значимо (как признак разных диалектов) и обсуждается (как в случае с объяснениями Махмұда Кашгари), это, пожалуй, недопустимо. Во-вторых, у Махмұда Кашгари речь идет не о проточности или смычности аллофонов единой фонемы /b/, а о характере проточности одного и того же позиционного варианта — β или w — на примерах из двух разных тюркских диалектов (тюркско-чигильского и огузско-туркменского). Указанное различие является принципиальным фактором только при решении вопроса об исторической преемственности средневековых диалектов, поскольку современные языки, как оказалось, сохраняют различия в типах реализации этих звуков, зафиксированных еще в XI в. Махмұдом Кашгари. Графическое решение этих нюансов может либо облегчать, либо затруднять постижение сути данного явления.

- БА — *Atalay B.* Divanü Lügat-it-Türk Tercümesi. Çeviren Besim Atalay. I—III. Ankara, 1939—1941.
 Д—К — *Dankoff R., Kelly J.* Maḥmūd el-Kāšgari. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Türk). Part I—III / Ed., transl., introduction and indices by *Dankoff R., Kelly J.* Harvard, 1982—1985.
 DLT Facsimile 1990 — *Kaşgarlı Mahmud.* Divanü Lügati't-Türk. Facsimile. Ankara, 1990.
 Lane 1984 — *Lane E. W.* Arabic-English Lexicon: A Litographic Reproduction of 1863 Original (London—Edinburgh: Williams and Norgate, 1863). Cambridge, 1984.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается частный вопрос исторической фонетики тюркских языков — фонетическая реализация губного звука в языке «Дивана» Махмуда Кашгарского, который в чем-то отличается от сходных губных согласных *w*, *v* и *f*, поскольку получил особое обозначение в арабской графеме для «фа» — в виде двух дополнительных точек (т. н. «трехточечное фа»). Наше толкование отличается от принятого в известных изданиях памятника (Б. Аталая, Р. Данкова и др.), но близко предложенному в свое время Т. А. Боровковой и опирается на описание, видимо, аналогичного звука в современных туркменском и тувинском языках — губно-губного плоскощелевого звонкого β , но не *w*. Решение этого частного вопроса позволяет по-новому взглянуть на проблему преемственности средневекового тюркского языка, описанного Махмудом Кашгари, с современными тюркскими языками.

SUMMARY

The author discusses a particular matter of the historical phonetics of the Turkic languages, which is a phonetic realization of the labial consonant in the language of Mahmud Kashgari's "Divan", which differs from the similar labial consonants *w*, *v* and *f*, because it is specially marked by the Arabic grapheme "fa" with two additional points (so-called "fa with three points"). The author's interpretation differs from the ones in wideknown editions of "Divan" (made by B. Atalay, R. Dankoff, etc.), but is similar to T. A. Borovkova's point of view and is based on the description of the probably similar consonant in the modern Turkmen and Tuvan languages (the bilabial voiced β , but not *w*). The solution of this particular matter allows us to have a fresh look at the problem of succession of the medieval Turkic language, described by M. Kashgari, and the modern Turkic languages.

Ключевые слова: тюркские языки, историческая фонетика, межтюркские соответствия согласных, проблема преемственности, диалекты, консонантизм

Keywords: the Turkic languages, historical phonetics, consonant correlations between the Turkic languages, problem of succession, dialects, consonantism

Кормушин Игорь Валентинович, Институт языкознания РАН (Москва); igorkormushin@yandex.ru

Igor V. Kormushin, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); igorkormushin@yandex.ru

Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога¹

Вплоть до настоящего времени по мансийским диалектам, исключая литературный сосьвинский, в научный оборот вошли материалы только двух ученых, собранные в XIX в. и в некоторой степени друг другу противоречащие: это словарь [Munkácsi, Kálmán 1986], созданный по материалам Б. Мункачи, и [Kannisto 1982] — по данным А. Каннисто. Велики ли различия между этими словарями, и на чью транскрипцию можно полагаться? Приведем один пример, который отражает общую картину: это два слова — ‘один’ и ‘осень’, — которые, по мнению В. Штейнитца [Steinitz 1955], Л. Хонти [Honti 1982] и М. А. Живлова [Живлов 2006], имеют один и тот же праязыковой гласный **ü* в первом слоге (Табл. 1).

Таблица 1

[Munkácsi, Kálmán 1986]	[Kannisto 1982]
N <i>akw</i> (~ <i>au</i> ~ <i>ak</i>), LM <i>ākw</i> (~ <i>āu</i> ~ <i>āk</i>), LU <i>āk</i> (~ <i>ākw</i>), P <i>kw</i> ~ <i>ou</i> , K <i>āk</i> w ~ <i>āk</i> wé, T <i>uχ</i> - (<i>uk</i> -) ‘один’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 28]	T <i>üχ</i> , KM <i>äk</i> , P <i>ek</i> , VNK <i>äk</i> , LO <i>ākβá</i> , So <i>äGβá</i> ‘один’ [Kannisto 1982: 15]
N <i>takwès</i> , LM, P <i>tākwès</i> , LU <i>tākwès</i> ~ <i>tāχwès</i> , K <i>tāχwès</i> , T <i>tukès</i> (~ <i>tūkès</i>) ‘осень’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 619]	KM, VNK <i>tǫkφs</i> , P <i>tēks</i> , <i>tēχs</i> , So <i>tǫGφs</i> ‘осень’ [Kannisto 1982: 363]

Как видно, запись гласного первого слога в диалектах различается не только в двух словарях для одного и того же слова, но и в разных словах у одного и того же автора: в частности, в [Munkácsi, Kálmán 1986] различаются гласные в пельымском (P *okw* ~ *ou* ‘один’, P *tākwès* ‘осень’) и тавдинском (T *uχ*- (*uk*-) ‘один’, T *tukès* (~ *tūkès*) ‘осень’) диалектах. По данным [Kannisto 1982], в этих словах также есть различия, правда, не только в тавдинском и пельымском, но практически во всех диалектах (за исключением сосьвинского).

То количество различий, которое демонстрирует этот пример, является более или менее усредненным; есть слова, записанные с точки зрения вокализма идентично в диалектах, но большинство лексем, в которых более поздние исследователи (В. Штейнитц, Л. Хонти и М. А. Живлов) постулируют один и тот же праязыковой гласный, демонстрируют такие же или большие различия. К тому же абсолютно непонятно, какому словарю следует доверять относительно качества гласных и их долготы в каждом конкретном слове того или иного диалекта.

В. Штейнитц, анализируя различия в транскрипции северномансийских данных, приходит к выводу о приоритете транскрипции А. Каннисто [Steinitz 1938]. Однако специалистам по мансийским диалектам: В. Штейницу, Л. Хонти, М. А. Живлову — было очевидно, что 19 фонем, которые А. Каннисто реконструирует для прамансийского языка, — это слишком много. В работе [Kannisto 1919] на самом деле постулируется не просто 19 фонем: у каждой фонемы еще указывается от пяти до примерно десяти вариантов особых рефлексаций в одном или нескольких говорах, для которых системное распределение не найдено. Понятно, что если просто брать ряды соответствий, то получится не 19, а более 70 фонем. Также полностью дезориентирует читателя работ А. Каннисто и тот факт, что одно и то же слово может упоминаться как пример реализации в первом слоге сразу двух, а иногда трех разных прамансийских фонем. При этом каждый раз аккуратно проставлены ссылки, на каких страницах книги рассматривается это слово, но поскольку полный перечень диалектных форм приводится только при первом упоминании, то совершенно неясно, следует ли в слове предполагать иную фонему, чем это было сделано при первом его цитировании. Возникает подозрение, что А. Каннисто был не вполне уверен, какие именно гласные в этом слове встречаются в диалектах, и не исключал два, а то и три различных набора, которые могут соответствовать нескольким прамансийским фонемам. Возникает вопрос: можно ли вообще полагаться на такую диалектную фиксацию?

По этой причине В. Штейнитц в своей монографии отмечает, что недостатком транскрипции А. Каннисто для использования ее при изучении исторического становления системы вокализма является-

¹ Работа выполнена по грантам РФФИ № 15-18-00044, РГНФ № 15-04-00361а и РГНФ № 14-04-00496. Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность М. К. Амелиной, которая провела экспедицию по сбору юкондинского диалектного материала и оказала существенную помощь при подготовке данной статьи, выверив материал, представленный в ней.

ся ее чисто фонетический характер [Steinitz 1955: 12]. В своей работе [Steinitz 1955] В. Штейнитц, проанализировав позиции гласных и сравнив их с данными Б. Мункачи, сделал попытку дать им фонологическую интерпретацию. В результате у него получилось, что в некоторых диалектах ряд согласных требует после себя особые гласные, но может иметь и нейтральный рефлекс. Важно при этом учитывать, что В. Штейнитц сам не слышал речи на этих диалектах, а целиком основывался на том предположении, что фонетическая запись А. Каннисто абсолютно точна. Однако наш опыт показывает, что восприятие мансийской речи для европейца оказывается весьма сложным: лишь с помощью длительного и тщательного анализа данных по юкондинскому диалекту в специальной программе мы смогли прийти фактически к тем же выводам, которые были получены в работе носителя языка [Кузакова 1963], и несколько уточнить фонологический статус некоторых гласных (подробнее см. ниже). На основании анализа полевых материалов, собранных М. К. Амелиной и И. А. Стениным, можно предположить, что в работе А. Каннисто для одного и того же слова в одном говоре часто были приведены несколько вариантов его произношения потому, что он не мог точно определить, какой именно гласный представлен в словоформе, а не потому, что многие согласные требуют после себя особых гласных (ничего подобного на материале наших экспедиционных данных не наблюдается). Таким образом, этот фактически сырой материал В. Штейнитц сравнивает с данными Б. Мункачи, которые, как было выше показано, значительно отличаются от материалов А. Каннисто, и постулирует позиции, которые тоже не являются регулярными, а факультативно после разных согласных дают разные гласные для одной и той же фонемы.

Покажем, например, как соотносится прамансийская система гласных первого слога в работах [Kannisto 1919], [Steinitz 1955] и в более поздних реконструкциях — [Honti 1982] и [Живлов 2006]. Надо отметить, что Л. Хонти не сделал коренной переинтерпретации реконструкции В. Штейнитца, а лишь уменьшил количество прамансийских фонем на две и уточнил качество еще двух фонем [Honti 1982: 26]. Аналогично и М. А. Живлов, основываясь на тех же материалах, просто предложил считать краткие гласные в реконструкции Л. Хонти нейтральными. Приведенная ниже таблица (Табл. 2) построена не по указаниям авторов, как соотносятся их системы с данными А. Каннисто, а в результате соотнесения корпуса этимологий с реконструкциями в четырех работах. Это было необходимо сделать, поскольку, например, В. Штейнитц в заглавии каждого раздела указывает однозначный пересчет его фонемы в фонему А. Каннисто, но в реальности соответствия между ними далеко не однозначны.

Таблица 2

[Kannisto 1919]	[Steinitz 1955]	[Honti 1982]	[Живлов 2006]
*ā	*ā	*ā	*ā
*ɔ, *ä, *ε	*ǎ		
*ā̄, *ε̄	*ē	*ǎ	*ä
*ε, *a, *e, *ü	*ě		
*ē, *e	*ī	*ī	*ī
*e, *i	*ĩ, *ī	*ĩ, *ī	*i, *ī
*ü, *e, *ō, *ü	*ǖ	*ǖ	*ǖ
*a	*ǎ	*ǎ	*a
*ā	*ā	*ā	*ā
*a, *q, *a, *e, *ē, *j	*ē	*ī	*ī
*o	*ō	*ɔ	*ɔ
*ū, *u	*ū	*ū	*ū
*u, *u	*ǖ	*ǖ	*u
*u	*ǖ	*ǖ	*ǖ
*a, *ē	*ĩ	*ĩ	*i

Итак, можно видеть, что пересчет 19 фонем А. Каннисто в 15 фонем В. Штейнитца и 13 фонем Л. Хонти и М. А. Живлова далеко не однозначен. Одна и та же фонема А. Каннисто может соответствовать двум разным фонемам у более поздних авторов, например: *a — *ǎ и *ě, а фонема *e — даже трем фонемам (*ě, *ǖ и *ī). И, наоборот, *ī В. Штейнитца соответствует шести фонемам А. Каннисто.

Далее рассмотрим, какие диалектные соответствия имеют фонемы В. Штейнитца и более поздних авторов. Если учесть, что и реконструкция А. Каннисто, в которой 19 фонем, не базировалась на точной системе соответствий (иначе бы их было более 70-ти), то очевидно, что у В. Штейнитца, Л. Хонти и М. А. Живлова, которые постулируют 15 и 13 фонем, трудно ожидать регулярности в соответствиях гласных по диалектам. В среднем ситуация выглядит примерно следующим образом: в Табл. 3 приво-

дится по два примера на три разные фонемы, полужирным выделены различающиеся рефлексы гласных одной прафонемы в одних и тех же диалектах — рефлексy, для появления которых не указано никаких системных правил.

Таблица 3

ПМанс * <i>ǎ</i>	ПМанс * <i>jǎy</i> ‘отец’ [Honti 1982: № 173]: TJ <i>jüw</i> , TCh <i>jǎw</i> , KU <i>jej</i> , KM <i>jǎy</i> , KO <i>jǎy</i> , P <i>jǎy</i> ~ <i>jǎyǎw</i> , VN <i>jǎ</i> , So <i>jaj</i>	ПМанс * <i>čǎrzj-</i> ‘сжигать’ [Honti 1982: № 84]: TJ <i>čirǎj-</i> , TCh <i>čirǎj-</i> , KU <i>šǎraj-</i> , KM <i>šǎraj-</i> , P <i>šǎraj-</i> , VN <i>šǎraj-</i> , LU <i>šǎraj-</i> , LO <i>šarj-</i> , So <i>šarij-</i>
ПМанс * <i>ĩ</i>	ПМанс * <i>šĩy</i> ‘налим’ [Honti 1982: № 572]: TJ <i>šüw</i> , TCh <i>šǎw</i> , KU <i>šiy</i> , KM <i>šiy</i> , KO <i>šiy</i> , P <i>šiy</i> , VN <i>šĩ</i> , VS <i>šĩ</i> , LU <i>šĩ</i> , LM <i>šiy</i> , LO <i>šiy</i> , So <i>šiy</i>	ПМанс * <i>kiymət</i> ‘росомаха’ [Honti 1982: № 237]: TJ <i>kimkət</i> , TCh <i>kimkət</i> , KU <i>kiymət</i> , KM <i>kiymət</i> , P <i>kīmət</i> , <i>kīmāt</i> , VNZ <i>kīmət</i> , <i>kīmāt</i> , VS <i>kīmət</i> , <i>kīmāt</i> , LU <i>kīmət</i> , <i>kīmāt</i> , LM <i>kīmət</i> , LO <i>kiymət</i>
ПМанс * <i>ǎ</i>	ПМанс * <i>tǎyt-</i> ‘жевать’ [Honti 1982: № 129]: TJ <i>tawt-</i> , TCh <i>tawt-</i> , KU <i>towt-</i> , KM <i>towt-</i> , P <i>tǎyt-</i> , VNZ <i>tayt-</i> , VNK <i>tǎyt-</i> , VS <i>tayt-</i> , LU <i>tayt-</i> , LO <i>towt-</i> , So <i>towt-</i>	ПМанс * <i>kǎməl</i> ‘мешок’ [Honti 1982: № 266]: TJ <i>kaməl</i> , TCh <i>kaməl</i> , KU <i>χǎməl</i> , KM <i>kǎməl</i> , KO <i>kǎməl</i> , P <i>koməl</i> , VN <i>kaməl</i> , LO <i>χoməl</i> , So <i>χoməl</i>

Надо учесть и то, что за некоторыми гласными фонемами в конкретных диалектах у В. Штейнитца и более поздних авторов может стоять несколько вариантов фонем по А. Каннисто. Мы предположили, что для выведения исследований по изучению мансийского вокализма на новый уровень необходимы верификация материалов А. Каннисто и Б. Мункачи на материале современных диалектов и их анализ с помощью возможностей, которые в настоящее время предоставляют экспериментально-фонетические программы.

В 2013 г. И. А. Стенин предпринял экспедицию в два населенных пункта Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа — д. Нижние Нарыкары и с. Перегрёбное. Он опросил и по возможности записал словник исконной лексики от четырех носителей обского диалекта мансийского языка в д. Нижние Нарыкары: Бутариной Галины Васильевны, Куликовой Нины Иосифовны, Матвеевой Зинаиды Яковлевны и Плехановой Клавдии Семеновны, — а также от двух носителей в с. Перегрёбное — Гындышевой Таисии Григорьевны и Ярлиной Евдокии Григорьевны. Почти все носители обского диалекта мансийского языка старше 60-ти лет, в детстве они владели только мансийским языком и до школы не знали русского. В настоящее время дома с детьми и внуками они говорят только по-русски, между собой общаются по-мансийски, но часто переходят на русский язык. Фонетические отличия обского диалекта от мансийского литературного языка кратко описаны в [Ромбандеева 1973; Сайнахова 2012], однако эти авторы подчеркивали, что в целом обской диалект фактически не изучен.

В марте 2013 г. М. К. Амелина в д. Шугур Кондинского района ХМАО собрала материал по юкондинскому диалекту мансийского языка, который, по классификации Б. Мункачи, считается восточным. В ходе экспедиции были найдены всего два носителя этого диалекта, которые могли на нем говорить: Селиванова (урожд. Нохова) Елизавета (Анна)² Ивановна (1923 г. р., на момент записи — 89 лет) и Шивторов Максим Семенович (1939 г. р., на момент записи — 74 года); остальные манси в д. Шугур помнят лишь отдельные слова. От этих двух носителей были записаны полные словники исконной лексики с парадигмами и контекстами их употребления, а также небольшие тексты. Через пять дней после отъезда М. К. Амелиной из д. Шугур, 2-го апреля 2013 г., Селиванова Елизавета Ивановна скончалась.

Важно отметить, что в настоящее время анализ данных, собранных от двух носителей восточномансийского (юкондинского) диалекта, указывает на их высокую значимость для лингвистики: оказалось, что, по сравнению с литературным северномансийским, в восточномансийском диалекте представлены архаические черты — три степени долготы гласных и три акцентных парадигмы глагола. Собранный материал подтверждает, что эти черты, которые встречаются и в обском (северномансийском) диалекте (см. [Норманская 2015]), должны быть реконструированы и для прамансийского языка. Наличие записей от двух носителей указывает на то, что та или иная черта не является особенностью идиолекта одного носителя, а была свойственна идиому в целом. На этом примере видно, что каждый год промедления может быть фатальным для сохранения материала языков и диалектов, которые находятся на грани исчезновения.

Ранее фонетические отличия юкондинского диалекта от мансийского литературного языка были описаны в [Кузакова 1963]. Е. А. Кузакова выделяет следующие гласные фонемы в юкондинском диалекте: *a*, *ǎ*, *ā*, *o*, *ǒ*, *ō*, *y*, *Ǚ*, *e*, *u*, *ы* и редуцированные *ə*, *a*. По нашим полевым данным, *a* / *ǎ*, *o* / *ǒ* и *y* / *Ǚ* на-

² Анна — официальное имя по паспорту, Елизавета — настоящее, но неофициальное имя.

ходятся в дополнительном распределении: упрежденные варианты этих гласных встречаются только после палатализованных согласных, а обычные — после непалатализованных. Редуцированные варианты гласных также позиционно распределены с долгими: редуцированные встречаются только в непервых слогах, в то время как долгие — только в первом слоге. Эти результаты были получены в ходе обработки материала с помощью программы-анализатора звучащей речи “Praat”.

Собранные данные по обскому и юкондинскому диалектам мансийского языка в виде двух аудио-словарей с транскрипцией, парадигмами и анализом каждого слова в программе “Praat” в настоящее время доступны на сайте <http://ldbета.at.ispras.ru/>.

Надо сказать, что собранные нами полевые данные по юкондинскому диалекту не вполне регулярно соотносятся с восточномансийскими материалами [Steinitz 1955; Honti 1982; Живлов 2006]. Приведем пример, когда одной фонеме \bar{s} в диалекте КУ в [Honti 1982] могут соответствовать пять разных фонем в наших полевых данных, а также, наоборот, одной юкондинской фонеме a в наших записях — пять разных фонем в [Honti 1982] (см. Табл. 4). При этом можно обратить внимание на то, что наша транскрипция явно более похожа на запись А. Каннисто, чем на реинтерпретацию, сделанную в более поздних работах: например, в слове ‘колено’ гласный a , по нашим данным, отличается от дифтонгоида, который представлен в словах ‘шишка’, ‘рука’ и ‘сырое’, что отмечено и в записи А. Каннисто. Однако в более поздней работе В. Штейнитца постулируется дифтонгоид и в слове ‘колено’, а в еще более поздних работах Л. Хонти и М. А. Живлова (у которого интерпретация гласных в диалектах не отличается от интерпретации Л. Хонти) вообще отсутствуют дифтонгоиды в системе этого диалекта.

Таблица 4

[Kannisto 1919]	[Steinitz 1955]	[Honti 1982]	юкондинские полевые материалы 2013 г.
$\check{s}\check{a}n\check{s}$ [Kannisto 1919: 7] — $k\check{o}\check{a}t$ [Kannisto 1919: 3] $\check{n}\check{o}\check{a}r$ [Kannisto 1919: 2] $t\check{o}\check{a}r$ [Kannisto 1919: 3]	$\check{s}\check{o}\check{a}\check{s}$ [Steinitz 1955: 177] — $n\check{o}\check{a}r$ [Steinitz 1955: 176]	$\check{s}\check{s}ns$ [Honti 1982: № 103] $p\check{s}k_o$ [Honti 1982: № 494] $k\check{s}t$ [Honti 1982: № 340] $\check{n}\check{s}r$ [Honti 1982: № 469] $t\check{s}r$ [Honti 1982: № 155]	юконд. <i>sans</i> ‘колено’ юконд. <i>puok</i> ‘шишка’ юконд. <i>kuete-</i> ‘рука’ юконд. <i>n'uarən</i> ‘сырое’ юконд. <i>t'or</i> ‘корень’
$\check{j}\check{a}ni$ [Kannisto 1919: 35] —	$\check{j}\check{a}ni$ [Steinitz 1955: 271] —	$\check{j}\check{a}ni$ [Honti 1982: № 191] $\check{s}\check{a}j$ [Honti 1982: № 118]	юконд. <i>jañi-</i> ‘большой’ юконд. <i>sajm</i> ‘гной’
$m\check{a}_o\check{y}l$ [Kannisto 1919: 7] $\check{n}\check{a}l$ [Kannisto 1919: 98]	$m\check{a}_o\check{y}l$ [Steinitz 1955: 259] $\check{n}\check{a}l$ [Steinitz 1955: 188]	$m\check{o}\check{y}l$ [Honti 1982: № 383] $\check{n}\check{a}l$ [Honti 1982: № 459]	юконд. <i>maul'</i> ‘грудь’ юконд. <i>n'al</i> ‘стрела’

В 2015 г. во время работы в Национальной библиотеке Финляндии (г. Хельсинки) мы обнаружили словарь верхнепелымского (западномансийского) диалекта [Словцов 1905]. В этом словаре представлено 424 западномансийских лексемы, для некоторых глагольных лексем приведены отдельные словоизменительные формы. Данные этого словаря были набраны нами и в настоящее время также представлены в электронном виде на сайте <http://ldbета.at.ispras.ru/>. Эти данные соответствуют пелымским данным по [Honti 1982] не вполне регулярно: например, одна фонема \bar{a} в диалекте Р в [Honti 1982] может соответствовать трем разным буквам в записи [Словцов 1905]; наоборот, \bar{a} в [Словцов 1905] соотносится с четырьмя разными фонемами в [Honti 1982] (см. Табл. 5).

Таблица 5

[Kannisto 1919]	[Steinitz 1955]	[Honti 1982]	[Словцов 1905]
$n\check{e}\check{c}m$ [Kannisto 1919: 26] $p\check{e}\check{s}\check{s}ar$ [Kannisto 1919: 27] —	$n\check{e}em$ [Steinitz 1955: 206] $p\check{e}\check{s}\check{s}ar$ [Steinitz 1955: 271] —	$n\check{a}m$ [Honti 1982: № 428] $p\check{a}\check{s}ar$ [Honti 1982: № 480] $t\check{a}r\check{i}y$ [Honti 1982: № 648]	<i>Нёмь</i> ‘имя’ [Словцов 1905: 13] <i>Пясерью</i> ‘рябина’ [Словцов 1905: 22] <i>Тэры</i> ‘сосна’ [Словцов 1905: 24]
—	—	$w\check{e}ta$ [Honti 1982: № 723]	<i>Вэта</i> ‘берег’ [Словцов 1905: 3]
—	—	$l\check{e}p\check{a}l$ [Honti 1982: № 190]	<i>Лэль пэлькарь</i> ‘новый’ [Словцов 1905: 19]
$t\check{e}-$ [Kannisto 1919: 41]	$t\check{e}-$ [Steinitz 1955: 224]	$t\check{e}-$ [Honti 1982: № 115]	<i>Тэнакарь</i> ‘пища’ [Словцов 1905: 21]

В связи с таким разнообразием в соответствиях на настоящем этапе мы приняли решение попробовать оставить в стороне материалы А. Каннисто и Б. Мункачи и все последующие работы, которые на них базировались, и сравнить только наши полевые данные по обскому и юкондинскому диалектам с данными пельмского словаря [Словцов 1905] и данными по литературному сосьвинскому диалекту по [Ромбандеева, Кузакова 1982], чтобы потом обратиться к материалам финских и венгерских исследователей уже на новом этапе осмысления мансийских диалектов.

В результате проведенного сравнения между четырьмя диалектами: сосьвинским, обским, юкондинским и пельмским, — принадлежащими к трем диалектным группам (северной, восточной и западной), мы пришли к выводу, что для прамансийского языка можно постулировать лишь **семь фонем**: *a, *ā, *o, *u, *i, *e, *e.

Анализ долготы гласных в юкондинском диалекте и соотнесение ее с долготой в сосьвинском (в обском и пельмском диалектах в рассматриваемых материалах долгота не представлена) показывает, что происхождение долготы в мансийских диалектах, видимо, осуществлялось в основном независимо, поскольку при полексемном сравнении выявляется всего одна прамансийская гласная *ā, рефлексам которой являются дифтонгоид в юкондинском диалекте и долгая гласная в сосьвинском. Приведем ряды соответствий и примеры их реализации.

ПМанс *a

обской диалект	юкондинский диалект	пельмский диалект	сосьвинский диалект
a	a / ā	a	a / ā

1) об. *sans* ‘колено’, юконд. *sans* ‘колено’, пельм. *Шáнишь-панга* ‘колено’ [Словцов 1905: 15], сосьв. *сáнспуңк* ‘колено’³ < ПМанс **sānš* [Honti 1982] < ПУ **šāncV*⁴;

2) об. *ávmaħ-* ‘болеть’, юконд. *auməl’-* ‘болеть’, сосьв. *āгмыңыг* ‘болеть’;

3) об. *jáni* ‘большой’, юконд. *janí-* ‘большой’, сосьв. *яныг* ‘большой’ < ПМанс **jānəu* [Honti 1982] < ПУ **enā*;

4) об. *káli* ‘веревка’, юконд. *kal’i* ‘веревка’, сосьв. *квāлыг* ‘веревка’ < ПМанс **k_oāləu* [Honti 1982] < ПУ **kälV*;

5) об. *vájman-* ‘видеть, знать’, пельм. *Váйлэмь* ‘видишь’ [Словцов 1905: 5], сосьв. *wā-*, *wāy-* ‘видишь’ < ПМанс **wj-*, **wj̄-* / **wj̄y-*, **wāj-* [Honti 1982] < ПУ **wOjV*⁵;

6) об. *tákma*, *tákəmt* ‘вошь’, юконд. *taχəmt* ‘вошь’, сосьв. *тақум* ‘вошь’ < ПМанс **tākmz* [Honti 1982] < ПУ **tāje*;

7) об. *raktá* ‘глина’, пельм. *Ráxть* ‘глина’ [Словцов 1905: 8], сосьв. *rākt* ‘глина’;

8) юконд. *sajim* ‘гной’, сосьв. *сай* ‘гной’ < ПМанс **sāj* [Honti 1982] < ПУ **sāje*;

9) об. *táhp’el* ‘голубика’, пельм. *Taχпуль* ‘голубица ягода’ [Словцов 1905: 8], сосьв. *tāχтпил* ‘голубика’;

10) об. *mául* ‘грудь’, юконд. *maul’-* ‘грудь’, сосьв. *māгыл* ‘грудь’ < ПМанс **māγəl* [Honti 1982] < ПУ **mälke* (**mäl̄ye*);

11) об. *áv’e* ‘дверь’, юконд. *āw*⁶ ‘дверь’, сосьв. *āvi* ‘дверь’ < ПМанс **jwz* [Honti 1982] < ПУ **owe*;

12) об. *páγən* ‘деревня’, юконд. *pāwəl* ‘деревня’, сосьв. *pāvył* ‘деревня’ < ПМанс **pjwəl* ~ **pājł* [Honti 1982] < ПУ **palγV*;

13) об. *áγhə* ‘куропатка’, юконд. *āγχ-* ‘куропатка’, сосьв. *āγха* ‘куропатка’ < ПМанс **jγkā* [Honti 1982] < ПУ **aγV*;

14) об. *kátata* ‘ладонь’, юконд. *katp’at’in* ‘ладонь’, сосьв. *kātmamma* ‘ладонь’ < ПМанс **kātz* [Honti 1982] < ПУ **kāte*;

15) об. *ácerma* ‘мороз’, пельм. *áчеромь* ‘мороз’ [Словцов 1905: 17], сосьв. *асирма* ‘мороз’ < ПУ **ačV* ‘холод’ [Норманская, Дыбо 2010: 55];

16) об. *man’* ‘невестка’, юконд. *man* ‘невестка (сноха)’, сосьв. *māнь un* ‘невестка’ < ПМанс **māñ* [Honti 1982] < ПУ **mina*;

17) об. *hap(i)gá* ‘осина’, юконд. *χār jiw* ‘осина’, пельм. *Káнна* ‘осина’ [Словцов 1905: 20], сосьв. *χāпка* ‘осина’ < ПМанс **kj̄p̄z* [Honti 1982] < ПУ **kappV*;

18) об. *pás-* ‘пахнуть’, юконд. *pās-* ‘пахнуть’, сосьв. *пасуңкве* ‘пахнуть’;

19) об. *máit* ‘печень’, юконд. *if mait-* ‘печень’, сосьв. *māйт* ‘печень’ < ПМанс **mj̄ət* ~ **mājт-* [Honti 1982] < ПУ **maksa*;

³ Здесь и далее данные по сосьвинскому диалекту цитируются по [Ромбандеева, Кузакова 1982].

⁴ Здесь и далее (если не указано иное) прауральские формы цитируются по [UEW].

⁵ O — неизвестная гласная фонема заднего ряда.

⁶ Здесь символом с двумя диакритиками передается двойная степень долготы.

- 20) об. *sál'vjink'e* 'плевать', юконд. *s'al'vəl'* 'плевать', сосьв. *сальгуңкве* 'плевать' < ПМанс **sūly-* [Honti 1982] < ПУ **sūlke*;
- 21) об. (*cup*)*táit* 'рукав', юконд. *tāt* 'рукав', сосьв. *māym* 'рукав' < ПМанс **tījat* ~ **tājt-* [Honti 1982] < ПУ **soja*;
- 22) об. *pásə* 'рукавица', юконд. *pas'je* 'рукавица', пелым. *Пасса* 'рукавица' [Словцов 1905: 22], сосьв. *nāssaḡ* 'рукавица' < ПМанс **p̄syā* [Honti 1982] < ПУ **pešV*;
- 23) об. *paéér* 'рябина', юконд. *p'aéər* 'рябина', пелым. *Пясерью* 'рябина' [Словцов 1905: 22], сосьв. *паса́рйив* 'рябина' < ПМанс **p̄cār* [Honti 1982] < ПУ **piéla*;
- 24) об. *sálaljal-* 'сверкать, мелькать', юконд. *sāli-* 'блистать, сверкать', сосьв. *сáлаяңкве* 'блеснуть' < ПМанс **s̄l-* [Honti 1982] < ПУ **sala*;
- 25) об. *njal* 'стрела', юконд. *n'al* 'стрела', сосьв. *ня́л* 'стрела' < ПМанс **n̄lz* [Honti 1982] < ПУ **nōle*;
- 26) об. *sáyrar* 'топор', юконд. *sawr* 'топор', пелым. *Шаарпъ* 'топор' [Словцов 1905: 25], сосьв. *сáграр* 'топор' < ПМанс **šāyər-* [Honti 1982];
- 27) об. *ráfi* 'трясет', юконд. *r'aχt'i* 'трясти';
- 28) об. *hásink'e* 'уметь', юконд. *χasan-* 'уметь', сосьв. *хáсуңкве* 'уметь' < ПМанс **k̄š-* [Honti 1982] < ПУ **kačV* (**kočV*);
- 29) юконд. *sairəp* 'белый', пелым. *Сáрийнгаръ* 'белый' [Словцов 1905: 4];
- 30) об. *kaséi* 'нож', юконд. *k'ās'i* 'нож', сосьв. *касáй* 'нож' < ПМанс **kāškāj* [Honti 1982] < ПУ **kečV*;
- 31) об. *sah* 'кишки', юконд. *sax* 'кишки', сосьв. *сах* 'кишки';
- 32) пелым. *Кáйтómь* 'бегу' [Словцов 1905: 4], сосьв. *хáйтуңкве* 'бегать';
- 33) юконд. *āχ* 'гора', пелым. *Ахъ* 'гора' [Словцов 1905: 6], сосьв. *āχ* 'гора';
- 34) юконд. *laχs* 'гриб', пелым. *Лáхсъ* 'грибы' [Словцов 1905: 7], сосьв. *лáхыс* 'гриб';
- 35) пелым. *Мáинь* 'Дай!' [Словцов 1905: 9], сосьв. *май-* 'давать' < ПМанс **m̄-*, **m̄y-*, **m̄j-* [Honti 1982] < ПУ **miye*;
- 36) пелым. *Пя́тить* 'дно' [Словцов 1905: 9], сосьв. *патта* 'дно';
- 37) пелым. *Ахтишь* 'камень' [Словцов 1905: 13], *Ахтусъ* 'кремень' [Словцов 1905: 14], сосьв. *āхтвас* 'камень', (*нāй*) *āхтвас* 'кремень';
- 38) об. *éahn'i* 'кулак', пелым. *Чааны* 'кулак' [Словцов 1905: 14], сосьв. *сяхны* 'кулак';
- 39) пелым. *Вáтакумъ* 'купец' [Словцов 1905: 14], сосьв. *вáтакум* 'купец';
- 40) пелым. *Кáртэмъ* 'курю' [Словцов 1905: 15], сосьв. (*сáр*) *хартуңкве* 'курить';
- 41) пелым. *Саатъ* 'радость' [Словцов 1905: 22], сосьв. *сáгт* 'радость';
- 42) пелым. *Пáсанпартъ* 'стол' [Словцов 1905: 24], юконд. *pās'al* 'стол', сосьв. *пасан* 'стол';
- 43) пелым. *Ча́халь* 'туча' [Словцов 1905: 25], сосьв. *сяхыл* 'туча';
- 44) юконд. *nār* 'болото', сосьв. *няр* 'болото' < ПУ **norV*;
- 45) юконд. *jar-* 'брат', сосьв. *ягыг* 'брат';
- 46) юконд. *χartət* 'волок', сосьв. *хартум* 'волоком';
- 47) юконд. *taχət* 'вошь', сосьв. *такум* 'вошь' < ПМанс **tāktz* [Honti 1982] < ПФУ **tāje*;
- 48) юконд. *pač'ten* 'давить', сосьв. *пасиртаңкве* 'давить';
- 49) юконд. *naul-* 'догонять', сосьв. (*юил*) *нявлуңкве* 'догонять' < ПМанс **n̄wəl-* ~ **n̄wl-* [Honti 1982] < ПФУ **nōnda-* (*nōwda-*);
- 50) юконд. *ās* 'дыра', сосьв. *ас* 'дыра';
- 51) юконд. (*l'ap*)*rent-* 'закрывать', сосьв. *лап-пантыглāлуңкве* 'закрывать';
- 52) юконд. *taχs-* 'катать', сосьв. *тахсуңкве* 'кататься';
- 53) юконд. *tan* 'нити (дратва)', сосьв. *mān* 'нитка';
- 54) юконд. *s'ak* 'очень', сосьв. *сака* 'очень';
- 55) юконд. (*jol*)*pats-* 'падать', сосьв. (*ёл*)*патаптаңкве* 'падать' < ПМанс **pāt-* [Honti 1982] < ПУ **pitä*;
- 56) юконд. *sañχəs-* 'пинать ногой', сосьв. *саңхаңкве* 'пинать';
- 57) юконд. *χan jel pal'* 'подмышка', сосьв. *ханьлпаттаг* 'подмышка' < ПУ **konV* (**kana*);
- 58) юконд. *māt* 'старый', сосьв. *матум* 'старый' < ПМанс **māt-* [Honti 1982];
- 59) юконд. *paχt-* 'стрелять', сосьв. *пáхвтуңкве* 'стрелять' < ПМанс **p̄k't-* [Honti 1982];
- 60) юконд. *n'al* (*n'al'*) 'рукоятка', сосьв. (*сáграр*) *нал* 'топорище' < ПУ **nide* (**nūde*);
- 61) об. *vārənk'e* 'делать', пелым. *Вóремь* 'делаю' [Словцов 1905: 9], *Вáрна* 'дело' [Словцов 1905: 9], сосьв. *вáруңкве* 'делать' < ПМанс **wār-* [Honti 1982].

ПМанс **ā*

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>a</i>	<i>uo</i>	<i>oa</i> / <i>#o</i> , <i>o#</i>	<i>ā</i>

- 1) об. *sav* ‘много’, юконд. *s'uow* ‘много’, сосьв. *cāv* ‘много’ < ПУ **čukkV* (**čokkV*);
- 2) об. *kám'inta* ‘мягкий’, юконд. *kuom'el't* ‘мягкий’, сосьв. *kāминьт* ‘мягкий’;
- 3) об. *pak* ‘шишка’, юконд. *puok* ‘шишка’, сосьв. *nākw* ‘шишка’ < ПМанс **pāk_o* [Honti 1982] < ПУ **pākV*;
- 4) пелым. *Bo* ‘сила’ [Словцов 1905: 24], сосьв. *vāg* ‘сила’ < ПМанс **wāy* [Honti 1982] < ПУ **wake*;
- 5) пелым. *Омпъ* ‘собака’ [Словцов 1905: 23], сосьв. *āmн* ‘собака’ < ПМанс **āmpз* [Honti 1982] < ПУ **āmpV* (**empV*);
- 6) об. *páitink'e* ‘готовить, варить’, юконд. *puojt-* ‘варить’, сосьв. *nāйтунъкве* ‘варить’ < ПУ **peje*;
- 7) пелым. *óрантъ* ‘долг’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *ārнт* ‘долг’;
- 8) юконд. *puoi-* ‘кипеть’, сосьв. *nāйтатунъкве* ‘кипеть’ < ПУ **peje*;
- 9) об. *noh kálug'e* ‘встать’, юконд. *noх kuol-* ‘(вверх) вставать’ < ПМанс **k_oāl-* [Honti 1982] < ПУ **kālā* ~ **kalā*;
- 10) юконд. *juonk* ‘лёд’, пелым. *яңк* ‘лёд’ < ПУ **jāne*;
- 11) об. *aer'ic* ‘дедушка со стороны матери’, юконд. *uэ-* ‘дед’, пелым. *Оáсимъ* ‘дедушка’ [Словцов 1905: 9], сосьв. *āсэйка* ‘отец матери’ < ПМанс **āč(з)* [Honti 1982] < ПУ **icā*;
- 12) юконд. *l'uoel'* ‘медленно’, сосьв. *lāсял-lāсял* ‘медленно’;
- 13) юконд. *puol'æt* ‘половина’, сосьв. *nāl* ‘половина’ < ПМанс **pāl* [Honti 1982] < ПУ **pälä*;
- 14) пелым. *Лóальтъ* ‘ноги’ [Словцов 1905: 19], сосьв. *lāгыл* ‘нога’ < ПМанс **lǝjлз / *lǝylз* ~ **lǝjl-* [Honti 1982];

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>a</i>	<i>ue</i>	<i>oa / #o, o#</i>	<i>ā / a</i>

- 15) об. *pārt* ‘доска’, юконд. *puert* ‘доска’, сосьв. *part* ‘доска’ < ПМанс **pārt* [Honti 1982] < ПУ **pertV* (**pārtV*);
- 16) об. *kāt* ‘рука’, юконд. *kuete-* ‘рука’, пелым. *Коатъ* ‘рука’ [Словцов 1905: 22], сосьв. *kām* ‘рука’ < ПМанс **kātз* [Honti 1982] < ПУ **kāte*;
- 17) юконд. *uey-* ‘дочь’, пелым. *О* ‘дочь’ [Словцов 1905: 9], сосьв. *āги* ‘дочь’ < ПМанс **āy(з)* [Honti 1982] < ПУ **ākV*;
- 18) юконд. *uene* ‘чашка’, пелым. *Óна* ‘чашка’ [Словцов 1905: 26], сосьв. *āны* ‘чашка’ < ПМанс **ānz* [Honti 1982];

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>a</i>	<i>ua</i>	<i>oa</i>	<i>ā</i>

- 19) юконд. *t'uar'i* ‘ёрш’, пелым. *Тоары* ‘ёрш’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *mārka* ‘ёрш’ < ПУ **särkä*;
 - 20) юконд. *n'uarən* ‘сырое’, сосьв. *nār* ‘сырой’ < ПМанс **nār* [Honti 1982].
- Итак, у ПМанс **ā* в юкондинском диалекте в четырех случаях наблюдается рефлекс *ue-*, а в двух — *ua-*. В записях XIX в. ни у Б. Мункачи, ни у А. Каннисто никак не отмечены указанные рефлексы в этих словах, а в XX в. Е. А. Кузакова, наоборот, эти дифтонгоиды отмечает. Можно предположить, что они возникли инновационно уже в XX в. в определенных позициях, которые при дальнейшем описании этого диалекта должны быть установлены.

ПМанс **i*

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>i</i>	<i>e / ē</i>	<i>i</i>	<i>i / ī</i>

- 1) об. *p'ilunk'e* ‘бояться’, юконд. *pel'ān-* ‘бояться’, сосьв. *пилуңкве* ‘бояться’ < ПУ **pele*;
- 2) об. *m'il* ‘глубина’, юконд. *mel'* ‘глубокое место (на реке)’, сосьв. *мил* ‘глубоко’ < ПМанс **mīl* [Honti 1982];
- 3) об. *p'it'i* ‘гнездо’, юконд. *pet'* ‘гнездо’, сосьв. *пити* ‘гнездо’ < ПМанс **pīi* [Honti 1982] < ПУ **pesä*;
- 4) об. *p'it'mi* ‘губа’, юконд. *pet'-* ‘губа’, пелым. *Тусьнитимъ* ‘губы’ [Словцов 1905: 7], сосьв. *путьми* ‘губа’ < ПМанс **pīāt* [Honti 1982] < ПУ **pīyše-me*;
- 5) об. *m'inink-* ‘уйти’, юконд. *mēnen-* ‘идти’, сосьв. *минуңкве* ‘идти’ < ПМанс **mīn-* [Honti 1982] < ПУ **mene*;
- 6) об. *isumv'it* ‘уха’, юконд. *esəmw'it'* ‘уха’, пелым. *Вуть* ‘вода’ [Словцов 1905: 5], сосьв. *вut* ‘вода’ < ПУ **wete*;
- 7) об. *isa* ‘горячий’, пелым. *Ишумкаръ* ‘горячий’ [Словцов 1905: 7], сосьв. *исум* ‘горячий’;
- 8) юконд. *jekən-* ‘плясать’, сосьв. *ййквуңкве* ‘плясать’ < ПМанс **jīk_{o-}* [Honti 1982] < ПУ **jekkV*;
- 9) юконд. *ketilan-* ‘спрашивать’, сосьв. *китыглāңкве* ‘спрашивать’;

- 10) юконд. *n'el'e* 'четыре', пелым. *Нуля* 'четыре' [Словцов 1905: 33], сосьв. *нила* 'четыре' < ПМанс **n̄ilz*, **n̄äl(з)*- [Honti 1982] < ПУ **n̄eljä* (**n̄eljä*);
 11) юконд. *perū* 'чирок', сосьв. *пирва* 'чирок' < ПУ **pErV*⁷;
 12) пелым. *Ин(?н)ыю-нуль* 'шиповник' [Словцов 1905: 26], сосьв. *йныг* 'шиповник';

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i / ī</i>

- 13) об. *k'itsát* 'двести', юконд. *k'ita* 'два', пелым. *Кидэй* 'два' [Словцов 1905: 33], сосьв. *китыг* 'два' < ПМанс **k̄itz* [Honti 1982] < ПУ **kakta* ~ **käktä*;
 14) об. *jiv* 'дерево, палка', юконд. *jiv* 'дерево, дрова', сосьв. *ййв* 'дерево' < ПМанс **jīw* [Honti 1982] (< ПУ **juwV*)⁸;
 15) об. *k'ivtink'e* 'точить', юконд. *k'itutx* 'точить', сосьв. *кйвтантаңкве* 'точить' < ПУ **keskV*;
 16) юконд. *wie* 'маленький', пелым. *Вишкарь* 'малой' [Словцов 1905: 18] < ПМанс **wīs* [Honti 1982] < ПУ **wāñćV* ~ **wāćV*;
 17) юконд. *n'ilx* 'чистить', сосьв. *нилюңкве* 'чистить'.

ПМанс **u*

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>u / ū</i>	<i>u / ū</i>	<i>u</i>	<i>u / ū</i>

- 1) об. *ūmp'i* 'ковш', юконд. *ūmp* 'ковш', сосьв. *ūmпи* 'ковш' < ПМанс **ūmpī* [Honti 1982] < ПУ **ama-*;
 2) об. *hur'i* 'мешок', юконд. *χur'i* 'мешок', сосьв. *хұрыг* 'мешок' < ПМанс **kūrəy* [Honti 1982] < ПУ **kurV*;
 3) об. *tup* 'весло', юконд. *tup* 'весло', пелым. *Тупь* 'весло' [Словцов 1905: 5], сосьв. *тūп* 'весло' < ПМанс **tūr* [Honti 1982] < ПУ **suyē*;
 4) об. *tūlmah* 'вор', юконд. *tul'məx* 'вор', пелым. *Тулумтэхтэ* 'грабят' [Словцов 1905: 7], сосьв. *тулманты* 'вор' < ПМанс **tūlmzk* [Honti 1982] < ПУ **salā*;
 5) об. *juntup* 'игла (швейная)', пелым. *Юнтпъ* 'иголка' [Словцов 1905: 13], сосьв. *йонтуп* 'игла' < ПМанс **jūntəp* [Honti 1982];
 6) об. *tūje* 'весна', пелым. *Тўе* 'весна' [Словцов 1905: 4], сосьв. *тўя* 'весна' < ПМанс **tūjā* [Honti 1982] < ПУ **towkV*;
 7) об. (*tór*)*hul* 'карась', *hūlrajenk'e* 'рыбачить', юконд. (*tur*)*χul'* 'карась', *χul'* 'рыба', пелым. *Куль* 'рыба' [Словцов 1905: 22], *Туркуль* 'карась' [Словцов 1905: 16], сосьв. *хұл* 'рыба', *тұрхул* 'карась' < ПМанс **kūl* [Honti 1982] < ПУ **kala*;
 8) об. *úfra* 'кедр', пелым. *Вульна* 'кедр' [Словцов 1905: 16], сосьв. *ўльна* 'кедр';
 9) об. *útəp* 'одежда', пелым. *Мўушь* 'одежда' [Словцов 1905: 19], сосьв. *иś* 'одежда';
 10) об. *tur* 'озеро', юконд. *tur* 'озеро', пелым. *Турь* 'озеро' [Словцов 1905: 20], сосьв. *тўр* 'озеро' < ПМанс **tūrz* [Honti 1982] < ПУ **sarV*;
 11) об. *kur* 'печь', пелым. *Кюръ* 'печь' [Словцов 1905: 21], сосьв. *кўр* 'печь';
 12) об. *tuftink'e* 'поставить', юконд. *tuct-* 'ставить', сосьв. *тўсь-* 'ставить' < ПМанс **tūñć-*, **tūćt-* [Honti 1982] < ПУ **sañća*;
 13) об. *sun* 'сани', пелым. *Шунь* 'сани' [Словцов 1905: 23], *Шунь* 'воз' [Словцов 1905: 5], сосьв. *сун* 'воз' < ПУ **šona*;
 14) об. *tuit* 'снег', юконд. *tūjt* 'снег', пелым. *Туйтэ* 'снег' [Словцов 1905: 23], сосьв. *тўйт* 'снег';
 15) об. *ulun* 'сон', юконд. *ul'men* 'сон', пелым. *Вулушь* 'сон' [Словцов 1905: 23], сосьв. *улум* 'сон' < ПУ **oda-mV*;
 16) об. *sūjp'el* 'брусника', юконд. *sujpol* 'брусника', пелым. *Суй нуль* 'брусника' [Словцов 1905: 4], сосьв. *сўй-нил* 'брусника';
 17) об. *put* 'котел', юконд. *put* 'котел', пелым. *Йипудь* 'котел' [Словцов 1905: 14], сосьв. *пут* 'котел' < ПМанс **pūt* [Honti 1982] < ПУ **pata*;
 18) пелым. *Суй* 'бор' [Словцов 1905: 3], сосьв. *сўй* 'бор';

⁷ E — неизвестная гласная фонема переднего ряда.

⁸ В [UEW: 107] отмечается ненадежность реконструкции вокализма, предложенной для этой этимологии, поскольку в самодийских рефлексах наблюдается гласный переднего ряда. Реконструкция гласного заднего ряда основывается на обско-угорском материале, но, как показывают наши полевые данные, в мансийском языке представлен также передний гласный.

- 19) пелым. *Яны-купъ* ‘волны’ [Словцов 1905: 4], сосьв. *хумп* ‘волна’ < ПМанс **kūmp* [Honti 1982] < ПУ **kūmpa*;
- 20) об. *luv* ‘лошадь’, пелым. *Лупэнь* ‘грива коня’ [Словцов 1905: 7], пелым. *Лу́* ‘конь’ [Словцов 1905: 15], сосьв. *лув* ‘лошадь’ < ПМанс **lūw* [Honti 1982] < ПУ **luwV* (**luwV*);
- 21) пелым. *Суйты* ‘гром’ [Словцов 1905: 7], сосьв. *суй* ‘гром’;
- 22) об. *hútim* ‘зола’, юконд. *хул’ем* ‘зола’, пелым. *Ку́лемъ* ‘зола’ [Словцов 1905: 12], сосьв. *ху́льм*, *ху́люм* < ПМанс **kūlmz* [Honti 1982] < ПУ **kūdmV*;
- 23) пелым. *Нюль* ‘пихта’ [Словцов 1905: 22], сосьв. *нюлы* ‘пихта’ < ПМанс **nūl(ī)*, **nūlt-* [Honti 1982] < ПУ **nūlkV*;
- 24) пелым. *Уйтымсть* ‘птица’ [Словцов 1905: 21], сосьв. *товлын уй* ‘птица’ < ПМанс **wūj* [Honti 1982] < ПУ **wajV* (**wojV*);
- 25) пелым. *Пумъ* ‘сено’ [Словцов 1905: 23], сосьв. *тōсам пум* ‘сено’ < ПМанс **pūtmz* [Honti 1982];
- 26) юконд. *ūs* ‘город’, сосьв. *ус* ‘город’ < ПМанс **wūšz* [Honti 1982];
- 27) юконд. *wujt-* ‘плавать’, сосьв. *уйгалаңкве* ‘плавать’ < ПМанс *(*w*)*ūj-* [Honti 1982] < ПУ **uje* ~ **oje*;
- 28) юконд. *l’ul’xert* ‘плохой (о погоде)’, сосьв. *люль* ‘плохой’;
- 29) юконд. *хурэп* ‘три’, пелым. *Курумъ* ‘три’ [Словцов 1905: 33], сосьв. *хурум* ‘три’ < ПМанс **kūrətm* [Honti 1982] < ПУ **kolme* (**kulme*);
- 30) юконд. *ulf(ūlf)* ‘челюсть у животных’, сосьв. *у́лысь* ‘челюсть’ < ПУ **olV*.

ПМанс **o*

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>o</i>	<i>o / ō</i>	<i>o</i>	<i>o / ō</i>

- 1) об. *lón* ‘десять’, юконд. *low* ‘десять’, пелым. *Лоупэньгъ* ‘десятник’ [Словцов 1905: 8], сосьв. *лов* ‘десять’ < ПУ **luke*;
- 2) об. *хоzá* ‘длинный’, юконд. *хоэá* ‘длинный’, сосьв. *хоса* ‘длинный’ < ПУ **koñčV* ~ **kočV*;
- 3) об. *hovt* ‘ель’, юконд. *хотw* ‘ель’, пелым. *Коуть* ‘ель’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *хōвт* ‘ель’ < ПМанс **kāytz* [Honti 1982] < ПУ **kuse* ~ **kose*;
- 4) об. *hotí ting’-* ‘заблудиться’, юконд. *хоттер-* ‘заблудиться’, сосьв. *хот-тыпуңкве* ‘заблудиться’;
- 5) об. *ej óvol* ‘конец, край’, юконд. *ōwl’at* ‘конец’, сосьв. *оигпāл-овыл* ‘конец’ < ПМанс **āyəl* [Honti 1982] < ПУ **alka*;
- 6) об. *hortí* ‘лай’, юконд. *хорт-* ‘лаять’, сосьв. *хортуңкве* ‘лаять’ < ПМанс **kārt-* [Honti 1982];
- 7) об. *hotá* ‘лебедь’, пелым. *Кóтоль* ‘лебедь’ [Словцов 1905: 16], сосьв. *хотан* ‘лебедь’ < ПМанс **kātāj* [Honti 1982];
- 8) об. *jónhup(a)* ‘луна’, пелым. *Энгъ* ‘луна’ [Словцов 1905: 17];
- 9) юконд. *хос-* ‘молиться’, пелым. *Тóрумъ-коиш* ‘молится’ [Словцов 1905: 18];
- 10) юконд. *хос’i* ‘муравей’, пелым. *Кóшиый* ‘муравей’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *хōсвой* ‘муравей’ < ПМанс **kāšyāj* [Honti 1982] < ПУ **kučV*;
- 11) об. *lóvtenk’e* ‘мыть’, юконд. *lout-* ‘мыть’, сосьв. *ловтуңкве* ‘мыть’ < ПМанс **lōwt-* [Honti 1982];
- 12) об. *hóntink’e* ‘находить’, юконд. *хонтен-* ‘находить’, сосьв. *хōнтуңкве* ‘находить’ < ПУ **kunta*;
- 13) об. *njol* ‘нос’, юконд. *n’oul* ‘нос’, сосьв. *нēл* ‘нос’ < ПМанс **nāl* [Honti 1982];
- 14) об. *of* ‘овца’, юконд. *os* ‘овца’, пелым. *Ошъ* ‘овца’ [Словцов 1905: 19] < ПМанс **āš* [Honti 1982] < ПУ **uče*;
- 15) об. *nórma* ‘полка’, пелым. *Нóрамъ* ‘полка’ [Словцов 1905: 21], сосьв. *норма* ‘полка’ < ПМанс **nārmā* [Honti 1982];
- 16) об. *sōs*, *sos*, *sósji* ‘смородина’, пелым. *Шóшии* ‘смородина’ [Словцов 1905: 24], сосьв. *сосыг* ‘смородина’ < ПМанс **ššəy / *šāšəy* [Honti 1982] < ПУ **čVkcV* (-*kkV*);
- 17) об. *njóhis* ‘соболь’, юконд. *n’oxs* ‘соболь’, пелым. *Нēкгъ* ‘соболь’ [Словцов 1905: 23], сосьв. *нē-хысь* ‘соболь’ < ПМанс **nčkas* [Honti 1982] < ПУ **nukše*;
- 18) об. *hótal* ‘солнце, день’, юконд. *хотəl* ‘солнце, день’, пелым. *Кóтоль* ‘солнце’ [Словцов 1905: 24], сосьв. *хōтал* ‘солнце’ < ПУ **koje*;
- 19) об. *ósəp* ‘толстый’, юконд. *ofəp* ‘толстый’, сосьв. *осың* ‘толстый’;
- 20) юконд. *pot* ‘утка’, пелым. *Потъ* ‘утка’ [Словцов 1905: 25];
- 21) об. *hotpá* ‘шестьдесят’, юконд. *хот (хōt)* ‘шесть’, сосьв. *хот* ‘шесть’ < ПМанс **kāt* [Honti 1982] < ПУ **kutte*;
- 22) об. *vot* ‘ветер’, пелым. *Вóтлехтъ* ‘веять’ [Словцов 1905: 6], сосьв. *вōт* ‘ветер’ < ПМанс **wātz* [Honti 1982];

- 23) пелым. *Вондартъ* ‘выдра’ [Словцов 1905: 5], сосьв. *вонтыр* ‘выдра’ < ПМанс **wāntər(ā)* [Honti 1982];
 24) пелым. *Кóшетъ* ‘далеко’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *хоса* ‘далеко’;
 25) пелым. *Ёмосъ* ‘добро’ [Словцов 1905: 9], сосьв. *ёмас* ‘добро’ < ПМанс **jəmās* [Живлов 2006] < ПУ **jomV* (**jamV*);
 26) пелым. *По́шшемъ* ‘дым’ [Словцов 1905: 9], сосьв. *посым* ‘дым’ < ПМанс **pāšəm* [Honti 1982];
 27) пелым. *Кóркйй* ‘дятел’ [Словцов 1905: 9], сосьв. *хóхра* ‘дятел’ < ПМанс **kārkaĵ* [Honti 1982];
 28) об. *tfor* ‘заяц’, сосьв. *сòвыр* ‘заяц’;
 29) об. *sov* ‘звезда’, юконд. *sel'sowt* ‘звёзды’, пелым. *Сóу* ‘звезда’ [Словцов 1905: 12], сосьв. *сов* ‘звезда’;
 30) пелым. *Торумъ* ‘икона’ [Словцов 1905: 13], сосьв. *Тóрум* ‘бог’ < ПМанс **tārəm* [Honti 1982];
 31) пелым. *Оутэ* ‘копье’ [Словцов 1905: 13], сосьв. *òта* ‘копье’;
 32) пелым. *(Сай)вой* ‘коровье масло’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *вõй* ‘масло’ < ПМанс **wāj* [Honti 1982] < ПУ **woĵe*;
 33) пелым. *О́ктаръ* ‘лисица’ [Словцов 1905: 17], сосьв. *охсар* ‘лиса’ < ПМанс **ǝkšār* [Honti 1982];
 34) пелым. *Тóшемъ-мэ* ‘мель’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *тõсам мā* < ПМанс **tāš-* ~ **tāš-ā-* [Honti 1982];
 35) пелым. *Ёнэгъ* ‘месяц’ [Словцов 1905: 17], сосьв. *ёңхун* ‘месяц’;
 36) об. *tolí* ‘невод’, сосьв. *толыг* ‘невод’ < ПМанс **tǝlǝy* [Honti 1982] < ПУ **tulkV*;
 37) юконд. *ponk* ‘сажа’, пелым. *По́онгъ* ‘сажа’ [Словцов 1905: 24];
 38) юконд. *porc* ‘мусор’, пелым. *Поршъ* ‘сор’ [Словцов 1905: 23], сосьв. *порс* ‘сор’;
 39) юконд. *holǝn* ‘тетерев-косач’, пелым. *Кóлемъ* ‘тетеря’ [Словцов 1905: 25];
 40) юконд. *sost-* ‘выливать’, сосьв. *(хот-)сосуңкве* ‘вылить’ < ПМанс **šāš-* [Honti 1982];
 41) юконд. *el' posén-* ‘выстирать’, сосьв. *хот-посуңкве* ‘выстирать’ < ПМанс **pǝs-* [Honti 1982];
 42) пелым. *Ном сéэмъ* ‘думаю’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *номсуңкве* ‘думать’ < ПМанс **nāms-* [Honti 1982];
 43) юконд. *хоттер-* ‘заблудиться’, сосьв. *хот-тыпуңкве* ‘заблудиться’;
 44) юконд. *pōs* ‘засечка’, сосьв. *саграпим пōс* ‘засечка’;
 45) юконд. *l'ǝm'i* ‘комар’, сосьв. *лёмвой* ‘комар’;
 46) юконд. *pōsəm* ‘корма (лодки)’, сосьв. *хāп пōсум* ‘(лодки) корма’;
 47) юконд. *towti* ‘лыжи’, сосьв. *товтыг* ‘лыжи’ < ПМанс **tǝwt* [Honti 1982] < ПУ **sukse*;
 48) юконд. *n'oull* ‘мясо’, сосьв. *нёвыль* ‘мясо’ < ПМанс **nǝyǝl* [Honti 1982];
 49) юконд. *jol (patsin-)* ‘падать’, сосьв. *ёл-(патамантаңкве)* ‘падать’;
 50) юконд. *torəm* ‘платок’, сосьв. *(нёл сэгнэ) тõр* ‘платок’;
 51) юконд. *n'otǝ-* ‘помочь’, сосьв. *нётуңкве* ‘помогать’ < ПМанс **nǝt-* [Honti 1982];
 52) юконд. *porv* ‘поперёк’, сосьв. *пõри мус* ‘поперёк’;
 53) юконд. *soxti* ‘прямо’, сосьв. *сохтыл* ‘прямо’;
 54) юконд. *tõrs* ‘пядь (четверть)’, сосьв. *тõрас* ‘пядь’ < ПМанс **tārās* [Honti 1982];
 55) юконд. *n'oull'tetəm* ‘шевелись’, сосьв. *нёвсуңкве* ‘шевелиться’;
 56) юконд. *walocǝr-* ‘желчь’, сосьв. *восьрам* ‘желчь’ < ПМанс **wǝšǝrām* [Honti 1982].

ПМанс **e*

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>э / ɛ / e / ẽ</i>

- 1) об. *tegem* ‘ем’, юконд. *teǝ-* ‘есть’, сосьв. *тэңкве* ‘есть’ < ПМанс **tī-*, **tīy-*, **tāĵ-*; **tǝyt-* / **tǝkt-* [Honti 1982] < ПУ **sewe* (**seye*);
 2) об. *lej* ‘хвост’, юконд. *l'ewñt* ‘хвост’, сосьв. *лэг* ‘хвост’ < ПМанс **līy* [Honti 1982];
 3) юконд. *n'elsam* ‘лицо’, пелым. *Нёлишемъ* ‘лицо’ [Словцов 1905: 16];
 4) об. *servi* ‘муха’, пелым. *Сзрварпъ* ‘муха’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *сэриварун* ‘муха’;
 5) об. *n'elun* ‘язык’, юконд. *n'elm'en* ‘язык’, сосьв. *нёлум* ‘язык’ < ПМанс **nǝlmz* [Honti 1982] < ПУ **nǝlmä*;
 6) об. *éneĵ* ‘подбородок’, юконд. *ienep* ‘подбородок’, сосьв. *эңын* ‘подбородок’ < ПМанс **tūǝn* [Honti 1982] < ПУ **āŋV*;
 7) пелым. *Ненхуасъ* ‘бумага’ [Словцов 1905: 4], сосьв. *нэпак* ‘бумага’;
 8) пелым. *Тэталъ* ‘голод’ [Словцов 1905: 6], сосьв. *тэтал* ‘голод’;
 9) пелым. *Къэръ* ‘железо’ [Словцов 1905: 11], сосьв. *кёр* ‘железо’;
 10) пелым. *Экумъ* ‘женщина’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *эква* ‘женщина’ < ПМанс **tǝk'ā* [Живлов 2006] < ПУ **ewkkV*;
 11) пелым. *Шэръ* ‘заря’ [Словцов 1905: 11], сосьв. *сэринос* ‘заря’;
 12) пелым. *Ёрптыма* ‘люблю’ [Словцов 1905: 16], сосьв. *эрунтаңкве* ‘любить’;

- 13) пелым. *Тѣпкань* ‘пашня’ [Словцов 1905: 21], сосьв. (*сакватым*) *тѣпкан* ‘пашня’;
 14) пелым. *Ёры* ‘песня’ [Словцов 1905: 21], сосьв. *эрыг* ‘песня’ < ПМанс **irəy* [Honti 1982];
 15) пелым. *Кэть* ‘шапка’ [Словцов 1905: 26], сосьв. *кѣнт* ‘шапка’ < ПМанс **kīnt* [Живлов 2006];
 16) юконд. *el'pal't* ‘впереди’, сосьв. *элы-пальт* ‘впереди’;
 17) юконд. *l'emrent-* ‘покрывать, закрывать’, сосьв. *лѣнта* ‘покрывало’ < ПМанс **līp-* [Живлов 2006] < ПУ **läppV*.

ПМанс **e*

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>e</i>	<i>a / ā</i>	<i>e</i>	<i>a / ā</i>

- 1) юконд. *s'aχ-* ‘клюква’, пелым. *Сэхь-нуль* ‘клюква’ [Словцов 1905: 15], сосьв. *саңквлѣтил* ‘клюква’;
 2) юконд. *χār* ‘лодка’, пелым. *Кэнь* ‘лодка’ [Словцов 1905: 16], сосьв. *xān* ‘лодка’ < ПМанс **kīrəz* [Honti 1982] < ПУ **kappV*⁹;
 3) об. *nel'* ‘рукоятка’, юконд. *n'al'* ‘рукоятка’, сосьв. *нал* ‘рукоятка’ < ПМанс **nāl* [Honti 1982] < ПУ **nīde* (**nūde*);
 4) об. *teksi* ‘осень’, юконд. *t'aχsi* ‘осень’, пелым. *Тэксъ* ‘осень’ [Словцов 1905: 20], сосьв. *таквс* < ПМанс **tīkəs* [Honti 1982] < ПУ **sikse* (**sūkse*);
 5) об. *jektenk'e* ‘резать’, юконд. *jaχtel'aχ-* ‘резать’, сосьв. *якытлаңкве* ‘резать’ < ПМанс **jākt-* [Honti 1982] < ПУ **jāktV*¹⁰;
 6) юконд. *l'am iw* ‘черемуха (дерево)’, пелым. *Лемь* ‘черемуха’ [Словцов 1905: 26], сосьв. *лѣм* ‘черемуха’ < ПМанс **līmz* [Honti 1982] < ПУ **đeme* (**đōme*);
 7) пелым. *Рэхъ* ‘дождь’ [Словцов 1905: 9], сосьв. *ракв* ‘дождь’;
 8) пелым. *Тэры* ‘журавль’ [Словцов 1905: 10], сосьв. *тāрыг* ‘журавль’ < ПМанс **tīrəy* [Honti 1982] < ПУ **tarV-kV* (**tarkV*)¹¹;
 9) юконд. *saχal'* ‘кочка (возвышение)’, пелым. *Сэхь-пэнгъ* ‘кочка’ [Словцов 1905: 14], сосьв. *саңквлы нуңк* ‘кочка’ < ПМанс **sūŋk* [Honti 1982] < ПУ **seŋkV*¹²;
 10) пелым. *Сээлыи* ‘молния’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *сяхыл нѣл* ‘молния’ < ПМанс **sīl-* [Honti 1982] < ПУ **śala*;
 11) пелым. *Элимь* ‘невод’ [Словцов 1905: 18], сосьв. *jalom* ‘невод’;
 12) юконд. *āχ* ‘один’, пелым. *Эварь* ‘один’ [Словцов 1905: 20], сосьв. *аква* ‘один’;
 13) пелым. *Кэнгъ* ‘осока (трава)’ [Словцов 1905: 19], сосьв. *хаңхай пум* ‘осока’;
 14) об. *k'elp, k'élpa, k'élta* ‘кровь’, юконд. *k'al'p-* ‘кровь’, сосьв. *кэлл* ‘кровь’ < ПМанс **kīlprz* [Honti 1982] < ПУ **kālV*.

Чередования ступеней аблаута

Во всех работах, посвященных мансийскому вокализму, отмечается существование синхронного аблаута, который, по словам Е. А. Хелимского [Helimski 2001], значительно менее частотен, чем в системе хантыйского языка. Анализ материала показывает, что нецелесообразно полностью отказываться от идеи чередования гласных первого слога и представленности разных ступеней этого чередования в разных диалектах, предложенной еще А. Каннисто [Kannisto 1919]. Однако, в отличие от А. Каннисто, мы предлагаем постулировать только те чередования, которые синхронно представлены в мансийских диалектах. Оказывается, этого достаточно для того, чтобы практически без исключений описать наблюдаемые соответствия, а эти чередования в мансийском языке гораздо менее частотны, чем в хантыйском, где более половины праязыковых лексем имеют рефлекс с разными степенями по диалектам; в мансийском же языке речь идет менее чем о четверти лексем.

1. ПМанс **a* vs. **o* vs. **u*

Это чередование представлено, например, в словах: сосьв. *пѣлх* ‘вверх’, *пумэл* ‘сверху’ [Honti 1982: № 417] и сосьв. *tāriy* ‘журавль’, *tīriy_oe* ‘любимый журавль’ [Honti 1982: № 649].

⁹ В этой этимологии нет надежных указаний на реконструкцию качества праязыкового гласного.

¹⁰ В этой этимологии нет надежных указаний на реконструкцию качества праязыкового гласного.

¹¹ В этой этимологии нет надежных указаний на реконструкцию качества праязыкового гласного.

¹² В этой этимологии нет надежных указаний на реконструкцию качества праязыкового гласного.

сосьвинский диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект
<i>o</i>	<i>a</i>	<i>a</i>

- 1) сосьв. *нор* ‘бревно’ vs. пелым. *Нарь* ‘бревно’ [Словцов 1905: 4];
 2) сосьв. *ёнгы́нут* ‘игрушка’ vs. юконд. *jan'in* ‘играть’, пелым. *Янанкар* ‘игрушка’ [Словцов 1905: 13] < ПМанс **jāny-* [Honti 1982];
 3) сосьв. *тотма* ‘клад’ vs. пелым. *Татнамъ* ‘клад’ [Словцов 1905: 15];
 4) сосьв. (*я*) *нёл* ‘мыс’ vs. юконд. *n'altī* ‘мыс’;
 5) сосьв. *ворсик* ‘синица’ vs. юконд. *w'areχ* ‘синица’;

обской диалект	сосьвинский диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект
<i>a</i>	<i>a / ā</i>	<i>o</i>	<i>o</i>

- 6) сосьв. *лāпанты* ‘бабочка’ vs. пелым. *Лонхъ* ‘бабочка’ [Словцов 1905: 4] < ПУ **lEppV*;
 7) об. *vaina, vianda* ‘плечо’, сосьв. *вāнын* ‘плечо’ vs. юконд. *wojnat* ‘мое плечо’ < ПМанс **wāynz ~ *wājn-* [Honti 1982];
 8) об. *ant* ‘рог’, сосьв. *āньт* ‘рог’ vs. юконд. (*w*)*on't-* ‘рог’ < ПМанс **jntz* [Honti 1982] < ПУ **antV* (**oñtV*);
 9) об. *hásli* ‘мох (зеленый)’, сосьв. *хаслы* ‘мох’ vs. юконд. *χojs* ‘мох (болотный)’ < ПМанс **kāš* [Honti 1982] < ПУ **kOčV*;
 10) об. *hándze-* ‘писать’, сосьв. *хасуңкве* ‘писать’ vs. юконд. *χonsen-* ‘писать’ < ПМанс **kāñš-*, **kāñšāy* [Honti 1982] < ПУ **končV* (**kančz*);
 11) сосьв. *хартуңкве* ‘тянуть’ vs. юконд. *χort-* ‘тянуть’;

юкондинский диалект	сосьвинский диалект	обской диалект
<i>a</i>	<i>o</i>	<i>u</i>

- 12) юконд. *parwəl-* ‘прыгать’ vs. сосьв. *поргуңкве* ‘прыгать’ vs. об. *purink'e* ‘прыгать’;

юкондинский диалект	сосьвинский диалект	обской диалект	пелымский диалект
<i>a</i>	<i>u / ū</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

- 13) юконд. *amərt-* ‘черпать’ vs. сосьв. *ūмуңкве* ‘черпать’ < ПМанс **ūm-* [Honti 1982] < ПУ **ama-*;
 14) юконд. *rafī* ‘понос’ vs. об. *śálipuf* ‘понос’ < ПУ **puśka* (**paśka*);
 15) юконд. *kaχr-* ‘живот (желудок)’ vs. пелым. *Кю́хоръ* ‘живот’ [Словцов 1905: 11];

обской диалект	сосьвинский диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект
<i>o</i>	<i>o / ō</i>	<i>a</i>	<i>a</i>

- 16) об. *móthan* ‘чужой’, сосьв. *мōтхōпа* ‘чужой’ vs. юконд. *māt* ‘чужой’ < ПМанс **māt ~ *mūt* [Honti 1982] < ПУ **mu*;
 17) об. *sort* ‘щука’, сосьв. *сорт* ‘щука’ vs. пелым. *Сартъ* ‘щука’ [Словцов 1905: 27] < ПМанс **sārt* [Honti 1982];

обской диалект	сосьвинский диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект
<i>u</i>	<i>u</i>	<i>a</i>	<i>a</i>

- 18) об. *puŋk* ‘зуб’, сосьв. *пуңк* ‘зуб’ vs. юконд. *tus'paŋk* ‘зуб’, пелым. *Тусъ-пáнгъ* ‘зуб’ [Словцов 1905: 12] < ПМанс **pāŋkz* [Honti 1982] < ПУ **piŋe*;

юкондинский диалект	обской диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

- 19) юконд. *χolχ* ‘ворон’ vs. об. *χuláh* ‘ворон’, сосьв. *хулах* ‘ворон’ < ПМанс **kūlāk* [Honti 1982] < ПУ **kulV(-kV)*;
 20) юконд. *porán-* ‘кусать’ vs. об. *pūr'ink'e, pūr'ink'e* ‘грызть, кусать (о собаке)’, сосьв. *пуруңкве* ‘кусать’ < ПМанс **pūr-* [Honti 1982] < ПУ **pure*;
 21) юконд. *χos* ‘двадцать’ vs. об. *χus* ‘двадцать’, сосьв. *хус* ‘двадцать’ < ПМанс **kūs* [Honti 1982] < ПУ **kuśV*;
 22) юконд. *lont-* ‘гусь’ vs. об. *lunt* ‘гусь’, пелым. *Лунтъ* ‘гуси’ [Словцов 1905: 8], сосьв. *лунт* ‘гуси’ < ПМанс **lūntz* [Honti 1982] < ПУ **lunta*;
 23) юконд. *toj* ‘лето’ vs. об. *tui* ‘лето’, пелым. *Туэ́* ‘лето’ [Словцов 1905: 16], сосьв. *тув* ‘лето’ < ПМанс **tij* [Honti 1982] < ПУ **suŋe*;

24) юконд. *lopta* ‘лист (дерева)’ vs. об. *lǫpta* ‘лист (дерева)’, сосьв. *lǫn̄ta* ‘лист’ < ПМанс **lǫptā* [Живлов 2006] < ПУ **lepV* (**lepV*);

25) юконд. *pon* ‘перо’ vs. об. *pin* ‘перо, шерсть’, пелым. *Пунь* ‘перо’ [Словцов 1905: 21], сосьв. *пун* ‘перо’ < ПУ **runa*;

26) юконд. *wont-* ‘сесть’ vs. об. *ǫnt-* ‘сидеть’, сосьв. *ǫнтуңкве* ‘сесть’ < ПМанс **ǫnt-* [Живлов 2006] < ПУ **amV-*;

27) юконд. *tor* ‘глотка (горло)’ vs. сосьв. (*тэп тэпнэ*) *тур* ‘глотка’ < ПУ **turV*;

28) юконд. *χojen-* ‘лежать’ vs. сосьв. *хуюңкве* ‘лежать’ < ПМанс **kuj-* [Honti 1982] < ПУ **kujV*;

29) юконд. *tol-* ‘облако’ vs. сосьв. *тул* ‘облако’;

обской диалект	юкондинский диалект	сосьвинский диалект
<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

30) об. *hóntlink'e* ‘слушать, слышать’ vs. юконд. *χuntl'aχ-* ‘слушать’, сосьв. *хунтлалуңкве* ‘слушать’ < ПУ **kunta-lV-*;

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	<i>u</i> (/ <i>ǫ</i> / <i>ǭ</i>)

31) об. *lov* ‘кость’, юконд. *losum* ‘кость’ vs. пелым. *Лушемь* ‘кость’ [Словцов 1905: 14], сосьв. *лув* ‘кость’ < ПМанс **lǫw* [Honti 1982] < ПУ **luwe*;

32) об. *kolt* ‘оставаться’, юконд. *χol-* ‘оставаться’ vs. пелым. *Кўльптэнь* ‘Оставь!’ [Словцов 1905: 20], сосьв. *хулигалуңкве* ‘оставлять’ < ПМанс **kǫl-* ~ **kǫlt-* [Honti 1982] < ПУ **kaǫa*;

33) юконд. *soml'aχ* ‘амбар’ vs. пелым. *Шумлехь* ‘амбар’ [Словцов 1905: 3], сосьв. *сǭ/ǭмьях* ‘амбар’;

обской диалект	юкондинский диалект	сосьвинский диалект
<i>o</i> / <i>ǭ</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

34) сосьв. *ǫлунса* ‘жизнь’ vs. пелым. *ǫлэмь* ‘жизнь’ [Словцов 1905: 10] < ПМанс **ǫl-* [Honti 1982] < ПУ **wole*;

35) сосьв. *сǭргуй* ‘глист’ vs. юконд. *sur* (*sǭr*) ‘глист’;

36) сосьв. *холыт* ‘завтра’ vs. юконд. *χuldan* ‘завтра’ < ПМанс **kǫl* [Honti 1982] < ПУ **kudV*.

2. ПМанс **i* vs. **o* vs. **u*

Это чередование представлено, например, в словах: сосьв. *wi-*, *wiy-*, *wǫj-* ‘брат’ [Honti 1982: № 651] и сосьв. *ji-*, *juw-*, *jaj-* ‘приходить’ [Honti 1982: № 169].

обской диалект	сосьвинский диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект
<i>i</i>	<i>i</i>	<i>o</i>	<i>u</i>

1) об. *hilǫnk'e*, *hilǫnk'é* ‘копать’, сосьв. *хилуңкве* ‘копать’, юконд. *χolǫn-* ‘копать’ < ПМанс **kǫl-* [Honti 1982];

2) об. *pilvǫtǫnk'e* ‘собирать ягоды’, сосьв. *пил* ‘ягода’, юконд. *pol* ‘ягода’ vs. пелым. *Пулъ* ‘ягоды’ [Словцов 1905: 27] < ПУ **pola*.

3. ПМанс **e* vs. **a* vs. **o*

Это чередование представлено, например, в словах: сосьв. *tāl* ‘зима’, *tēli* ‘зимой’ [Honti 1982: № 635] и сосьв. *tāriy* ‘журавль’, *tāriyko* ‘любимый журавль’ [Honti 1982: № 649].

пелымский диалект	обской диалект	юкондинский диалект	сосьвинский диалект
<i>э</i>	<i>a</i> / <i>ǭ</i>	<i>ǭ</i>	<i>a</i> / <i>ǭ</i>

1) пелым. *Вэта* ‘берег’ [Словцов 1905: 3] vs. об. *váta* ‘берег’, юконд. *wāt* ‘берег’, сосьв. (*вум*) *вата* ‘берег’ < ПМанс **wǭtā* [Honti 1982];

2) пелым. *Кэль* ‘береза’ [Словцов 1905: 3] vs. об. *χaθ* ‘береза’, юконд. *χǭl'* ‘береза’, сосьв. *хǭль* ‘береза’ < ПМанс **kǭl'* [Живлов 2006] < ПУ **kǭjwa*;

3) пелым. *Пангаэть* ‘волос’ [Словцов 1905: 5] vs. об. *ǭt* ‘волос’, юконд. *ǭt* ‘волос’, сосьв. *пуңк ǭт* ‘волос’ < ПМанс **ǭtz* [Honti 1982] < ПУ **apte*;

4) пелым. *Шэмь* ‘глаз’ [Словцов 1905: 7] vs. об. *sam* ‘глаз; тряси́на; кусочек чего-либо’, юконд. *sǭm-* ‘глаз’, сосьв. *сам* ‘глаз’ < ПМанс **šǭm* [Honti 1982] < ПУ **šilmǭ*;

5) пелым. Э 'речка' [Словцов 1905: 22] vs. об. *ja* 'река', юконд. *jā* 'река', сосьв. *я* 'река' < ПМанс **jī* [Honti 1982] < ПУ **joke*;

6) пелым. *Тэры* 'сосна' [Словцов 1905: 24] vs. об. *tárih, tarih* 'сосна', юконд. *tāri* 'сосна', сосьв. *ma-ryg* 'сосна' < ПМанс **tārəy* [Honti 1982] < ПУ **tErkkV*;

7) пелым. *Пэль* 'ухо' [Словцов 1905: 25] / *Пяльто́лкаръ* 'глухой' [Словцов 1905: 8], об. *pal'tf* 'ухо', юконд. *pāl* 'ухо', сосьв. *паль* 'ухо', *пальтāl* 'глухой' < ПМанс **pāl* [Honti 1982] < ПУ **peljä*;

8) пелым. *Нёмь* 'имя' [Словцов 1905: 13] vs. об. *nam* 'имя', юконд. *n'āmə-* 'имя', сосьв. *nam* 'имя' < ПМанс **nāmz* [Honti 1982] < ПУ **nime*;

9) пелым. (*Мы* 'земля' [Словцов 1905: 12])¹³ / (*Тóшемь*)-мэ 'мель' [Словцов 1905: 18] vs. об. *njarmá* 'проталина' (букв. 'голая земля'), юконд. *mā* 'земля', сосьв. *mā* 'земля' < ПМанс **mī* [Живлов 2006] < ПУ **maue*;

юкондинский диалект	обской диалект	сосьвинский диалект
<i>ia</i>	<i>e</i>	<i>ḡ</i>

10) юконд. *nīā* 'женщина, самка животного' vs. об. *ne* 'женщина', сосьв. *nē* 'женщина' < ПМанс **nī* [Honti 1982] < ПУ **niñä*;

обской диалект	сосьвинский диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>a</i>	<i>ээ</i>

11) об. *kol* 'дом', сосьв. *кол* 'дом' vs. юконд. *kal'* 'дом' vs. пелым. *Кээль* 'дом' [Словцов 1905: 10] < ПМанс **kül* [Живлов 2006] < ПУ **külä*;

12) об. *kos* 'коготь', сосьв. *коскер* 'ноготь' vs. юконд. *k'ant's'* 'ноготь' < ПМанс **kūñš* [Honti 1982] < ПУ **kūñše*.

4. ПМанс **e* vs. **i*

Это чередование представлено, например, в словах: сосьв. *tē-*, *tēy-*, *tāj-* 'есть', *titt-* 'кормить' [Honti 1982: № 115].

пелымский диалект	обской диалект	юкондинский диалект	сосьвинский диалект
<i>i</i>	<i>ē</i>	<i>e</i>	<i>ḡ / ē</i>

1) пелым. *Игъ* 'ночь' [Словцов 1905: 18] vs. об. *éki* 'ночь', юконд. *je* 'ночь', сосьв. *эм* 'ночь' < ПМанс **jī* [Honti 1982] < ПУ **eje*;

2) пелым. *Ригъ* 'жарко' [Словцов 1905: 11] vs. сосьв. *pēg* 'жара'.

5. ПМанс **ā* vs. **a* vs. **o*

Это чередование представлено, например, в словах: КО *tāj-*, *tāj-* 'есть' [Honti 1982: № 115] и сосьв. *tāriy* 'журавль', *tāriyk_oe* 'любимый журавль' [Honti 1982: № 649].

обской диалект	сосьвинский диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>oa</i>

1) об. *jiv tāri* 'корень', сосьв. *māp* 'корень' vs. юконд. *t'or* 'корень' vs. пелым. *Тóаръ* 'корень' [Словцов 1905: 15] < ПМанс **tār* [Honti 1982] < ПУ **särV*;

юкондинский диалект	сосьвинский диалект	пелымский диалект
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>oa</i>

2) юконд. *χāt* 'шесть', сосьв. *xom* 'шесть' vs. пелым. *Коать* 'шесть' [Словцов 1905: 33] < ПМанс **kāt* [Honti 1982] < ПУ **kutte*;

¹³ Возможно, запись пелым. *Мы* ошибочна, т. к. не укладывается в систему соответствий, а на другой странице словаря представлено обозначение земли с регулярным соответствием гласного первого слога: (*Тóшемь*)-мэ 'мель' [Словцов 1905: 18].

обской диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>e</i>	<i>oa</i>	<i>a</i>

3) об. *téli* ‘зима’ vs. пелым. *Tóalʹ* ‘зима’ [Словцов 1905: 12], сосьв. *māl* < ПМанс **tāl* ~ **tīl* [Honti 1982] < ПУ **tālwa*.

Восьмая фонема?

Также еще есть девять лексем, рефлексy которых в одном из диалектов имеют *i* в первом слоге. Вероятно, часть этих слов — рефлексy какой-то особой прамансийской фонемы, но нельзя также исключать, что фонема *i* могла возникнуть в диалектах и как инновация. Представляется, что собранный нами материал в настоящее время не дает возможности ответить на этот вопрос. Необходимо провести дополнительные исследования и собрать в обском и юкондинском диалектах когнаты тех лексем, которые в сосьвинском диалекте имеют *i*. Есть вероятность, что обнаружится достаточно частотная рефлексация, которую и можно будет постулировать в качестве рефлексов этой восьмой фонемы. С другой стороны, интересно, что в материалах Л. Хонти [Honti 1982] для рассматриваемых слов вообще не отмечены особые *i*-образные рефлексy, поэтому нельзя исключить их более позднее, инновационное и изолированное происхождение в отдельных диалектах.

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>i</i>	<i>o</i>	<i>i</i>	<i>u</i>

1) об. *k'iev'it* ‘моча’ vs. юконд. *χoewit'* ‘моча’, сосьв. *χuńś-* ‘мочиться’ [Honti 1982: № 297] < ПМанс **kūńś-* [Honti 1982] < ПУ **kūńśe* ~ **kuśe*;

2) юконд. *χom* ‘мужчина, самец’, пелым. *Кымь* ‘муж’ [Словцов 1905: 17], сосьв. *χум* ‘мужчина’ < ПУ **kojmV*;

обской диалект	юкондинский диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>i</i>	<i>e</i>		<i>i</i>

3) об. *s'is* ‘спина’, юконд. *ses* ‘спина’ vs. сосьв. *сыс* ‘спина’ < ПМанс **šiš* [Honti 1982] < ПУ **čānčā*;

юкондинский диалект	обской диалект	пелымский диалект	сосьвинский диалект
<i>o</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>i / ī</i>

4) юконд. *sopī* ‘шея’ vs. об. *sipłú* ‘воротник’, сосьв. *сыплув* ‘шея’ < ПУ **šepä*;

5) об. *sitr'i* ‘окунь’, пелым. *Сымра* ‘окунь’ [Словцов 1905: 20], сосьв. *сымри* ‘окунь’;

6) юконд. *p'oχ* (*p'ōχ*) ‘мальчик’, сосьв. *пыгрись* ‘мальчик’ < ПУ **pojka*;

пелымский диалект	обской диалект	сосьвинский диалект
<i>ə</i>	<i>i</i>	<i>i</i>

7) пелым. *Лэль* ‘дух’ [Словцов 1905: 9] vs. об. *lilī* ‘душа, дыхание’, сосьв. *лылы* ‘душа’ < ПМанс **lil*, **lāl* [Honti 1982] < ПУ **lewIV*;

пелымский диалект	юкондинский диалект	сосьвинский диалект
<i>i</i>	<i>e</i>	<i>ē</i>

8) пелым. *Лынь* ‘белка’ [Словцов 1905: 4] vs. юконд. *leуэн* ‘белка’, сосьв. *лэңын* ‘белка’ < ПМанс **līy* [Honti 1982];

обской диалект	юкондинский диалект
<i>u</i>	<i>i</i>

9) об. *pukni* ‘пупок’ vs. юконд. *pīχn* ‘пупок’.

Итак, в результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что прамансийская система, которая реконструирована нами на основании сравнения между четырьмя диалектами: сосьвинским, обским, юкондинским и пелымским, — принадлежащими трем группам (северной, восточной и западной), соотносится с системой, предложенной в работе [Honti 1982], следующим образом (Табл. 6).

Таблица 6

ПМанс *a	ПМанс *ā, *ǎ, *ī, (*ü) [Honti 1982]
ПМанс *ā	ПМанс *ā, (*ī) [Honti 1982]
ПМанс *i	ПМанс *ī, *ī [Honti 1982]
ПМанс *o	ПМанс *ǎ, *ā, *ǎ [Honti 1982]
ПМанс *u	ПМанс *ū, *ü [Honti 1982]
ПМанс *e	ПМанс *ī [Honti 1982]
ПМанс *e	ПМанс *ī, *ǎ, *ü [Honti 1982]

Становится ясно, что некоторые наши фонемы (*ā, *u, *e, *i) соотносятся с реконструкцией Л. Хонти довольно точно — с поправкой на отсутствие долгих гласных в нашей системе. Однако ПМанс *a и *o соответствуют четырем разным фонемам каждая, а ПМанс *e — трем в [Honti 1982]. Наоборот, ПМанс *ī и *ā [Honti 1982] соответствуют двум разным фонемам в нашей реконструкции каждая.

Далее мы сделали попытку проанализировать, как соотносится наша система фонем с прафинно-угорской реконструкцией в [UEW] (Табл. 7).

Таблица 7

ПФУ	Прамансийский
*a	*a, *ā, *u, *o, (*e)
*o	*a, *ā, *u, *o
*u	*u, *o
*i	*a, *ā, *i
*e	*a, *ā, *i, *e
*ā	*a, *ā, *i, *e
*ü	*a, *e

Эти ряды, на наш взгляд, напоминают систему прафинно-угорско-хантыйских соответствий, см. подробнее [Норманская 2014] (Табл. 8).

Таблица 8

ПФУ	Протохантыйский	
*a	*aa (*ii — I-умлаут; *ui — U-умлаут)	*a (*i — I-умлаут)
*o	*aa (*ii — I-умлаут; *ui — U-умлаут)	*a (*i — I-умлаут)
*u	*oo (*ui — U-умлаут)	*a (*i — I-умлаут; *u — U-умлаут)
*ā	*āā (*ii — I-умлаут; *üü — U-умлаут)	*ā (*i — I-умлаут; *ü — U-умлаут)
*e	*āā (? *ii — I-умлаут)	*ā (*i — I-умлаут; ? *ü — U-умлаут)
*i	*ii — I-умлаут от *āā	*ā (*i — I-умлаут)
*ü	—	*ā (*i — I-умлаут; *ü — U-умлаут)

Соответственно, и предполагаемую прафинно-угорско-мансийскую систему можно представить схожим образом (Табл. 9).

Таблица 9

ПФУ	Прамансийский	
*a	*a (*o — O-умлаут; *u — U-умлаут)	*ā
*o	*a (*o — O-умлаут; *u — U-умлаут)	*ā
*u	o (*u — U-умлаут)	—
*ä	*a (*e — O-умлаут; *i — U-умлаут)	*ā
*e	*a (*e — O-умлаут; *i — U-умлаут)	*ā
*i	*a (*i — U-умлаут)	*ā
*ï	*a (*e — O-умлаут)	—

Можно предположить, что в протохантыйском и протомансийском языках¹⁴ действовали схожие процессы умлаута. Однако материал показывает, что они действовали уже после разделения хантыйского и мансийского языков, поскольку если бы умлаут действовал в праобско-угорском языке, то в рефлексах одной и той же лексемы в хантыйском и мансийском наблюдался бы U-умлаут, но это не так: есть примеры, когда в прахантыйском языке представлен рефлекс нейтральной гласной, а в прамансийском — гласной после воздействия U-умлаута. Видимо, именно поэтому сравнение систем хантыйского и мансийского вокализма между собой столь непродуктивно. Между ними есть только такая корреляция: гласные заднего ряда в хантыйском языке соответствуют гласным заднего ряда в мансийском и являются рефлексами прафинно-угорских гласных заднего ряда; гласные переднего ряда в хантыйском языке соответствуют мансийским гласным переднего ряда и ПМанс *a, *ā и являются рефлексами передних прафинно-угорских гласных.

Конечно, следует отметить, что эта работа не является последней точкой в прамансийской реконструкции вокализма. Необходимо собрать больше материала по юкондинскому (восточному) диалекту, который значительно отличается от хорошо зафиксированного сосьвинского (северного). Особенно важно это сделать в связи с тем, что западных и южных мансийских диалектов уже нет, а из всех восточных диалектов остался только юкондинский, которым владеет всего один носитель. Привлечение нового полевого материала позволит увеличить количество сравнений, которые могут указать на необходимость реконструкции новых фонем.

Сокращения

Языки и диалекты

манс. — мансийский

К — кондинские диалекты

КМ — среднекондинский диалект

КО — верхнекондинский диалект

KU — нижнекондинский диалект

¹⁴ Здесь речь идет о протохантыйском и протомансийском языках, в которых была система гласных первого слога, еще не подвергшаяся влиянию аблаута. Восстановить эти идиомы на основании сравнения хантыйских и мансийских диалектов в настоящее время невозможно. Предположение об их существовании строится на основании материалов сравнения обско-угорских диалектов с данными других финно-угорских языков. Наоборот, прахантыйский и прамансийский языки восстанавливаются на основании сравнения современных обско-угорских диалектов.

- LM — среднелозьвинский диалект
 LO — верхнелозьвинский диалект
 LU — нижнелозьвинский диалект
 N — северномансийский диалект
 P — пелымский диалект
 So — сосьвинский диалект
 T — тавдинский диалект
 TCh — говор д. Чандыри (ныне Тавдинский район Свердловской области)
 TJ — говор д. Янычкова (ныне Тавдинский район Свердловской области)
 VN — северновагильский диалект
 VNK — говор д. Кама
 VNZ — говор д. Заозерная
 VS — южновагильский диалект
 об. — обской (среднеобской) диалект
 пелым. — пелымский диалект
 сосьв. — сосьвинский диалект
 юконд. — юкондинский диалект
 ПМанс — прамансийский
 ПУ — прауральский
 ПФУ — прафинно-угорский

Общие

букв. — буквально

V — любой гласный

Литература

- Живлов 2006 — *Живлов М. А.* Реконструкция праобско-угорского вокализма. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. {*Zhivlov M. A. A Reconstruction of the Proto-Ob-Ugric Vocalism. Ph.D. Thesis. M., 2006.*}
- Кузакова 1963 — *Кузакова Е. А.* Южно-мансийский (кондинский) диалект (в сопоставлении с северомансийским диалектом). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1963. {*Kuzakova E. A. Southern Mansi (Kondin) Dialect (in Comparison with Northern Mansi Dialect). Author's abstract of Ph.D. thesis. L., 1963.*}
- Норманская 2014 — *Норманская Ю. В.* Происхождение системы хантыйского вокализма // Урало-алтайские исследования. 2014, 3 (14). С. 59—67. {*Normanskaja Ju. V. Origin of the Khanty Vocalism System // Ural-Altaic Studies. 2014, 3 (14). P. 59—67.*}
- Норманская 2015 — *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. Ч. I. Обской диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015, 2 (17). С. 51—66. {*Normanskaja Ju. V. System of differently placed stress in Mansi verb and its external correspondences. Part I. Ob dialect of the Mansi language // Ural-Altaic Studies. 2015, 2 (17). P. 51—66.*}
- Норманская, Дыбо 2010 — *Норманская Ю. В., Дыбо А. В.* Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках. М., 2010. {*Normanskaja Ju. V., Dybo A. V. Thesaurus: Vocabulary of the natural environment in Ural languages. M., 2010.*}
- Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык: Фонетика. Морфология. Словообразование. М., 1973. {*Rombandeeva E. I. Mansi (Vogul) language: Phonetics. Morphology. Word formation. M., 1973.*}
- Ромбандеева, Кузакова 1982 — *Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А.* Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1982. {*Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A. Mansi-Russian and Russian-Mansi dictionaries. Elementary school textbook. L., 1982.*}
- Сайнахова 2012 — *Сайнахова А. И.* Диалектология мансийского языка. Учебное пособие. Ханты-Мансийск, 2012. {*Sajnahova A. I. Dialectology of the Mansi language. A learning guide. Hanty-Mansijsk, 2012.*}
- Словцов 1905 — Опыт русско-вогульского словаря и переводов на вогульский язык / Сост. свящ. Верхнепелымского (Спасского) прихода о. Константин (Словцов). Тобольск, 1905. {*An attempt of a Russian-Vogul dictionary and translations to the Vogul language / Compiled by the priest of Verhnepelymskij (Spasskij) parish father Konstantin (Slovtsov). Tobolsk, 1905.*}
- Helimski 2001 — *Helimski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // Fremd und Eigen: Untersuchung zur Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen. In memorium Harmut Katz. Wien, 2001. S. 55—76.

- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Kannisto 1919 — *Kannisto A.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt. Helsinki, 1919. (= Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 46.)
- Kannisto 1982 — Wogulische Volksdichtung. Bd. VII. Wörterverzeichnis / Gesammelt und übersetzt von *Kannisto A.* Bearb. von *Liimola M., Eiras V.* Hrsg. *Eiras V.* Helsinki, 1982. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 180.)
- Munkácsi, Kálmán 1986 — Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Steinitz 1938 — *Steinitz W.* Der Vokalismus des Sosva-Wogulischen. Tartu, 1938. (= Annales Litterarum Societatis Estonicae, I.)
- Steinitz 1955 — *Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются новые полевые и архивные данные по трем группам мансийских диалектов: северной, западной и восточной. На основе их сравнения и анализа в специальной фонетической программе реконструируется система прамансийских фонем, значительно отличающаяся от предшествующих реконструкций.

SUMMARY

The new field and archive data on three groups of the Mansi dialects (Northern, Western and Eastern) are analysed in the article. On the basis of comparing these data and analysis them in the phonetic program the Proto-Mansi vowel system is reconstructed and it differs from the previous ones.

Ключевые слова: мансийский язык, обской (среднеобской) диалект, юкондинский диалект, пельымский диалект, фонетика, реконструкция вокализма

Keywords: Mansi, the Ob dialect, the Yukonda dialect, the Pelym dialect, phonetics, reconstruction of vowel system

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); julianor@mail.ru

Эссив, латив и пролатив: «ЛОКАТИВНЫЙ» ПАДЕЖ В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Введение

В большинстве тунгусо-маньчжурских языков есть т. н. «местный» падеж, или **локатив**, **-la*¹. В отличие от других пространственных падежей², а) он, как правило, совмещает сразу несколько пространственных функций; б) набор его функций не вполне тривиален и варьирует по языкам; в) для него характерно не иметь «собственной» специализированной функции: в большинстве или во всех основных употреблениях он конкурирует с одним или несколькими другими пространственными падежами.

Локатив может кодировать следующие пространственные семантические роли: 1) роль **Места** (*где?*; далее **эссивная** функция локатива), 2) роль **Цели** (*куда?*; **лативная** функция) и 3) роль **Пути** (*по чему? через что?*; **пролативная** функция).

Поскольку в разных языках эти значения представлены в разных комбинациях, интересно выяснить, как устроены диахронические и семантические связи между ними: каково исходное значение локатива, какие значения и каким образом развиваются позже. Все значения, зафиксированные у тунгусо-маньчжурского локатива, могут встречаться в языках мира попарно, синхронно совмещаясь в одном показателе: Место+Цель (см., например, [Cresseils 2006: 22]; [Noonan 2008: 269—270]; [Pantcheva 2010: 1043—1047]), Место+Путь, Цель+Путь (см. [Ганенков 2002: 42—46]). Более того, в разных языках для одной и той же из перечисленных комбинаций направление семантического развития может быть разным. Таким образом, общих типологических предпосылок, заставляющих априори предположить какой-то из диахронических сценариев в качестве наиболее вероятного для тунгусо-маньчжурского локатива, как кажется, нет. «Внутренние» же данные тунгусо-маньчжурских языков, если они позволят это сделать, наоборот, оказываются полезны в более широком — типологическом и теоретическом — контексте семантической эволюции пространственных показателей.

Особенно интересна с этой точки зрения пролативная функция локатива. Реже оформляемая в языках мира морфологически, семантическая роль Пути в целом — и в частности с точки зрения семантической эволюции соответствующих показателей — исследована значительно менее, чем «ключевые» пространственные роли Места и Цели.

В работе будет дан краткий обзор функций локатива в тунгусских языках и выдвинута гипотеза о диахроническом сценарии семантического развития этого показателя. Подробно будет разобран материал нанайского языка. Достойным более пристального внимания он кажется потому, что, во-первых, в нанайском языке в том или ином виде представлены все три типа основных употреблений локатива, во-вторых, центральной оказывается в нем пролативная функция, упомянутая выше как представляющая наибольший интерес в более широком теоретическом контексте. Данные нанайского языка позволяют проследить процесс семантического развития локативного падежа «на микроуровне» и, в частности, дополнить предлагаемый диахронический сценарий предположениями о том, какие именно семантические особенности исходных его употреблений позволяют развиваться позднейшим.

1. Локативный падеж в тунгусо-маньчжурских языках

В качестве падежной флексии показатель *-la* (**-lā*) представлен во всех тунгусских языках, в маньчжурских — только в застывших формах нескольких пространственных наречий, см. [Цинциус 1948: 524], [Benzing 1955: 84], [Суник 1983: 210—225]. Как сказано выше, основные употребления локативного падежа составляют лативное (Цель движения), эссивное (Место) и пролативное (Путь), представленные в разных языках в разных комбинациях. Ниже приведена таблица с данными по набору употреблений локатива в конкретных языках (данные взяты из соответствующих грамматических описаний, ссылка приводится в таблице в квадратных скобках).

¹ Так мы и будем условно называть его далее применительно ко всем языкам, хотя это название не всегда кажется оптимальным.

² Об инвентаре и функциях пространственных падежей в тунгусо-маньчжурских языках см., например, в [Суник 1982: 210—224].

Таблица 1

Функции локатива в тунгусо-маньчжурских языках

	лативная (ЦЕЛЬ)	эссивная (МЕСТО)	пролативная (ПУТЬ)
негидальский [Цинциус 1982: 20, 27]	+	–	–
эвенкийский [Bulatova, Grenoble 1999: 10]	+	–	–
эвенский [Malchukov 1995: 9—10]	+	+	–
удэгейский [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 124—125]	+	+	–
орокский [Петрова 1967: 41—42, 48]	+	+	+
нанайский [Аврорин 1959: 181—182]	+	(+)	+
письменный маньчжурский [Аврорин 2000]	*	*	*

Если сопоставить эти данные с генетической классификацией тунгусо-маньчжурских языков, картина будет выглядеть следующим образом:

Схема 1

Генетическая классификация ТМЯ и употребления локатива

северные:

эвенкийский, негидальский: ЦЕЛЬ

эвенский: = МЕСТО+ЦЕЛЬ

южные:

удэгейский: = МЕСТО+ЦЕЛЬ

орокский, нанайский: МЕСТО+ЦЕЛЬ+ПУТЬ

орокский: МЕСТО+ЦЕЛЬ+ПУТЬ

нанайский: ((МЕСТО))+ЦЕЛЬ)+ПУТЬ

маньчжурские: локатив отсутствует

Такая картина дает следующий логически наиболее правдоподобный диахронический сценарий. Для прототунгусо-маньчжурского этапа точный набор значений локатива не реконструируется. Для прототунгусского состояния у локатива фиксируется сразу два исходных значения — эссивное и лативное (так как они присутствуют в этой комбинации в языках как северной, так и южной группы), установить, какое из них первично, не удастся.

Примечание. В [Новикова 1960: 226—227] (на материале эвенского языка) указывается на связь соответствующего падежного показателя с номинализатором *-la* со значением ‘место действия’ и реконструируется существительное **la* со значением ‘место’, от которого гипотетически происходят оба показателя. Такая гипотеза (оставаясь при этом не более чем гипотезой) заставляет считать исходным эссивное значение локатива.

Далее в языках северной группы либо сохраняется исходная комбинация (эвенский), либо утрачивается эссивное значение локатива (эвенкийский, негидальский). В языках южной группы также либо сохраняется исходная комбинация (удэгейский), либо к ней добавляется значение пролатива (из какого именно из исходных значений в рамках такого сценария, соответственно, непонятно):

— стадия 1: МЕСТО+ЦЕЛЬ (исходные значения локатива);

— стадия 2: ПУТЬ (более позднее значение локатива).

Примечание. Генетическая классификация тунгусо-маньчжурских языков проблематична сама по себе (ср. дискуссию в [Цинциус 1949: 7—35], [Василевич 1960], [Doerfer 1978], [Vovin 1993], [Whaley et al. 1999], [Georg 2004] и др.). Тем не менее, единство маньчжурской, северной и южной групп, а также, что в данном случае важно, более тесные связи между эвенкийским и негидальским, с одной стороны, и нанайским и орокским, с другой, так или иначе признается в большинстве работ.

Далее мы подробно рассмотрим данные нанайского языка с точки зрения того, 1) насколько они укладываются в предложенный сценарий; 2) как в нем реализуется стадия 2 — развитие пролативного значения; 3) можно ли установить, с каким из предположительно исходных значений локативного падежа пролативное значение связано теснее; 4) каков семантический механизм развития пролативного значения.

Как было сказано выше, в эссивной и лативной функциях локативный падеж, как правило, конкурирует с основными показателями соответствующих семантических ролей — специализированным эссивом/«дативом» и специализированным лативным («директивным») падежом.

Что касается эссивной функции, то тут разграничение со специализированным падежом проходит по-разному в разных языках, отчетливого единства в этой области на первый взгляд не наблюдается. Например, для орокского в [Петрова 1967: 48] оно описывается в терминах «местоположения объекта» (эссив) vs. «места распространения действия» (локатив). В удэгейском употребление эссива vs. локатива отчасти идиосинкратично распределено по существительным, отчасти отражает противопоставление по локализации (локализация IN — скорее эссив, локализация ON — скорее локатив), также в [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 125] описывается любопытное частное различие для существительного *zugdi* ‘дом’: при глаголе ‘жить’ оформление его локативом предполагает значение ‘жить у кого-то, в чужом доме’ (тем же падежом оформляются имена лиц, в значении ‘у кого-то, в чьем-то доме’). Для эвенского в [Malchukov 1995: 10] отмечается противопоставление по контролируемости: так, при глаголе ‘стоять’ Место будет оформлено эссивом, если стоит *человек* (контролирующий ситуацию местонахождения), если же субъект неволитивный, *стол*, то возможен будет только локатив.

Для лативной функции картина куда более однородна и ясна. В [Петрова 1967: 48] для орокского приводятся контрастивные контексты типа *бросить в грудь* — латив, *колоть в грудь* — локатив. В [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 125] для удэгейского различие формулируется как ‘движение в сторону X’ — латив, ‘движение внутрь X’ — локатив. В [Цинциус 1982: 27] перечисляются «падежные вопросы» *к кому / чему* для латива и *в кого / что, на кого / что, до кого / чего* для локатива в негидальском. В [Bulatova, Grenoble 1999: 10] говорится о значениях «направления движения» для латива vs. «конечной цели движения» для локатива в эвенкийском (в статье [Grenoble 2013] то же противопоставление описывается в признаковых терминах {+Goal, +Specified}, {-Goal, -Specified}). В [Malchukov 1995: 10] отмечаются лексические ограничения на употребление локатива в лативной функции: только при некоторых предельных глаголах, как правило т. н. goal-oriented. То есть в целом применительно к тунгусским языкам можно сказать, что различие в употреблении специализированного направительного падежа и локатива касается наличия / отсутствия **контакта** между Траектором и Целью, противопоставление, описываемое иногда в терминах **ориентатива** ((ад)версатива) vs. **терминатива** (лимитатива), ср. [Haspelmath 2008: 515]. Если специализированный падеж тяготеет к тому, чтобы выражать, скорее, «ориентативное» значение ‘движение в сторону X’, то локатив — к тому, чтобы маркировать ситуации, предполагающие последующий **контакт** с Ориентиром, — ‘двигаться в сторону X и достигнуть его’. Семантический компонент контакта между Траектором и Ориентиром будет ниже неоднократно упоминаться в разных контекстах применительно к нанайскому материалу.

2. Локатив в нанайском языке: общие сведения

В нанайском языке локативный падеж (*-la* при основе на гласный, *-dola* при основе на согласный, с сингармонирующими вариантами *-lə / -dulə*) имеет все три из упоминавшихся выше употреблений: эссивное, лативное и пролативное. При этом статус этих употреблений очень разный.

1) Эссивное употребление

Этот тип употреблений в нанайском языке (в отличие от некоторых других тунгусо-маньчжурских, см. выше) представлен рудиментарно. Роль Места кодируется локативом со значительными лексическими ограничениями. В этой функции локатив выступает а) при послелогох, (1)—(2), б) при «пространственных именах», особом подклассе существительных с локативной семантикой (3).

(1) а. *dərə oja-la-ni* (стол на-LOC-3SG) — ‘на столе’

б. *dərə oja-če-a-ni* (стол на-LAT-OBL-3SG) — ‘на стол’

(2) а. *dərə pəgiə-lə-ni* (стол под-LOC-3SG) — ‘под столом’

б. *dərə pəgiə-či-ə-ni* (стол под-LAT-OBL-3SG) — ‘под стол’

(3) *boa-la* ‘на улице’, *waja-la* ‘на берегу’, *dua-lə* ‘в тайге’ и нек. др. (см. список в [Аврорин 1959: 201])

Оба класса слов закрытые и в целом обладают редуцированным набором (используемых) падежных форм, слова обоих классов очень частотны. То есть такие употребления можно считать «застывшими» или близкими к таковым. В [Аврорин 1961: 201] *-la* в эссивной функции рассматривается как словообразовательный показатель, на синхронном уровне не тождественный падежному показателю *-la*, оформляющему обычные существительные, а соответствующие образования с ним — отдельными, «наречными» лексемами. Для обычных существительных эссивная интерпретация локатива невозможна: роль Место при них выражается показателем *-do*, совмещающим функции эссива и датива (ср. *žog-do* ‘в доме’). Далее эссивное употребление локатива подробно рассматриваться не будет.

2) Лативное употребление

Употребление локатива как показателя Цели в нанайском языке также очень ограничено. Так, оно возможно для аргумента глагола *ese-* ‘достигать, добираться до’ (4), но, например, не глагола *ži-* ‘приходить’.

- (4) *mərgən=təni goj exon-dola ese-xa-n'*
 мерген=же другой село-LOC добираться-PST-3SG
 ‘Мэргэн дошел до другого селения’³.

Основной показатель лативного значения — падежный маркер *-ci*, а за пределами падежной системы также конструкция с послелогом *bāroni*. Об этом типе употреблений см. подробно в п. 5.1.

3) Пролативное употребление

Маркировать роль Пути — основная функция локатива в нанайском. В этом употреблении, в отличие от прочих двух, он не имеет конкурентов в падежной системе: в нанайском языке нет когнатов специализированных пролативных маркеров *-ki* и *-li*, зафиксированных в других тунгусо-маньчжурских⁴. Это, видимо, и обеспечивает локативу экспансию пролативного значения, нехарактерного для него в большинстве тунгусо-маньчжурских языков.

Функции локативного падежа в нанайском языке с той или иной степенью подробности перечисляются в грамматике [Аврорин 1959: 181—182], в монографии по синтаксису нанайского языка [Аврорин 1981: 173—181] и в краткой специальной статье [Киле 1981].

Рассмотренная вкратце картина употреблений падежа на *-la* в нанайском языке заставляет задаться следующими вопросами. Какие именно разновидности пролативного значения способна или не способна выражать эта падежная форма? Можно ли, исходя из этого, установить, с каким из типов «общетунгусских» значений локатива — эссивного или лативного — оно семантически и диахронически связано? Могут ли эти данные расширить типологические представления о семантической эволюции пролативных показателей в целом?

3. Семантическая зона пролатива в нанайском языке: локатив и другие средства выражения

3.1. Возможности употребления локатива и конкуренция с другими показателями в разных пролативных контекстах

Ниже последовательно рассматриваются отдельные пролативные контексты, выбранные на основе типологической классификации семантической зоны пролатива из работы [Ганенков 2002]. Для каждого указано, может ли в этом контексте употребляться падеж на *-la* и есть ли другие средства, употребляемые наряду с ним.

Представленные ниже данные получены преимущественно путем элицитации от четырех носителей найхинского говора и двух носителей горинского говора нанайского языка (существенных различий по говорам в этой области не наблюдается).

1) Маршрут

В контекстах Маршрута типа *идти по дороге, плыть по реке* локатив употребляется. В этой функции наряду с ним возможен также аккузатив *-wa*⁵.

- (5) *Arčokan pokto-la / ^{OK}pokto-wa ənə-j-ni*
 девочка дорога-LOC / дорога-ACC идти-NPST-3SG
 ‘Девочка идет по дороге’ (элицит.).

³ Примеры здесь и далее (если не указано обратное) — из текстов, собранных С. Оскольской, К. Крапивиной и автором в 2009, 2011, 2012 гг., Хабаровский край.

⁴ Специализированный пролативный падеж *-ki* отмечен в южных тунгусских языках (орокском, ульском), *-li* — в северных и в удэгейском.

⁵ В этом контексте, видимо, следует, таким образом, рассматривать глаголы движения как «слабопереходные». На то, что аккузатив маркирует в данном случае именно объектную позицию, указывает тот факт, что наряду с аккузативом возможно и неоформленное имя, т. е. этот контекст вписывается в круг контекстов, для которых наблюдается явление differential object marking, в целом характерное для нанайского языка.

- (6) *pokto-la-si ži-ži-ni, simbi-ə wā-go-j ta-j-ni*
 дорога-LOC-2SG приходить-NPST-3SG 2SG.ACC-ACC убить-DEST-REFL.SG делать-NPST-3SG
 ‘По твоим следам (букв. по твоей дороге) идут (люди), хотят тебя убить!’

В большинстве случаев локатив и аккузатив в этой функции свободно варьируют. Некоторые конкретные контексты тяготеют скорее к одному из них. В некоторых контекстах между локативом и аккузативом фиксируется слабое семантическое различие. Его можно сформулировать следующим образом. Для локатива в фокусе внимания оказывается собственно пространственное значение ‘покрытия поверхности’. Для аккузатива — в большей степени непространственное значение ‘выбора пути’. Как кажется, этим объясняется разница в следующих примерах:

- (7) *Təj pokto-wa / ???pokto-la ənə-j-ni*
 тот дорога-ACC / дорога-LOC идти-NPST-3SG
 ‘Она идет по той дороге (а не по этой)’ (элицит.) {комментарий: = из двух она выбрала ту дорогу}.
- (8) *Duəntə-lə / duəntə-wə žog-či ənə-xə-ni*
 лес-LOC / лес-ACC дом-LAT идти-PST-3SG
 ‘Она пошла домой через лес’ (элицит.) {комментарий: *duəntə-lə* (локатив) — ‘все время будет идти по лесу’ / *duəntə-wə* (аккузатив) — ‘лес — возможно, только один (заметный, узнаваемый) из этапов пути’}.

Та же разница видна в следующей паре примеров: *pokto-la* в (9) — ‘поверхность дороги’, *pokto-wa* в (10) — абстрактное ‘путь’:

- (9) *Vuə ərkian pokto-la / *-wa ənə-j-pu*
 мы плохой дорога-LOC/-ACC идти-NPST-1PL
 ‘Мы идем по плохой (разбитой, неровной) дороге’ (элицит.) — локатив.
- (10) *Vuə maŋga pokto-wa / *-la ənə-xə-pu*
 мы трудный дорога-ACC/-LOC идти-PST-1PL
 ‘Мы проделали трудный путь’ (элицит.) — аккузатив.

С этим же различием можно связать тот факт, что локатив, а не аккузатив предпочитается носителями в менее конвенционализированных контекстах (не таких как *po doroge*, *po reke*), ср.:

- (11) *Kəksə gujčə-lə ənə-j-ni*
 кошка крыша-LOC идти-NPST-3SG
 ‘Кошка идет по крыше’ (элицит.).
- (12) *Kolan koŋsa-la ənə-j-ni*
 червяк корзина-LOC идти-NPST-3SG
 ‘Червяк ползет по корзине’ (‘элицит.).

2) Проход

Локатив также оформляет разные типы ориентиров-проходов. В частности, а) «промежуточные пространства»:

- (13) *Siŋərə žog-či takto-la ī-xə-ni*
 мышь дом-LAT амбар-LOC войти-PST-3SG
 ‘Мышь пролезла в дом через амбар’ (элицит.).

б) вытянутые «соединяющие» объекты типа труб, лестниц, мостов:

- (14) *əm soleka=tani <...> kolan-dola-ni niə-gu-xə-ni*
 один лиса=же <...> труба-LOC-3SG выходить-REP-PST-3SG
 ‘Одна лисичка <...> через трубу вылезла’.
- (15) *Naonžokan tokkon-dola gujčə oja-če-a-ni tō-xə-ni*
 мальчик лестница-LOC крыша поверхность-LAT-OBL-3SG подняться-PST-3SG
 ‘Мальчик влез на крышу по лестнице’ (элицит.).

в) отверстия:

(16) *Sijərə dal'an sajar-dola-ni ī-xə-ni*
мышь мешок дыра-LOC-3SG войти-PST-3SG
'Мышь залезла в мешок через дырку (букв.: через дырку мешка)' (элицит.).

(17) *Gə təj pāwa-la icə-ži-ni=go*
вот тот окно-LOC смотреть-NPST-3SG=PART
'Вот, он смотрит в (= через) это окно'.

В функции Проход локатив иногда также может сопровождаться пролативным наречием *luŋktu* 'насквозь'. В частности, такой способ выражения предпочтителен в случае г) движения сквозь субстанцию, которую тоже можно отнести к разновидностям функции Проход.

(18) *Siun garpa-ni taoxa-la luŋktu ī-ri-ni*
солнце свет-3SG стекло-LOC сквозь входит-NPST-3SG
'Солнечный свет проходит через стекло' (элицит.).

В том же контексте в сопровождении того же наречия может употребляться также аккузатив. Некоторыми носителями вариант с аккузативом указывался как предпочтительный.

Круг употреблений наречия *luŋktu* не проверялся последовательно, однако предварительные данные обнаруживают следующую тенденцию:

Таблица 2

Одиночный локатив vs. локатив в контексте наречия *luŋktu*

тип Ориентира	локатив	локатив + <i>luŋktu</i>
маршрут	ОК	
проход-труба	ОК	?? (отвергается носителями и не обнаружено в текстах)
проход-отверстие	ОК	?ОК (обнаруживается в текстах, (19), но признается не всеми носителями)
проход-среда	?? (отвергается носителями)	ОК

(19) *Əugə-i žara-go-ra, pāwa-la luŋktu pagžeala-go-xa-ni*
клещи-REFL.SG брат-REP-CVBNSIM окно-LOC насквозь побегать-REP-PST-3SG
'Взял свои клещи и убежал через окошко' (тексты [Аврорин 1986: 23]).

Чистый локатив тяготеет к тем контекстам типа Проход, которые ближе к Маршруту, т. е. предполагающие длительное соприкосновение Траектора с Ориентиром (*через/по трубе*), акцентируется движение по ориентиру. Наречие *luŋktu* — к тем, где ситуация может быть осмыслена как пересечение Ориентира, а не движение по нему.

Есть еще два контекста, примыкающих к типу Проход:

г) с ориентиром-множеством (значение 'пройти между, среди'), в этом контексте локатив возможен:

(20) *Sijərə <...> nai bəgži-lə-ni ī-xə-ni*
крыса <...> человек нога-LOC-3SG входит-PST-3SG
'Крыса прошмыгнула между ног людей' (тексты [Аврорин 1986: 85]).

(21) *Samal'ot təwəksə-lə ənə-j-ni*
самолет облако-LOC идти-NPST-3SG
'Самолет летит в облаках (в окружении облаков)' (элицит.) {комментарий: *təwəksə-lə luŋktu* — 'сквозь облако'}.

д) промежуточный пункт ('via X'):

(22) *Mara Harpečan-doki хотон-či Kondon-dola ənə-j-ni*
старик Харпичан-ELAT город-LAT Кондон-LOC идти-NPST-3SG
'Старик едет из Харпичана в город через Кондон' (элицит.).

Подобные примеры признаются, впрочем, не всеми носителями (в качестве альтернативы предлагается описательная глагольная конструкция *приехав в X, едет в Y*) и, возможно, являются калькой с русского (*через*).

3) Сцена

В контекстах Сцены ('двигаться в разные стороны, туда-сюда внутри пространства', типа *бродить по лесу, плавать по озеру*) преимущественно используется не локатив, а аккумулятив или эссив, ср. (23):

- (23) *Amoan-du gasa-sal pao-re-či*
озеро-ESS утка-PL плавать-NPST-3PL
'По озеру плавают утки' (элицит.).

Локатив предпочитается им, только если контекст можно интерпретировать и как Сцену, и как Маршрут: например, когда ориентир — вытянутый объект, как в (24):

- (24) *Geasa-la / ?geasa-do kəksə pulsi-j-ni*
забор-LOC / забор-ESS кошка гулять-NPST-3SG
'Кошка ходит по забору' (элицит.).

С большей легкостью контексты Сцены или близкие к ним оформляются локативом, если речь идет о поверхности Ориентира: ср. разницу в употреблении локатива и эссива, отмечаемую информантами для Ориентиров-помещений и вместилищ (для которых дефолтной является локализация IN):

- (25) *Sijərə-səl takto-do tutu-əči-i-či*
мышь-PL амбар-ESS бежать-IPFV-NPST-3PL
'По амбару бегают мыши' (элицит.) — нейтральная интерпретация: 'внутри амбара'.

- (26) *Sijərə-səl takto-la tutu-əči-i-či*
мышь-PL амбар-LOC бежать-IPFV-NPST-3PL
'По амбару бегают мыши' (элицит.) — наиболее естественная интерпретация: 'по стенам амбара'.

Рассмотрим также значения, непосредственно примыкающие к пролативной зоне и типологически способные оформляться пролативными маркерами.

4) Преграда

В контекстах типа 'пересечь X' выступает обычно специализированный глагол (*dao-*, *dale-*, *xuəli-* 'пересекать'), требующий при себе аккумулятива:

- (27) *Arčokan pokto-wa / *pokto-la dale-xa-ni*
девочка дорога-ACC / *дорога-LOC пересечь-PST-3SG
'Девочка перешла дорогу' (элицит.).

- (28) *ča-a taja-ži=tani təj enda-ži=tani xaj əj Xungari bāro-ni dao-xa-ni*
этот-ACC противоположная.сторона-ELAT=же тот собака-INS=же что этот Хунгари к-3SG перейти-PST-3SG
'Перешел ее (реку) на собаках с противоположной стороны в сторону Хунгари'.

Лексически нейтральному глаголу движения валентность Преграды, также оформляемую аккумулятивом, добавляет наречие *xuəl* (локализация при этом может быть разной, ср. (29) и (30)).

- (29) *Moren geasa-wa xuəl pijku-gu-xə-ni*
лошадь забор-ACC через прыгать-REP-PST-3SG
'Лошадь перепрыгнула через забор (= сверху)' (словарь [Оненко 1980: 485]).

- (30) *buə jarako-kam-po-a xuəl-xuəl-xuəl-xuəl pijku-j-č=goan'a*
мы сеть-DIM-1PL-ACC через-через-через-через прыгать-NPST-3PL=PART
'Через нашу сеточку (= внутри) прыгают и прыгают'.

Локатив в подобных контекстах не употребляется.

5) Обочина

Роль Обочины ('двигаться вдоль X, сбоку от X, по обочине X') не выражается локативом, ее оформляют конструкции с пространственными именами / послелогоми разной степени грамматикализации (например, *keran* 'берег') или с наречием *jorgopči* (и винительным падежом).

Одна из разновидностей этого значения, однако, может оформляться локативом. Это значение 'мимо X':

- (31) *Samal'ot Buri-lə ənə-j-ni*
 самолет Хабаровск-LOC идти-NPST-3SG
 'Самолет пролетает Хабаровск (над Хабаровском)' (элицит.) {но не в значении: 'не заметить, пролететь мимо, не опустившись'}.

3.2. Локативный падеж как показатель пролатива: общая картина

Приведенные выше сведения по употреблением локатива для выражения роли Путь резюмируются в сводной *Таблице 3*.

Таблица 3

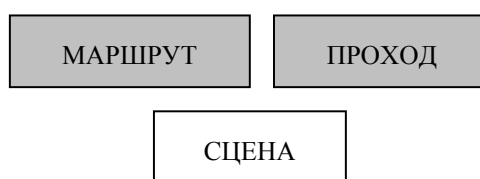
Оформление значений семантической зоны пролатива в нанайском языке

	подзначения	локатив	альтернативные средства
МАРШРУТ		+	аккузатив
ПРОХОД	собственно проход	+	
	отверстие	+	(локатив + наречие <i>luŋktu</i>)
	субстанция	(+)	локатив + наречие <i>luŋktu</i>
	множество ('между X-ами', 'среди X-ов')	+	
	промежуточный пункт ('via X')	?	перифрастическая глагольная конструкция
СЦЕНА		–	эссив, аккузатив
ПРЕГРАДА		–	специализированный глагол + аккузатив, аккузатив + наречие <i>xuəl</i>
ОБОЧИНА	обочина ('вдоль X')	–	послелого (букв.: <i>по краю X</i> и под.), наречие <i>jorgopči</i>
	'мимо X'	+	

Подводя итог, можно сказать, что локатив покрывает две из центральных разновидностей пролативной зоны — Маршрут (*идти по дороге*) и Проход (*пролезть через трубу*), но не Сцена (*гулять по лесу*), см. *Схему 2*. Причем для значения Проход во всех его разновидностях локатив является основным средством выражения, то есть это значение можно считать центральным для локатива. Для значения Маршрут с локативом конкурирует аккузатив.

Схема 2

Пролативные употребления нанайского локатива

Комбинация Маршрут+Проход кажется интересной в типологическом ракурсе. В [Ганенков 2002] как типологически стабильные приводятся комбинации значений Маршрут + Проход + Сцена, Маршрут + Сцена, Проход + Сцена, то есть все, кроме данной.

Семантическое объяснение этому типу полисемии можно дать через идею **контакта** Траектора с поверхностью Ориентира, общую для значений Маршрута и Прохода (и менее релевантную для значения Сцены).

Нанайские данные вполне вписываются в высказанное выше предположение о диахронической производности значения пролатива и свидетельствуют о том, что исходным для него является скорее лативное значение локатива, нежели эссивное. В пользу этого говорят несколько независимых фактов. Во-первых, эссивные употребления для нанайского языка отчетливо периферийны. Во-вторых, в числе пролативных употреблений локатива практически отсутствуют употребления из зоны Сцена, семантически максимально близкой к эсиву. В-третьих, ключевая для пролативных употреблений локатива идея контакта столь же важна, как мы видели выше, и для его лативных (но не эссивных) употреблений. Возможно, впрочем, более корректно говорить как о диахронически исходном о самом значении контакта и

возводить основные его употребления — лативное и пролативное (а возможно, и эссивное) — непосредственно к этому значению, не пытаясь с надежностью установить (уже более спорные) связи между ними самими.

4. Непространственные околопролативные употребления нанайского локатива

Непространственные употребления локатива формируют компактную группу. Это употребления как раз в тех контекстах, для которых достаточно прозрачна семантическая связь с **пролативным** значением и отмечается типологическая тенденция к выражению специализированными маркерами пролатива⁶. Некоторые из них в отдельности семантически и типологически близки также и к эсиву или лативу (т. е. а ргіогі для них нельзя постулировать связь именно с пролативной зоной). Однако, если взять список типологически характерных вторичных употреблений специализированных пролативных маркеров, выделенных в [Ганенков 2002], то окажется, что он более чем наполовину (9 функций из 15) покрывается нанайским локативом, а непространственные употребления нанайского локатива, в свою очередь, укладываются в него практически целиком.

Ниже приводится список употреблений из [Ганенков 2002] с соответствующим примером на нанайский локатив:

— Точка приложения (Часть) при динамических глаголах типа *ударить* (по спине):

- (32) *Bukun-dulə-ni čarče-la-xa-ni*
горб-LOC-3SG рубить-PFV-PST-3SG
'Ударила его топором по горбу' (тексты [Аврорин 1986: 94]).

- (33) ...*silpon-či oŋbo-la-i čul silpo-psin-ki-ni*
кол-LAT зад-LOC-REFL.SG как.раз втыкать-INCH-PST-3SG
'(Мэргэн) напоролся задом прямо на вертел' (тексты [Аврорин 1986: 91]).

— Точка приложения (Часть) при стативных глаголах типа *держат* (за руку):

- (34) *Marasan žara-ča-i-ni enda-wa xujgu-lə-ni*
Старик брать-RES-NPST-3SG собака-ACC хвост-LOC-3SG
'Старик держит собаку за хвост' (элицит.).

— Признак (*узнать по родимому пятну*):

- (35) ...*mi simbiə-wə bā-go-žam-bi xuktə-si kərməkə-lə-ni*
я ты.ACC-ACC найти-REP-FUT-1SG зуб-2SG обломок-LOC-3SG
'Я найду тебя по сломанному зубу!' (тексты [Аврорин 1986: 79]).

— Координатив (*делать по правилам*):

- (36) *žanŋ'an=tani tərək tərək gean-dola xesanŋ-se-o-ri-ə gəl-i-ni*
дянгян=же правильно правильно закон-LOC говорить-IPFV-IMP-ACC искать-NPST-3SG
'Дянгян правильно, по законам, должен говорить'.

— Уровень (*по поясу*):

- (37) *Muə maŋbo-du xujmu-lə bi-i*
вода река-ESS пупок-LOC быть-NPST
'Воды в реке по поясу (букв.: по пупок)' (элицит.).

- (38) *aži mase-la-go-pi, mərgəm-bə muə bāro-ni xawani-la kutu-či-i-ni*
калуга сильный-VBLZ-REP-CVBCOND.SG мэргэн-ACC вода к-3SG подмышка-LOC тащить-IPFV-NPST-3SG
'Калуга напрягла силы и затащила мэргэна в воду по груди (букв.: по подмышки)' (тексты [Аврорин 1986: 147]).

Примечание. Близкое к значению Уровня значение Стандарта выражается в контекстах типа *размером с X*. Они оформляются следующей конструкцией: X + прилагательное размера-*la*-посессивный маркер:

⁶ Инвентарь непространственных употреблений пролатива в языках мира см. в [Ганенков 2002]. Более детальные семантические интерпретации для некоторых из них см., например, на материале русских предлогов *через* и *сквозь* в [Плунгян, Рахилина 1996]; на материале латинского *per* — в [Brucalè, Mosciaro 2011].

(39) *žo dāi-la-ni žolo-ma kōri o-če-ni*
дом большой-la-3SG камень-ADJ кори стать-PST-3SG

‘Возникла каменная кори величиной с дом’ (тексты [Аврорин 1986: 97]).

В [Аврорин 1959: 116] этот показатель *-la* на синхронном уровне трактуется как субстантиватор (образующий от прилагательного размера существительное типа *величина*, *глубина* и под.). Можно, однако, предполагать для него хотя бы этимологическую связь с локативом *-la*.

— Внутренняя причина (*по болезни*):

(40) *gəə ča-la=tani tāj Aktanka=tani əgži piktə-gu-j bā-xa*
ну этот-LOC=же тот Актанко=же много ребёнок-DEST-REFL.SG находить-PST

‘Вот поэтому Актанки родили много детей’.

— Причина-оценка (*благодарить / хвалить / ругать за*):

(41) *Dāi aga agda-xa-ni, ulən uŋ-ki-ni sogdata bū-xən-dulə-ni*
большой брат радоваться-PST-3SG хорошо сказать-PST-3SG рыба дать-PST-LOC-3SG

‘Старший брат обрадовался, поблагодарил старика за рыбу (за то, что тот дал рыбу⁷)’ (элицит.).

— Посредник: роль собственно Посредника типа *передать через кого-то* локативом не выражается, но выражается метафорическая роль Посредника/Источника при передаче информации: *услышать по радио, научиться от родителей*:

(42) *Mī dolže-xam-bi mədə-wə radio-la*
я слышать-PST-1SG новость-ACC радио-LOC

‘Я услышала новость по радио’ (элицит.).

К значению Посредника близко также выражение *родиться (или произойти) от кого-л.* (= букв.: *родиться через кого-то*):

(43) *Possar, Aktanka, Bilydy, Gəjkər, Zaksor xala-sal əj tigər-səl-dul balže-xa-či*
Пассар Актанко Бельды Гейкер Заксор род-PL этот тигр-PL-LOC родиться-PST-3PL

‘Рода Пассар, Актанко, Бельды, Гейкер, Заксор произошли от тигров’.

— Обменный эквивалент (*дать / получить / попросить что-то за что-то* [но не *обменять что-то на что-то*]):

(44) *Mama sole-sal-či gələ-xə-ni, mənə ən'u-ji turin-dulə-ni...*
старуха лиса-PL-LAT просить-PST-3SG REFL котел-REFL.SG плата-LOC-3SG

‘Старуха попросила у лисиц в уплату за свой котел (букв.: своего котла): {«И мне принесите один кусочек»}’ (тексты [Аврорин 1986: 75]).

(45) *tāj səpə-lə əgži žexa-wa bā-ža-či*
этот соболь-LOC много деньги-ACC найти-FUT-2SG

‘За этого соболя много денег получишь’ (пример из [Аврорин 1959: 182]).

Из непространственных употреблений, не известных как типологически стабильные употребления пролативных маркеров, в [Киле 1981] упоминаются также употребления в значении а) «начального объекта действия» (‘начать делать с *X-a*’, при глаголах, оформленных инхоативным суффиксом) и б) в «отложительном значении» (‘выбрать, взять, добыть что-то *из множества X*’):

(46) *hoan-dola-či tāj ət naj-wa bā-xa-pu*
он-LOC-3PL только один человек-ACC взять-PST-1PL

‘Из них мы взяли только одного человека’ [Киле 1981: 31].

(47) *Tāj xurə-kən-dulə mō-wa tugbu-lu-u-ri*
этот гора-DIM-LOC дерево-ACC валить-INCH-IMPS-NPST

‘С той сопочки начнем валить лес’ [Киле 1981: 32].

Примеры и достаточно подробное описание непространственных значений локатива см. также в [Аврорин 1981: 173—176; Киле 1981].

⁷ Локативом здесь маркировано причастие — форма, стандартно оформляющая разные типы зависимых клауз.

В Таблице 4 перечислены значения, типологически близкие к пролативному, из списка, приводимого в [Ганенков 2002], которые в нанайском языке локативным падежом обслуживаться не могут.

Таблица 4

**Типологически близкие к пролативному значения,
которые не обслуживаются нанайским локативом**

контекст	показатель в нанайском
Инструмент (<i>забить молотком</i>)	инструменталис - <i>ži</i>
Средство передвижения (<i>лететь на самолете</i>)	
Цена (<i>купить за два рубля</i>)	
Срок (<i>жить два года</i>)	аккузатив - <i>wa</i>
Временной интервал (<i>приехать через год</i>)	
Тема (<i>думать о, скучать по</i>)	

Как видно из таблицы, это меньшая часть списка «околопролативных» контекстов. Эти контексты в нанайском языке поделены между аккузативом (который, как мы видели выше, конкурирует с локативом и в собственно пролативной зоне) и инструменталисом. Все это такие контексты, которые нельзя назвать специфичными для пролатива: оформление роли Темы и временных обстоятельств аккузативом не вызывает удивления, Цена и Средство передвижения — типологические ожидаемые периферийные употребления инструменталиса.

5. Нанайский локатив в лативных и элативных контекстах

5.1. Лативные контексты

Как было сказано выше, локатив, помимо роли Путь, маркирует в нанайском языке также роль Цели (лативное употребление). Это употребление развито — причем часто значительно сильнее — и в других тунгусских языках и выше предположительно описывается как появляющееся на более ранней стадии диахронического развития, чем пролативное.

Дефолтный маркер Цели в нанайском языке — латив на -*či*, а также конструкция с послелогом *bāroni*. При некоторых глаголах Цель может оформляться также винительным падежом -*wa*. С глаголами типа *клать* (роль, которая может концептуализоваться как Цель или Место) используется также эссивный падеж -*do*.

Примечание. Приводимые ниже данные по разным типам Ориентиров и локализаций получены для обоих типов ситуаций — собственно ситуаций перемещения типа *приходить* и ситуаций типа *клать*. Существенной разницы в возможности оформления локативом между ними на первый взгляд не обнаруживается, однако последовательной проверки не проводилось. То же касается элативных контекстов — с ситуациями перемещения типа *уходить* и ситуациями типа *брать*. Учитывая, с одной стороны, что аргументы глаголов *брать* и *клать* могут оформляться в нанайском языке эссивным падежом (т. е. осмысляться как Место), а с другой — что локативный падеж связан в том числе и с эссивной семантикой, здесь могло бы быть полезно более тщательное исследование.

Ниже проверено, какие лативные контексты допускают в качестве основного или возможного показателя локатив (элицитация, 4 носителя найхинского говора, с. Найхин; 2 носителя горинского говора, с. Кондон).

В качестве дефолтного варианта или, как минимум, допустимого локатив выбирался в контексте с локализацией INTER, Цель — плотная среда (ситуации внедрения, проникновения типа *вбить гвоздь в стену*):

(48) *pažeran-dola tukkam-bə pačela-o*
стена-LOC гвоздь-ACC бить-IMP
'Забей гвоздь в стену!' (элицит.).

(49) *Ləkə nā-la / nā-či ī-xə-ni*
стрела земля-LOC / земля-LAT войти-PST-3SG
'Стрела вонзилась в землю!' (элицит.).

В качестве возможного варианта локатив указывался в следующих контекстах.

1) Локализация IN, Цель — контейнер, который может концептуализоваться как отверстие (*в сеть, в нору*):

(50) *Soli jəru-č̣i-i / ^{OK}jəru-lə-i* *ī-xə-ni*
 лиса нора-LAT-REFL.SG / нора-LOC-REFL.SG войти-PST-3SG
 ‘Лиса залезла в нору’ (элицит.).

2) Цель — название места:

а) При глаголе *ese-* ‘достигать’ (и его дериватах), локализация — дефолтная для данного объекта (*добраться до дома, дойти до реки*):

(51) *Mī Kondon-dola ese-xam-bi*
 я Кондон-LOC добраться-PST-1SG
 ‘Я доехал до Кондона’ (элицит.).

б) В текстах Аврорина (записи 30-х—40-х гг.) локатив — наряду с дативом — стабильно встречается также при глаголе *xā-* ‘пристать (к берегу)’, см. п. 6. Семантическую Роль, выражаемую при этом глаголе, следует, видимо, трактовать как промежуточную между Целью и Местом. С современными носителями этот глагол не проверялся.

(52) *Elan dāi ogda ej toj-la xā-xan*
 три большой лодка этот берег-LOC причалить-PST
 ‘Три большие лодки причалили к этому берегу’ (тексты [Аврорин 1986: 97]).

в) Для наиболее частотных глаголов перемещения *ənə-* ‘идти, уходить’ и *ži-* ‘приходить’ современные носители запрещали употребление локатива. При этом в более ранних записях такие примеры встречаются (и упоминаются в [Аврорин 1959: 181; Аврорин 1981: 174]), ср.:

(53) *Min-dulə jəŋgur ži-ži oseni, mī n'oam-ba-ni sea-žam-bi*
 я-LOC волк прийти-NPST если я он-ACC-3SG есть-FUT-1SG
 ‘Если ко мне придет волк, я его сам съем’ (пример из сказки, приводимый в [Аврорин 1981: 174]).

Сконструированные примеры и естественные примеры такого рода (в частности, приведенный выше) некоторые носители оценивали не как полностью неприемлемые, а как «приемлемые, но архаичные», «встречающиеся в фольклоре, но невозможные в живой речи» и под.

5.2. Элативные контексты

Иногда локатив в нанайском языке оказывается возможен, наоборот, при оформлении симметричной Цели роли **Источника** (Исходного пункта) или близкой к Источнику роли (**элативное** употребление). Это более неожиданная для данного падежа функция: среди основных употреблений локатива в других тунгусских языках элативных не отмечается. Основной показатель элатива в нанайском — падеж *-žiaži*⁸.

Так же, как и для роли Цели, для роли Источника были последовательно проверены разные контексты с точки зрения возможности употребления в них локативного падежа (элицитация, 3 носителя найхинского говора, 2 носителя горинского говора).

I. В качестве дефолтного варианта (как минимум одним носителем) локатив был выбран в следующих контекстах.

1) Локализация INTER, Источник — плотная среда (*червяк выполз из яблока, выдернуть гвоздь из стены*):

(54) *Amtaka-la kolan niə-xə-ni*
 яблоко-LOC червяк выходить-PST-3SG
 ‘Из яблока выполз червяк’ (элицит.).

2) Локализация IN, Источник — мягкие контейнеры-мешки (*из мешка, из кармана*):

(55) *Karman-dola žaxa-wa žap-u!*
 карман-LOC деньги-ACC взять-IMP
 ‘Достань деньги из кармана!’ (элицит.).

⁸ В найхинском говоре используется также краткий вариант *-žia*. В горинском говоре — также (видимо, заимствованный из эвенкийского) показатель *-doki*.

3) Локализация IN, Источник — контейнер-отверстие (*уйти из сети, вылезти из норы*):

(56) *Soli jəru-lə niə-gu-xə-ni*
 лиса нора-LOC выйти-REP-PST-3SG
 ‘Лиса вылезла из норы’ (элицит.).

4) Ситуации отделения (внутренней или внешней) части от целого (*сорвать ягоду с дерева, вырвать прут из корзины, оторвать рукав от платья, вырвать язык изо рта*):

(57) *Tətuə-lə xuəksə-wə-ni lap tata-ro*
 одежда-LOC рукав-ACC-3SG цап тянуть-IMP
 ‘Оторви рукав от халата’ (элицит.).

(58) *Koŋsa-la saktu-kəm ač-u*
 корзина-LOC прут-DIM.ACC извлечь-IMP
 ‘Вырви из корзины прут’ (элицит.).

Перечисленные контексты вряд ли можно считать прототипическими элативными, так что важно пояснить, что во всех из них носителями принимался также и специализированный показатель элатива.

II. В качестве возможного варианта локатив, наряду с элативом, указанным как основной вариант, допускался в следующих контекстах.

1) Локализация IN, Источник — а) помещения (*из дома, из амбара, из комнаты*), б) твердые контейнеры-коробки (*из корзины, из лодки, изо рта*), в) также локализация INTER, Источник — жидкая среда (*вынуть мясо из супа*):

(59) *Singərə takto-la agbin-ki-ni*
 мышь амбар-LOC появиться-PST-3SG
 ‘Мышь вылезла из амбара’ (элицит.).

(60) *Amtaka-wa koŋsa-la žar-u!*
 ягода-ACC корзина-LOC взять-IMP
 ‘Возьми ягоды из корзины’ (элицит.).

2) Локализация ON — только в случае, когда ситуация предполагает фазу движения по поверхности Ориентира. Так, носителями принимался контекст *слезть с крыши*, но не *взять со стола*:

(61) *Naonžokan gujčə-lə xulun-ki-ni*
 мальчик крыша-LOC сойти-PST-3SG
 ‘Мальчик слез с крыши’.

Примечание. В текстах встретилось также (но с носителями не проверялось) элативное употребление с локализацией POST, ‘из-за’ (но не APUD!):

(62) *ogda čeankan-dola kutūriə agbin-ki-ni*
 лодка мыс-LOC медленно.с.поднятым.носом появиться-PST-3SG
 ‘Лодка медленно появилась из-за мыса с задранном кверху носом’ (пример из словаря [Оненко 1980: 235]).

Локализация Траектора APUD невозможна: тенденция локатива к оформлению именно ин-элативных контекстов отчетливо осознается носителями, ср. оценку следующих примеров:

(63) *Вуə ogda-žiažia-pu / *ogda-la-pu xangesi ən-u*
 наш лодка-ELAT-1PL / *boat-LOC-1PL прочь идти-IMP
 {Не стой около нашей лодки!} ‘Отойди от нашей лодки!’ (элицит.) {комментарий: *ogda-la-pu* = #‘отойди из нашей лодки’}.

Ср. также разницу в переводе носителем следующих сконструированных примеров — с элативным показателем и с локативом:

(64) *Puŋku-wə koŋsa-žia žar-u!*
 платок-ACC корзина-ELAT взять-IMP
 ‘Возьми платок из корзины / с корзины’ (элицит.).

(65) *Puŋku-wə koŋsa-la žar-u!*
 платок-ACC корзина-LOC взять-IMP
 ‘Возьми платок из корзины / *с корзины’ (элицит.).

5.3. Лативные и элативные контексты: симметрия и асимметрия

Таким образом, видно, что Цель и Источник проявляют с точки зрения возможности выражения локативом достаточно — предположительно неслучайных — сходств, но при этом и не полностью симметричны. См. сводную *Таблицу 5*.

Таблица 5

Локатив как маркер Цели и Источника в нанайском языке

	Цель	Источник
INTER, плотная среда (ситуации внедрения/извлечения)	+ ⁹	+
IN, контейнеры-отверстия (<i>нора, сеть</i>)	ОК	ОК
названия мест	ОК (глагол <i>ese-</i> ‘достигать’; ??? другие глаголы)	*
присоединение/отделение части	*	+
IN, контейнеры-мешки (<i>мешок, карман</i>)	*	+
IN, контейнеры-коробки (<i>корзина</i>)	*	ОК
IN, помещения (<i>дом, комната</i>)	*	ОК
INTER, жидкая среда	*	ОК
ON, поверхности (<i>крыша</i>)	*	+ / –
POST (‘за / из-за X’)	*	(+)

Симметрия между лативными и элативными контекстами может служить своего рода тестом. Для контекстов, которые и в случае Цели, и в случае Источника выражаются локативом, естественно предположить, что дело вообще не в их ролевой семантике. На чисто лативные / чисто элативные контексты стоит обратить более пристальное внимание.

1. Контексты, общие для Цели и Источника

В эту группу попадают а) контексты локализации INTER с Ориентиром-плотной средой (ситуации внедрения и извлечения) и б) контексты локализации IN с контейнером-отверстием: *забить / вытащить из стены* и *забраться / выбраться из норы*. Про них (особенно это очевидно для контейнеров-отверстий) можно считать, что это просто контексты, объективно допускающие две возможные концептуализации. Они описывают такие ситуации, которые содержат две фазы — окончание (или, соответственно, начало) движения внутри ориентира и предшествующее (последующее) движение сквозь ориентир. В зависимости от того, какая фаза в большей степени акцентируется, они могут интерпретироваться как лативные (или, соответственно, элативные) и как пролативные. Для нанайского языка, поскольку имеет место конкуренция со специализированным лативным / элативным падежом, видимо, доступны обе. Но в том случае, когда выбирается локатив, можно считать, что интерпретация просто пролативная.

Примечание. Возможность оформляться лативом/элативом (как контейнер) или пролативом (как отверстие или среда) может быть идиосинкратически задана для конкретного существительного. Так, например, для слова *pāwa-* ‘окно’ в контексте ‘смотреть в окно’ характерно оформление локативом, а латив запрещается (по крайней мере некоторыми) носителями, в контексте же точно такого же отверстия *sin-* ‘прорубь’ допустим лативный падеж:

(66) *əm sin-du əm soleka xujgu-ji, sin-či geda-ra*
 один прорубь-ESS один лиса хвост-REFL прорубь-LAT сунуть-CVBNSIM
žikə oja-wa-ni pumburə-j-ni
 лед на-ACC-3SG валяться-NPST-3SG

‘У одной проруби какая-то лисичка сидит: опустила свой хвост в прорубь и катается по льду’ (тексты [Аврорин 1986: 70]).

Можно предположить, что жесткость (но не характер) выбора между лативом / элативом и локативом коррелирует со степенью конвенционализации соответствующего контекста.

2. *Контексты, специфичные для Источника*, — это контексты с локализацией IN и разными видами контейнеров, среди которых особо выделяются мягкие контейнеры-мешки. Для Цели симметричные данным употребления отвергаются носителями (*вылезти из амбара*, но не *залезть в амбар*, *вынуть из корзины*, но не *положить в корзину*). Поскольку в других тунгусских языках элативных употреблений

⁹ Расшифровка помет: «+» — указывается носителями в качестве дефолтного варианта («+/-» — с дополнительными ограничениями), «ОК» — признается в качестве допустимого варианта, «*» — не признается.

не наблюдается, остается предположить, что в нанайском они возникают как новообразование и, вероятнее всего, из центрального значения нанайского локатива — пролативного. Каким же образом? Можно считать их логическим продолжением семантического развития, намеченного в предыдущем абзаце для контекстов типа *вылезти из норы = через нору*. Там как пролативные оформляются ситуации, содержащие как элативную, так и пролативную семантику. А тут куда более очевидные контексты Источника также получают возможность осмысляться как пролативные: *вынуть из мешка = вынуть (протацив) через мешок*. Связь с пролативной семантикой (хотя и меньшая, чем в предыдущем случае, где она усиливалась самим типом Ориентира) сохраняется через локализацию IN, которая предполагает фазу движения внутри Ориентира или как минимум преодоление его границы. Следующим этапом такого семантического развития могло бы стать распространение локатива на все элативные контексты независимо от локализации (чего в нанайском, однако, не происходит). Интересно, почему аналогичного семантического сдвига не наблюдается для лативных контекстов. Неоднократно обсуждалось, что Цель и Источник вообще часто ведут себя в языке асимметрично с самых разных точек зрения (см. [Kegami 1987; Stefanowitsch, Rohde 2004; Lakusta, Landau 2005; Regier, Zheng 2007] и мн. др.)¹⁰. В данном случае дело, видимо, в том, что две фазы ин-элативной / ин-лативной ситуации — начало / конец движения (лативная / элативная фаза) и движение сквозь объект и / или его границу (пролативная фаза) — по-разному расположены во времени. Для ин-латива первой идет «пролативная» фаза, а затем лативная; для элатива — первой элативная, а затем «пролативная». Таким образом, для ин-элатива пролативная фаза оказывается ближе к моменту наблюдения и в определенном смысле нагляднее. С этим могут быть связаны факты, наблюдаемые в нанайском языке: элативные контексты легче втягиваются в пролативный круг, чем «обратные» им лативные (при том что лативная семантика уже имеется у локативного падежа), именно за счет этой чисто логической асимметрии.

Похожее объяснение можно предложить для упомянутых выше случаев локализации POST («промежуточный пункт» — сам Ориентир) и ON («маршрут» — поверхность Ориентира).

Еще одна группа употреблений — это контексты, связанные с отношениями Части — Целого: отделение Части. Это на самом деле не вполне ситуация пространственного перемещения, и ее аргументы не обязаны оформляться аналогично аргументам ситуации типа *идти*, как в русском. Можно допустить, что для семантики локатива важно отношение Части — Целого в большей степени, чем то пространственное перемещение, которое его сопровождает. И ключевой семантический компонент тут — наличие **контакта** между Целым и Частью (или Ориентиром и Траектором, если продолжать рассматривать эту ситуацию в пространственных терминах). Этот компонент значения локатива уже упоминался применительно к лативным употреблениям локатива (причем не только в нанайском языке) и применительно к пролативным. Здесь также можно еще раз упомянуть употребления типа *ударить по чему-то, держать за что-то*, отнесенные выше к непространственным околопролативным (п. 4) и также акцентирующие семантику контакта. Нельзя однозначно сказать, когда на основе какого из основных значений локатива возникает употребление в контексте присоединения / отделения, но оно, по крайней мере, семантически вполне встраивается в круг его употреблений и не задействует при этом ролевую семантику Цели и Источника. Не вполне понятно также, почему аналогичным образом не оформляются симметричные данным «лативные» ситуации присоединения типа *пришить*. Можно объяснить это так же, как и для ин-лативной / ин-элативной ситуаций выше: тем фактом, что в случае отделения фаза контакта предшествует во времени фазе движения.

3. Контекст, специфичный для Цели, — это, как уже упоминалось выше, оформление аргумента глагола *ese-* ‘достигать, добираться до’ и его производных (69).

Тут важно пояснить, что с локативом в этом употреблении конкурирует не только обычный для выражения Цели лативный падеж *-či* (68), но и винительный падеж (69) или неоформленное имя (70), т. е. глагол *ese-* является «А-лабильным», что нетипично в целом для нанайских глаголов движения, и роль Цели при нем особая, способная осмысляться как Объект.

(67) *Aoŋga-la-i* *ese-go-rā...*
шалаш-LOC-REFL.SG добраться-REP-CVBNSIM
‘Добрался до своего зимника...’ (тексты [Аврорин 1986: 229]) — локатив.

(68) *Məən-či* *ese-do-a-ni*
себя-LAT добраться-ESS-OBL-3SG
‘Когда тот добрался до него...’ (тексты [Аврорин 1986: 231]) — латив.

¹⁰ Отметим при этом, что чаще всего (в т. ч. в процитированных работах) обсуждаются факты, связанные с так или иначе проявляемой большей выделенностью роли Цели по сравнению с ролью Источника (т. н. goal bias, goal-over-source principle), здесь же мы имеем дело с асимметрией иного рода.

(69) *Kərdəngu dā-wa-ni ese-i-či*

Кэрдэнгу устье-ACC-3SG добраться-NPST-3PL

‘Доехали до устья реки Кэрдэнгу’ (тексты [Аврорин 1986: 230]) — аккузатив.

(70) *Aoŋga-i ese-go-i aldan-do-a-ni*

шалаш-REFL.SG добраться-DEST-REFL.SG период-ESS-OBL-3SG

‘Пока добрался до своего зимника...’ (тексты [Аврорин 1986: 232]) — неоформленное имя в объектной позиции¹¹.

Важна и семантика глагола *ese-* (которая и обеспечивает указанное синтаксическое поведение): это все то же значение обязательного **контакта** с Ориентиром, упоминавшееся как релевантное для лативных употреблений локатива во всех тунгусо-маньчжурских языках. Таким образом, выбор именно этого глагола неслучаен.

Такое лативное употребление локатива можно считать для нанайского языка рудиментарным, хотя частотность глагола *ese-* обеспечивает ему достаточную устойчивость (см., однако, некоторые текстовые данные ниже в п. 6). Об этом говорит, в частности, оценка информантами «лативных» примеров с некоторыми другими глаголами как архаичных.

6. Употребления нанайского локатива: данные текстов

Если в предыдущих трех разделах мы, касаясь нестандартных употреблений локатива (п. 4) и редких в целом пролативных контекстов (п. 3), опирались преимущественно на данные элицитации, то ниже в дополнение к ним приводится очень неполная, но тем не менее показательная картина реального употребления локатива в текстах.

Первое, что бросается в глаза при обращении к текстам, — это очень низкая частота употребления (token-frequency) локативного падежа в современном нанайском языке. Из *Таблицы 6*, сопоставляющей в этом отношении локатив с другими пространственными падежами, видно, что он значительно уступает по частотности эссивному падежу (повышенную частотность которого можно, впрочем, отчасти объяснить его употреблением за пределами пространственной зоны как дативного показателя) и лативному. Что касается элатива, то по своей употребительности локатив его даже слегка превосходит, однако здесь следует отметить, что элатив, в отличие от локатива (и от всех остальных пространственных падежей), не употребляется с очень частотным классом послелогов. Если сопоставить количество употреблений элативной формы с количеством приименных употреблений локатива, а не с общим, то окажется, что последнее примерно в два раза меньше. Таким образом, локативный падеж действительно оказывается в нанайском языке самым низкочастотным из всех пространственных.

Таблица 6

Частотность пространственных падежей в нанайском языке (тексты 2012—2013 гг.¹²)

	число употреблений	комментарий
локатив <i>-la</i>	47 (при существительных — 18)	с существительными и послелогоми
латив <i>-či</i>	130	с существительными и послелогоми
эссив <i>-do</i>	283	с существительными и послелогоми, включая непространственные (дативные) употребления
элатив <i>-ži(a)(ži)</i>	40	используется практически исключительно с существительными

Эту асимметрию проще всего объяснить тем фактом, что Путь в принципе кодируется в языке реже, чем более центральные семантические роли Цели, Места и Источника (а Источник, в свою очередь, реже, чем Цель, см. [Stefanowitsch, Rohde 2005]). Это объяснение может быть верным только при условии, что пролативная функция является центральной для локатива не только с точки зрения сочетаемостных возможностей и разнообразия выражаемых семантических оттенков (как было показано выше), но и с частотной точки зрения.

В *Таблице 7* представлено распределение этих 18 примеров на локатив по значениям (столбец 1). Пролативные (если включать близкие к ним непространственные, см. п. 5) составляют 8 из них (44%). Поскольку эти цифры слишком малы для детального анализа, к ним добавлены аналогичные цифры для

¹¹ Примеры намеренно взяты из одного и того же текста.

¹² Тексты собраны в ходе экспедиций в Хабаровский край и аннотированы С. А. Оскольской и автором, найхинский говор, сказки, автобиографические истории, ок. 8 000 слов.

текстов из сборника фольклора В. А. Аврорина [Аврорин 1986] (суммарное распределение по значениям в столбце 3). Процент пролативных употреблений по суммарному количеству текстов оказывается даже выше — 41 из 70 (59%). Это очень много, учитывая что в принципе, см. выше, эссивные и лативные контексты в тексте объективно частотнее пролативных.

Таблица 7

Разные типы употреблений локатива в нанайских текстах¹³

тип	тексты 2012—2013 гг.	тексты, собранные В. А. Аврориным в 1941, 1948 гг. ¹⁴	все тексты
Путь			
Цель	17% (3)	27% (14)	24% (17)
Место (при пространственных именах)	39% (7)	9% (5)	17% (12)
Пролатив+ (непространственные)	16% (3)	29% (15)	26% (18)
Путь и Пролатив+	44% (8)	64% (33)	59% (41)
всего	100% (18, ок. 2250 ipm)	100% (52, ок. 5800 ipm)	100% (70)

Таблица 7 позволяет сделать еще ряд наблюдений. Если сравнить данные текстов, записанных в 2010-х годах (пусть и очень немногочисленные), с данными текстов, записанных в 40-х гг. XX в. (столбцы 2 и 3)¹⁵, то можно отметить некоторые микродиахронические сдвиги в употреблении локативного падежа. Прежде всего, общее число употреблений локатива заметно сокращается (5800 ipm > 2250 ipm). Стабильным (с точки зрения числа употреблений на единицу текста) при этом остается число «застывших» эссивных употреблений при пространственных именах (что достаточно естественно). Число как лативных, так и пролативных употреблений уменьшается. Для пролативных (и близких к ним непространственных) употреблений это, как кажется, проще всего объяснить просто общим «обеднением» языка текстов по социолингвистическим причинам: современный нанайский, в отличие от нанайского сер. XX в., находится в очевидно угрожаемом положении. Для лативных же употреблений объяснение скорее системное: глагол *ese-* ‘достигать, добираться’, при котором зафиксировано большинство лативных употреблений локатива, относится к самым частотным и употребляется в современных текстах не менее активно. Но — как в текстах Аврорина, так и в современных — наряду с локативом, его аргумент-Цель могут оформлять также аккузатив и латив *-çi*. Видимо, тенденция состоит в постепенном вытеснении локатива из этой сферы: в рассматриваемых текстах 2010-х гг. из 18-ти вхождений этого глагола с локативом употреблены всего 3, причем все употребления из одного и того же текста (записанного от одного из самых пожилых носителей).

В Таблице 8 для рассмотренных текстов Аврорина (в которых форма локатива более частотна) в дополнение приводятся более детальные, чем в Таблице 7, данные по распределению значений (в частности, отдельно даны разные подзначения пролатива, разные типы непространственных употреблений). Можно заметить, что среди пролативных употреблений в значении Маршрут всего два и оба — не в центральных контекстах типа *идти по дороге*.

Таблица 8

Разные типы употреблений локатива в нанайских текстах В. А. Аврорина: более детальная картина

тип употреблений	число употреблений	комментарий
Цель	8	только при глаголе <i>ese-</i> ‘достигать’: <i>шли-шли и дошли до X</i>
Место	5	напр., <i>solela</i> — ниже по течению, <i>boala</i> — на улице, <i>gorola</i> — вдалеке

¹³ В этой и следующей таблице представлены данные только по употреблением существительных в форме локатива: не учитывались упомянутые выше (и очень частотные) формы послелогов и (наоборот, низкочастотные, но встречавшиеся) формы причастий в функции предиката зависимой клаузы (при которых падежные показатели служат для выражения временных или логических отношений между главной и зависимой клаузами).

¹⁴ Тексты из сборника нанайского фольклора [Аврорин 1986]: найхинский говор, сказки 13—25, ок. 9000 слов.

¹⁵ Объем текстов примерно одинаков, жанры и тематика сопоставимы, говор один и тот же.

тип употреблений	число употреблений	комментарий
Цель/Место	6	только при глаголе <i>xā-</i> ‘причаливать’ (5), при глаголе <i>tu-</i> ‘падать’ (1)
Пролатив+: Точка приложения	9	<i>ударить по чему-то, клонуть во что-то, попасть чем-то куда-то...</i>
Пролатив+: Стандарт	2	<i>величиной с X</i>
Пролатив+: Признак	2	<i>узнать, найти по X</i>
Пролатив+: Обменный эквивалент	1	<i>попросила платой за что-то (что-то плата-LOC-POSS)</i>
Пролатив+: Координатив	1	<i>поступать по чьей-то воле</i>
Путь/Место (Сцена?)	2	<i>поскребла в зад, поширила в очаге</i>
Путь: Отверстие, Проход	12	<i>напр.: вылезла через дымоход</i>
Путь: Маршрут	2	<i>кататься с горы, прошла вот тут</i>
Путь: Среда	1	<i>прошла сквозь пол</i>
Путь: Множество (между)	1	<i>проскочила между ног у людей</i>
всего	52	

7. Локатив в бикинском диалекте нанайского языка

Выше обсуждался материал амурских говоров нанайского языка (найхинского и горинского). В этом разделе вкратце представим в дополнение данные (на данный момент практически вымершего) бикинского диалекта (Приморский край) — разновидности нанайского языка, довольно сильно отстоящей от прочих. Как кажется, в этом диалекте развитие локативного показателя шло по заметно иному сценарию. В *Таблице 9* показан круг употреблений локатива в бикинском диалекте, выявленный по текстам, опубликованным в [Сем 1976], с количеством вхождений по каждому типу.

Таблица 9

Локатив в бикинском диалекте нанайского языка (тексты из [Сем 1976], ок. 3000 слов)

тип употреблений	число употреблений	комментарий
Цель при глаголах движения	24	<i>прийти/пойти/подойти/войти... куда-то/к кому-то, дойти до...</i>
Цель при глаголах внедрения	2	<i>нырнуть в, воткнуть в</i>
Место	3	только с пространственными именами
Цель/Место	3	<i>класть куда-то/где-то</i>
? Путь/Место	1	<i>ковырять в зубах</i>
всего	33 (ок. 11000 ipm)	

Из таблицы видно, что локатив в бикинском диалекте, во-первых, значительно частотнее. Во-вторых, набор его функций хотя и схож с обсуждавшимся выше, но не во всех деталях.

Очевидных примеров на пролативное значение нам не встретилось. Единственный контекст, который можно было бы трактовать как достаточно близкий к пролативному (но при этом также и к эссивному, и к лативному), следующий:

- (71) *Solaki un-ži-ni: xuktə-lə-i čiki-mda-guma*
 лиса говорить-NPST-3SG зуб-LOC-REFL.SG ковырять.в.зубах-PURP-HORT
 ‘Лиса говорит: давайте поковыряем в зубах’ (тексты [Сем 1976: 118]).

В лативной же функции локатив употребляется куда шире, чем в амурском диалекте: лативное употребление встречается при самых разных глаголах движения и составляет 73% от всех вхождений локатива. В примере (72) локатив оформляет аргумент глагола *ənə-* ‘идти, уходить’:

- (72) *əs'=tə ənə-xə amon-dola mukə ome-nda-m'ə ənə-xə*
 теперь=же идти-PST озеро-LOC вода пить-PURP-CVBSIM идти-PST
 ‘И тотчас пошел к озеру пить воду’ (тексты [Сем 1976: 117]).

Более того, локатив оказывается основным падежным маркером роли Цель. Лативный падеж *-či* упоминается среди прочих падежей в кратком описании бикинского диалекта [Сем 1976: 39—42] (с комментарием о том, что функции падежей не отличаются от соответствующих в стандартном нанай-

ском), однако в тех же текстах он не встречается вовсе, за исключением употреблений при послелогах и пространственных именах типа (73):

(73) *takto do-če-a-ni* ‘в амбар’ (амбар внутри-LAT-OBL-3SG), *bā-či* ‘на улицу’

Эссивные же употребления локатива в бикинском диалекте ничем не отличаются от аналогичных в амурском, это застывшие употребления при пространственных именах:

(74) *Naj bā-la mərə-i: nai osemi bā-či ī-gu-i*
 человек снаружи-LOC кричать-NPST человек если снаружи-LAT входить-DEST-REFL.SG
 ‘А на улице кто-то кричит: «Если ты человек, выйди на улицу!»’ (тексты [Сем 1976: 123]).

Таким образом, картину полисемии локатива, наблюдаемую в бикинском диалекте, можно считать в чем-то более «архаичной», а в чем-то альтернативной вышеописанной: пролативное значение у него полноценно так и не развивается, лативное же не исчезает, а, наоборот, оказывается самым экспансивным. Отметим, что бикинский диалект, во-первых, кажется более архаичным и в некоторых других фрагментах системы, а во-вторых, находился в непосредственном контакте с удэгейским языком. Бикинский локатив находится по своим характеристикам как раз где-то между удэгейским и наблюдаемым в амурских говорах нанайского: 1) как и в амурских говорах, но в отличие от удэгейского, эссивная функция в нем рудиментарна; 2) как и в удэгейском, но в отличие от амурских говоров, пролативная не- / недоразвита; 3) лативная функция, в отличие и от амурских говоров (где она обнаруживает тенденцию к постепенному исчезновению), и от удэгейского (где она продуктивна и конкурирует со специализированным показателем), оказывается очень продуктивной, и локатив становится основным выразителем этой функции.

8. Заключение

Таким образом, картина, наблюдаемая в нанайском языке, вполне укладывается в предложенный в работе диахронический сценарий семантической эволюции локативного падежа, в соответствии с которым исходными его значениями признаются эссивное (которое может отмирать на более поздней стадии) и лативное, а инновационным — пролативное.

Нанайские данные позволяют проследить исчезновение у локатива эссивного значения, постепенное вытеснение лативного и утверждение пролатива в качестве основного значения показателя. Обнаруживается также ряд независимых фактов, свидетельствующих в пользу развития пролативного значения локатива скорее из лативного, чем из эссивного употребления.

Пролативные употребления локатива покрывают значения Прохода (*через трубу*) и Маршрута (*по дороге*), но не (или, по крайней мере, в значительно меньшей степени) Сцены (*гулять по лесу*), что кажется типологически не самой тривиальной комбинацией.

У локатива в нанайском языке наблюдается ряд непространственных употреблений, типологически характерных для пролативных показателей, что свидетельствует о достаточно раннем появлении и достаточно стабильном положении в системе современного нанайского языка. Кроме того у него наблюдается ряд элативных или близких к таковым употреблений, которые также можно трактовать как развившиеся из пролативных.

Мы предлагаем считать «семантической доминантой» локативного падежа в нанайском языке (и, возможно, в тунгусских языках в целом), значение контакта Траектора с Ориентиром. Этот абстрактный семантический компонент сохраняется у него на всех этапах семантического развития. Аппелируя к нему, можно объяснить 1) характер его лативных употреблений и их связь с пролативными, 2) полисемию, наблюдаемую у него внутри пролативной зоны, 3) развитие у него околоэлативных употреблений, а также 4) наличие у него особого класса употреблений, связанных с отношением Целого / Части.

Сокращения

Глоссы

ACC — аккузатив	DIM — диминутив
CVBCOND — условное деепричастие	ELAT — элатив
CVBNSIM — одновременное деепричастие	ESS — эссив
CVBSIM — одновременное деепричастие	FUT — будущее время
DEST — дестинатив	HORT — гортатив

IMP — императив	PL — множественное число
IMPS — имперсонал	PST — прошедшее время
INCH — инхоатив	PURP — показатель движения с целью
INS — инструменталис	REFL — рефлексив
IPFV — имперфектив	REP — рефактив
LAT — латив	RES — результатив
LOC — локатив (падеж на <i>-la</i>)	SG — единственное число
NPST — непрошедшее время	VBLZ — вербализатор
OBL — косвенный падеж	1 — первое лицо
PART — частица	2 — второе лицо
PFV — перфектив	3 — третье лицо

Общие

букв. — буквально	ТМЯ — тунгусо-маньчжурские языки
нек. — некоторые	элицит. — элицитированный
ОК — пример был одобрен носителем при элицитации	ipm — items per million (число вхождений на миллион)
с. — село	

Литература

- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.—Л., 1959. {Avrorin V. A. Grammar of the Nanai language. Vol. 1. M.—L., 1959.}
- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.—Л., 1961. {Avrorin V. A. Grammar of the Nanai language. Vol. 2. M.—L., 1961.}
- Аврорин 1981 — Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981. {Avrorin V. A. Syntactic studies of the Nanai language. L., 1981.}
- Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л., 1986. {Avrorin V. A. Information on the Nanai language and folklore. L., 1986.}
- Аврорин 2000 — Аврорин В. А. Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб., 2000. {Avrorin V. A. Grammar of Manchu written language. Saint Petersburg, 2000.}
- Василевич 1960 — Василевич Г. О. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1960, 2. С. 43—49. {Vasilevich G. O. Revisiting the classification of Manchu-Tungus languages. // Voprosy jazykoznanija. 1960, 2. P. 43—49.}
- Ганенков 2002 — Ганенков Д. С. Типология падежных значений: Семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений / Ред. Плузьян В. А. М., 2002. С. 35—56. {Ganenkov D. S. Typology of the case semantics: Semantic area of the prolativ case // Studies in grammar theory. Vol. 2. Grammaticalisation of spatial meanings / Ed. Plungian V. A. M., 2002.}
- Киле 1981 — Киле Н. Б. Значение и употребление местного падежа в нанайском языке // Языки и фольклор народов севера. Новосибирск, 1981. С. 26—32. {Kile N. B. Meaning and usage of the local case in the Nanai language // Languages and folklore of the peoples of the North. Novosibirsk, 1981. P. 26—32.}
- Новикова 1960 — Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. М.—Л., 1960. {Novikova K. A. Essays on the dialects of the Even language: Ola parlance. M.—L., 1960.}
- Оненко 1980 — Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980. {Onenko S. N. Nanai-Russian dictionary. M., 1980.}
- Петрова 1967 — Петрова Т. И. Язык ороков. М., 1967. {Petrova T. I. Language of the Orok people. M., 1967.}
- Плузьян, Рахилина 1996 — Плузьян В. А., Рахилина Е. В. Полисемия служебных слов: Предлоги «через» и «сквозь» // Русистика сегодня. 1996, 3. С. 1—17. {Plungian V. A., Rakhilina E. V. Polysemy of the function words: prepositions “over” and “through” // Russian studies today. 1996, 3. P. 1—17.}
- Сем 1976 — Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикинский диалект. Л., 1976. {Sem L. I. Essays on the dialects of the Nanai language: Bikin dialect. L., 1976.}
- Суник 1982 — Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982. {Sunik O. P. Noun in Manchu-Tungus languages. L., 1982.}
- Цинциус 1948 — Цинциус В. И. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948, 7 (6). С. 518—526. {Tsintsius V. I. Problems of a comparative grammar of Manchu-Tungus languages // USSR AS Bulletin. Literature and language department. 1948, 7 (6). P. 518—526.}
- Цинциус 1949 — Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949. {Tsintsius V. I. Comparative Phonetics of Manchu-Tungus languages. L., 1949.}

- Цинциус 1982 — *Цинциус В. И.* Негидальский язык. Л., 1982. {*Tsintsius V. I.* The Negidal language. L., 1982.}
- Benzing 1955 — *Benzing J.* Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955.
- Brucalè, Mocchiari 2011 — *Brucalè L., Mocchiari E.* Continuity and discontinuity in the semantics of the Latin preposition *per*: A cognitive hypothesis // STUF — Language Typology and Universals. 2011, 64 (2). P. 148—169.
- Bulatova, Grenoble 1999 — *Bulatova N., Grenoble L.* Evenki. (= Languages of the world, 141.) München, 1999.
- Creissels 2006 — *Creissels D.* Encoding the distinction between location, source, and destination / Eds. *Hickmann M., Robert S.* Space in Languages: Linguistic Systems and Cognitive Categories. Amsterdam—Philadelphia, 2006. P. 19—28.
- Doerfer 1978 — *Doerfer G.* Classification problems of Tungus // Tungusica. Vol. 1 / Eds. *Doerfer G., Weiers M.* Wiesbaden, 1978. P. 1—26.
- Georg 2004 — *Georg S.* Unreclassifying Tungusic // Proceedings of the First International Conference on Manchu-Tungus Studies / Eds. *Naeher C. et al.* Wiesbaden, 2004. P. 45—58.
- Grenoble 2013 — *Grenoble L.* Spatial semantics, case and relator nouns in Evenki // Typology of Languages of Europe and Northern and Central Asia / Eds. *Suihkonen P., Whaley L. J.* Amsterdam, 2013. P. 109—132.
- Haspelmath 2008 — *Haspelmath M.* Terminology of case // Handbook of Case / Eds. *Malchukov A., Spencer A.* Oxford, 2008. P. 505—517.
- Ikegami 1987 — *Ikegami J.* Source vs. Goal: A Case of Linguistic Dissymmetry // Concepts of Case / Eds. *Driven R., Raggen G.* Tuebingen, 1987. P. 122—146.
- Lakusta, Landau 2005 — *Lakusta L., Landau B.* Starting at the end: The importance of goals in spatial language // Cognition. 2005, 96. P. 1—33.
- Malchukov 1995 — *Malchukov A. L.* Even. (= Languages of the World, 12). München, 1995.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — *Nikolaeva I., Tolskaya M.* A Grammar of Udihe. Berlin, 2001.
- Noonan 2008 — *Noonan M.* Patterns of development, patterns of syncretism of relational morphology in the Bodic languages // The Role of Semantics and Pragmatics in the Development of Case / Eds. *Bardal J., Cheliah Sh.* Amsterdam, 2008. P. 261—282.
- Pantcheva 2010 — *Pantcheva M.* The syntactic structure of Locations, Goals and Sources // Linguistics. 2010, 48 (5). P. 1043—1081.
- Regier, Zheng 2007 — *Regier T., Zheng M.* Attention to Endpoints: A Cross-Linguistic Constraint on Spatial Meaning // Cognitive Science. 2007, 31 (4). P. 705—719.
- Stefanowitsch, Rohde 2004 — *Stefanowitsch A., Rohde A.* The goal bias in the encoding of motion events // Studies in linguistic motivation / Eds. *Radden G., Panther K. U.* Berlin, 2004. P. 250—267.
- Vovin 1993 — *Vovin A.* Towards a new classification of Tungusic languages // Ural-Altische Jahrbücher, 65. P. 99—113.
- Whaley et al. 1999 — *Whaley L., Grenoble L., Li F.* Revisiting Tungusic classification from the bottom up: A comparison of Evenki and Oroqen // Language. 1999, 75. P. 286—321.

РЕЗЮМЕ

В тунгусо-маньчжурских языках есть т. н. «локативный» падеж на *-la*. Он обычно многозначен, и круг его пространственных значений варьирует по языкам; во всех своих употреблениях он, как правило, конкурирует с соответствующими специализированными падежами. В разных тунгусо-маньчжурских языках он может маркировать: а) место (эссив), б) цель движения (латив), в) путь (пролатив). В статье рассматриваются семантические связи между этими значениями, а также предлагается возможный диахронический сценарий для локативного падежа: от исходного кластера эссивного и лативного значений — к более позднему пролативному. В работе подробно рассмотрены данные нанайского языка, в котором основным значением *-la* оказывается как раз пролативное, но в той или иной мере присутствуют и оба других. Таким образом, материал нанайского языка позволяет проследить семантические сдвиги в употреблениях *-la* на «микроуровне», а также сделать некоторые уточнения о категории пролатива в типологической перспективе. Семантическим компонентом, центральным для локативного падежа в разных его употреблениях и позволяющим объяснить его полисемию, в работе предлагается считать компонент контакта траектора с ориентиром.

SUMMARY

The Tungusic languages have the so called “locative case” *-la*. It is usually polysemous; the set of its spatial meanings is quite intriguing and varies across the languages; it also tends to have no specialized function: in all its uses it competes with one of the main spatial cases to a greater or a lesser extent. *La*-case can mark a) LOCATION (essive), b) GOAL (lative), c) PATH (prolative). The paper deals with the puzzle of the meanings of the *la*-case and proposes the possible scenario of their diachronic development. This scenario suggests LOCATION+GOAL as an initial cluster of meanings and

PATH as the last stage of the semantic development of *-la*. This stage can be observed in Nanai, where the central function of *-la* is prolative whereas the other two are also attested. Thus, the data of Nanai which are considered in detail in the paper let us trace and explain the diachronic semantic shifts between the spatial meanings of the *la*-case on a micro level and to make some clarifications on the category of Prolative in a cross-linguistic perspective. The crucial notion for the polysemy of the *la*-case seems to be the CONTACT with the Trajector.

Ключевые слова: нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки, локативный падеж, эссив, латив, пролатив, падеж, грамматическая семантика

Keywords: Nanai, the Tungusic languages, locative case, essive, lative, prolative, category of case, grammar semantics

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Natalia M. Stoynova, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Лексика неживой природы в составе тюрко-монгольской языковой общности¹

1. Введение

Вопрос о тюрко-монгольских языковых связях далеко не нов. С XVIII в. он обсуждается в научной литературе в связи с гипотезой о генетическом родстве так называемых алтайских языков, в состав которых кроме тюркских и монгольских включались также тунгусо-маньчжурские языки. История алтаистических исследований имеет обширную научную литературу, посвященную различным аспектам данной гипотезы. Поскольку из языков алтайской семьи наибольшую близость показывали тюркские и монгольские языки, то их общность обычно составляла основу алтайской гипотезы. В связи с тем, что конкретного материала по тюркским и монгольским языкам в течение XVIII—XIX вв. и начала XX в. было недостаточно и в распоряжении ученых были в основном тюркские источники на арабской письменности и монгольские — на старописьменном монгольском языке, которые были далеки от живых конкретных тюркских и монгольских языков, то трудно было ожидать глубоких исследований этого вопроса. До сих пор как отечественная наука, так и мировая не в состоянии окончательно ответить на вопрос: существовал ли в действительности алтайский праязык или это миф, а языки обитателей Центральной Азии сблизались еще в глубокой древности в результате разнообразных контактов.

С конца XIX и начала XX в. ситуация в отношении изученности тюркских и монгольских языков стала существенно меняться, появилось множество исследований по грамматике и лексике различных живых тюркских и монгольских языков и их диалектов, что дало возможность по-новому освещать данную гипотезу. В мировой науке появились исследования таких крупных алтаистов, как Г. И. Рамstedт [Ramstedt 1952], В. Л. Котвич [Kotwicz 1953], Н. Поппе [Poppe 1960, 1965], Г. Дёрфер [Doerfer 1963] и М. Рясänen [Räsänen 1965], в российской науке — труды Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1911]. После опубликования в середине XX в. в переводе на русский язык ряда исследований зарубежных алтаистов в России стало возможным широко обсуждать алтайскую гипотезу. На русском языке были опубликованы и стали доступными широкой массе отечественных тюркологов и монголистов такие труды, как «Введение в алтайское языкознание» Г. И. Рамstedта [Рамstedт 1957], «Исследования по алтайским языкам» В. Л. Котвича [Котвич 1962] и монография М. Рясänen [Рясänen 1955], а также ряд других исследований. Из отечественных ученых этой проблемой занялись монголовед Г. Д. Санжеев [Санжеев 1947, 1973], тюркологи А. М. Щербак [Щербак 1959, 1960, 1966, 1977, 2005] и Н. А. Баскаков [Баскаков 1981].

В Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР был организован Сектор алтайских языков, сотрудники которого опубликовали результаты целого ряда исследований по истории тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков. Был поднят и стал разрабатываться вопрос о более тесном родстве тюркских и монгольских языков, о бытовании гипотетического тюрко-монгольского праязыка. В алтаистике стали прорабатываться две противоположные точки зрения на проблему родства не только одних тюркских и монгольских языков, но и родства этих языков с другими алтайскими языками. Так, например, некоторые ученые вслед за Г. И. Рамstedтом [Рамstedт 1957] считали, что все выявленные грамматические и лексические сходжения между алтайскими языками являются наследием общего алтайского праязыка. Другие же алтаисты, вслед за В. Л. Котвичем [Котвич 1962], приходят к убеждению, что алтайская грамматическая и лексическая общность во многом возникла в процессе исторического развития алтайских языков за счет разнообразных контактов этих языков и проникновения различных взаимных заимствований.

Из других отечественных исследований тюрко-монгольской проблемы следует упомянуть труды таких тюркологов, как С. Сыдыков [Сыдыков 1983] и Х. И. Суюнчев [Суюнчев 1977]. Долгое время для отечественных исследователей тюрко-монгольской языковой проблемы образцом служила статья Б. Я. Владимирцова «Турецкие элементы в монгольском языке», опубликованная в 1911 г. [Владимирцов 1911]. В связи с тюрко-монгольской языковой проблемой следует упомянуть также наши работы, посвященные истории сложения тюрко-монгольской языковой общности (исследование как тюркского

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-МИН ОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м).

влияния на лексику монгольских языков [Рассадин 2007], так и монгольского влияния на ряд тюркских языков [Рассадин 2008]), а также выявлению соотношений тюркских и монгольских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской лингвистической общности [Рассадин, Трофимова 2012]. Однако, несмотря на многочисленные разнообразные исследования проблемы взаимосвязей как тюркских и монгольских, так и вообще алтайских языков, они касались в основном фонетики и грамматики этих языков, а также отдельных сторон лексики, при этом лексика — самый яркий показатель алтайских языков — не подвергалась тотальному исследованию на предмет выявления всех общих лексических соответствий между этими языками. К настоящему моменту в отечественной науке появилось много новых исследований по лексике тюркских и монгольских языков, позволяющих провести исследования по выявлению тюрко-монгольской лексической общности на более высоком уровне. Со стороны тюрко-монгольских языков в распоряжении исследователей, помимо «Древнетюркского словаря» [ДТС 1969], появились несколько томов «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна и его последователей [Севортян 1974, 1978; ЭСТЯ 1989, 1997, 2003], а также «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика» [СИГТЯ 2001], кроме того, целый ряд новых и более полных словарей по многим тюркским языкам. Со стороны монгольских языков при выявлении общей тюрко-монгольской лексики, помимо общеизвестных словарей старописьменного монгольского языка, таких как «Монгольско-русско-французский словарь» О. М. Ковалевского в трех томах [Ковалевский 1844—1849], «Монгольско-русский словарь» К. Ф. Голстунского [Голстунский 1894—1898] и «Монгольско-английский словарь» Ф. Д. Лессинга [Lessing 1960], может оказать помощь также «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС 2001а, 2001б, 2001в, 2002], в котором приведены, помимо форм современного халхаского литературного языка, соответствующие слова старописьменного монгольского языка. В данной статье материал по бурятскому языку взят из «Бурятско-русского словаря» К. М. Черемисова [Черемисов 1973], а по калмыцкому языку — из «Калмыцко-русского словаря» [КРС 1977].

Таким образом, можно сказать, что появились новые возможности для сбора фактического сопоставительного материала по тюркским и монгольским языкам на предмет установления их лексической общности.

Предварительные исследования данного вопроса, проведенные нами, показывают, что здесь не все так просто и однозначно. Современные тюркские языки неоднородны в отношении наличия в них лексики, соотносимой с монгольской. Наибольшее количество лексики, имеющей соответствия в монгольских языках, представлено в сибирских тюркских языках, которые в силу исторических причин отражают наиболее тесные связи этих языков не только со средневековыми, но и в более позднее время с современными монгольскими языками и диалектами, а некоторые из этих языков продолжают взаимодействовать с монгольскими языками и в настоящее время. Так, наибольшее количество лексических заимствований из монгольских языков выявлено в якутском и тувинском языках. Немного меньше заимствований из монгольских языков представлено в алтайском, хакасском, шорском, тофаларском и сойотском языках, в языке чулымских тюрков и сибирских татар. Языки уйгуро-цаатанов и уйгуро-урянхайцев, а также казахов Монголии до сих пор продолжают оставаться в условиях тесных контактов с монгольскими языками, а язык сойотов Бурятии — с бурятским. Из тюркских языков других ареалов следует указать на киргизский и языки кыпчакской группы (казахский, каракалпакский и ногайский), также имеющие в своем лексическом составе множество заимствований из монгольских языков. Имеются монгольские заимствования и в языках татар, башкир, кумыков, карачаевцев и балкарцев. Не лишены монгольских заимствований и языки карлукской группы — узбекский и уйгурский. Причем языки уйгуров, живущих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, продолжают находиться в зоне непосредственных контактов с современными монгольскими языками, главным образом с языком ойратов. Наименьшее количество общей с монгольской лексики представлено в чувашском языке и в языках огузской группы — азербайджанском, турецком, туркменском и гагаузском. Причем, поскольку туркмены обитают в Средней Азии и исторически связаны как с кыпчакскими, так и с другими среднеазиатскими племенами, то в их языке представлено несколько больше монгольских заимствований, чем в других огузских языках. В языке памятников древнетюркской письменности, как можно судить по древнетюркскому словарю, представлено немало лексики, имеющей соответствия в монгольских языках, при этом детальное рассмотрение общей тюрко-монгольской лексики показало, что многие слова этой группы, представленные в монгольских языках, имеют надежную тюркскую этимологию; такие слова определенно могут быть отнесены к тюркским заимствованиям в монгольских языках, проникших в разные исторические периоды. Поскольку эти слова представлены как в языке древних памятников, так и в современных тюркских языках и носят общетюркский характер, то они свидетельствуют о более древних связях монгольских языков с тюркскими — происходивших задолго до XIII в., эпохи монгольской экспансии, когда усилилось влияние монгольских языков на тюркские.

С другой стороны, присутствие в некоторых тюркских языках ряда слов, этимологизируемых на почве монгольских языков, позволяет предположить их монгольское происхождение по определенным признакам, характеризующим эти слова; их проникновение в различные тюркские языки связано с влиянием монгольских языков в разные исторические периоды. В то же время имеется некоторое количество слов, четкой определенности относительно происхождения которых нет. В отношении семантики эта лексика неоднородна и представляет собой различные тематические группы, что свидетельствует о разнообразии жизненных ситуаций, приводивших к тюрко-монгольским языковым контактам. Исследование конкретных тематических групп лексики позволяет уточнить как характер того, каковы были те тюркские языки, из которых шли заимствования, так и характер местности, где могли происходить контакты тюркских и монгольских этносов.

2. Основная часть

В данном случае нас интересует лексика неживой природы, имеющая тюркские параллели, большинство из которых являются тюркскими по происхождению. Ниже мы рассмотрим эти слова несколько подробнее.

Монг. *ёртоңц* ‘мир, Вселенная, космос, мироздание; свет, природа’ (письм.-монг. *jirtinču*, бур. *юр-тэмсэ* ‘то же’) имеет древнетюркскую параллель *jirtinčü* с аналогичным значением ‘мир, Вселенная’. Поскольку эта лексема была представлена в древнеуйгурских текстах буддийского содержания, то она, по всей видимости, пришла в монгольский вместе с переводами уйгурских буддийских текстов на монгольский язык в период распространения буддизма среди ранних монгольских племен еще задолго до эпохи Чингисхана, т. е. примерно в VII—VIII вв. н. э., в период расцвета уйгурского каганата Центральной Азии.

Монг. *дэлхий* ‘мир, земля, свет, Вселенная’ (письм.-монг. *delekei*, бур. *дэлхы*, калм. *делкэ*) имеет очень ограниченное распространение в тюркских языках, главным образом в сибирских; ср., например: алт., шор. *телекей*, тув. *делегей*, — можно смело предполагать монгольское происхождение слова в этих языках.

Для монгольских языков характерно наличие большого количества ландшафтной лексики, имеющей тюркские соответствия, которые имеют явно тюркское происхождение. Во всяком случае, как сами эти слова, так и производящие их корни зафиксированы в древнетюркском языке.

Так, монг. *уул* ‘гора, горы, горный хребет’ (письм.-монг. *ayula*, бур. *уула*, калм. *уул* ‘то же’) не этимологизируется на монгольской почве, его архетип **ayula*, зафиксированный в старописьменном монгольском языке, можно попытаться проинтерпретировать как ламбдаирующий вариант древнетюркской словоформы *ayıř* ‘возвышение, подъем’, который восходит к древнетюркскому глаголу *ay=* ‘подниматься (вверх), восходить; подниматься на возвышение; вздыматься, приподниматься, подниматься’. Можно предположить, что от этого же глагола образовано и древнемонгольское слово *ayur* ‘пар’, зафиксированное старомонгольским письмом и давшее современное х.-монг. *уур* ‘пар, испарение, газы, воздух, атмосфера, дух, дыхание, климат’ (бур. *уур*, калм. *уур* ‘то же’), хотя его параллель и не представлена в древнетюркском языке.

Монг. *таг* ‘плато; плоская вершина горы’, зафиксированное в старой монгольской письменности как *taγ* со значением ‘горное плато; гора с плоской вершиной’, имеет древнетюркскую параллель *taγ* ‘гора’, широко распространенную во всех современных тюркских языках с тем же значением (о распространении данной лексемы в тюркских языках и ее исконности см. [СИГТЯ 2001: 94]); в других современных монгольских языках это слово не зафиксировано, поэтому можно смело предположить тюркское происхождение данной лексемы. В монгольском языке имеется слово *сарьдаг* ‘гора, покрытая вечным снегом; гольц’, которое в старописьменном монгольском языке фиксируется как *sariday* с тем же значением. Это слово представлено в бурятском языке в форме *харьдаг* и имеет значение ‘голец, безлесная горная вершина’. В Тункинском районе Бурятии среди Тункинского горного хребта имеется самая высокая, покрытая вечными снегами гора, которая называется *Мунхэ-Сарьдаг* (бур. *Мүнхэ-харьдаг*). Особенностью этого горного хребта является то, что вершины его сложены из горных пород желтого цвета, поэтому вполне понятно тюркское происхождение данного слова. Составные части монгольской лексемы *sariday* представлены двумя элементами — *sari* и *day*, — которые вполне можно интерпретировать как тюркские слова *sari* ‘желтый’ и *day* ‘гора’. Таким образом, получается, что монг. *sariday* изначально было тюркским *sariday* ‘желтая гора’, что оправдывается характерной особенностью данной реалии. Если обратиться к языкам древнетюркских памятников, где зафиксировано словосочетание *теңкү қаја* ‘вечная скала, памятник с письменами’ [ДТС 1969: 343], то становится вполне допустимым древнетюркское сочетание *теңкү sariday* ‘вечная желтая гора’, что как раз и дало бур. *Мунхэ-харьдаг*.

Монг. *хад* ‘скала, утес, каменная гора’ (письм.-монг. *qada*, бур. *хада* ‘то же’) можно сопоставить с древнетюркским *qaja* ‘скала’, которое широко распространено и в современных тюркских языках в том же значении (о распространении этого термина в тюркских языках и его предположительно монгольском происхождении см. [СИГТЯ 2001: 96]). Интервокальный *-j-* в данной тюркской словеформе вполне можно допустить как вариант в цепочке тюркских чередований *j/ð/з/p*, общеизвестной в системе тюркских языков в данной позиции. Ср., например: тюрк. *ajaq/adaq/azaq/ura* ‘нога’, только здесь в случае с *qaja* не вполне понятно, почему распространение получил именно вариант с *-j-*. Так, тувинский язык — это *ð*-язык, а ‘скала’ в нем называется *хая*, хакасский язык — это *з*-язык, а ‘скала’ в нем — тоже *хая*, как и *кая* в алтайском языке, который относится к *й*-языкам.

Монг. *хяр* ‘гребень (возвышенности), макушка, горная цепь, предгорье’ (бур. *хяра* ‘гребень горы’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *qir-a*, архетипом чего является **qira*, что вполне сопоставимо с др.-тюрк. *qir* ‘плоскогорье; плотина’ (о распространении в тюркских языках см. [СИГТЯ 2001: 95—96]). В современных тюркских языках *кыр* больше известно как ‘горы с остроконечными вершинами, горный хребет’.

Монг. *боом* ‘мыс, выдающаяся скала’ (бур. *боомо газар*, калм. *боомо hazр* ‘труднопроходимое место’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *boum* с тем же значением. Можно предположить, что это монгольское слово образовано от монгольского глагола *boyu* ‘заграждать, преграждать, отрезать дорогу, препятствовать’, который имеет еще значение ‘завязывать, обвязывать, обертывать, упаковывать’. Именно в этом втором значении данный монгольский глагол можно сопоставить с древнетюркским *boу=* ‘душить, сдавливать’. Возможно, от него происходит др.-тюрк. *boum/boyim* ‘узел, сустав, сочленение (у пальцев, тростника)’. Представленное же в некоторых сибирских тюркских языках слово *боом* ‘теснина, высокие горы по берегам горной реки, как бы сжимающие, стискивающие ее течение’ можно считать пришедшим из монгольского языка.

Монг. *булиш* ‘курган; могила, кладбище, погост, могильная насыпь’ (бур. *булаша* ‘могильник, курган, могила; кладбище’, калм. *бульш* ‘могила; склеп; кладбище’) зафиксировано в старомонгольском письменном языке как *bulaši* с тем же значением. Внутренняя форма этого слова явно состоит из компонентов *bula* и *ši*, где компонент *ši* не что иное, как обычный отглагольный словообразовательный общемонгольский аффикс, а компонент *bula* можно отождествлять с монгольским глаголом *bula* (совр. монг. *булах*, бур. *булаха* ‘закапывать, зарывать, засыпать’, калм. *булх* ‘засыпать, закапывать, зарывать, погребать’), имеющим значение ‘зарывать, засыпать, закапывать, забрасывать, закидывать’, что и заложено в семантике монг. *булиш*. Этот монгольский глагол может быть сопоставлен с др.-тюрк. *bula=* ‘парить, тушить (о пище)’. Если принять во внимание, что древние скотоводы-кочевники, каковыми были древние тюрки, равно как и монголы, широко практиковали приготовление тушеных мясных блюд, закапывая их в земле под костром, то становится понятным употребление этого тюркского глагола и при создании кургана, что происходило по всей вероятности уже в очень отдаленное время, когда древние тюрки господствовали в степях Центральной Азии.

Монг. *товон* ‘бугорок’ (бур. *добуун* ‘возвышенное место, холм, бугор; курган’, калм. *довун* ‘холмик, бугорок, возвышенное место’) зафиксировано в старописьменном монгольском языке как *tobung* с тем же значением. Его можно сопоставить с др.-тюрк. *törü* ‘темя, макушка; голова; вершина’: ср., например, др.-тюрк. *sumir tayniñ töpüsintä* ‘на вершине горы Сумеру’. Здесь явно видно, что значения монгольского и тюркского слов находятся в пределах одного семантического поля, хотя и несколько различаются.

Монг. *жалга* ‘овраг, балка, узкий лог, ложбинка, лощина; падь, ров; буерак; впадина’ (бур. *жалга* ‘лощина, ложбина; овраг, балка, лог, падь, ров’, калм. *жалг* ‘балка, лощина’) зафиксировано в старописьменном монгольском языке как *jily-a* с теми же значениями, архетипом чего может быть **jilya*. В составе этого слова прослеживаются два компонента: **jil* и *ya*. Если допустить, что *-ya* — словообразующий аффикс, то элемент **jil* не имеет объяснения на монгольской почве. Его можно сопоставить с тюркским глаголом *jil= /jil=*, который прослеживается, например, в др.-тюрк. *jilan* ‘змея’ и *jildiz* ‘корень’ и имеет значение ‘ползти, извиваясь’. С монг. *jily-a* можно сопоставить тат. *елга* и башк. *йылга* ‘река’, которые, в свою очередь, заимствованы из монгольского [ЭСТЯ 1989: 38]. Сходство значений монгольского и тюркского слов состоит в том, что внешне, визуально ‘овраг, лощина’ и ‘река (с ее руслом)’ представляют принципиально похожие объекты природы: овраги степной Монголии предстают в виде глубоких извилистых рытвин, по дну которых может течь, а может и не течь ручей; по сути дела, эти рытвины промыты либо дождевыми, либо вешними водами, поэтому очевидно их сходство с рекой.

Монг. *цэцэглэг* ‘цветник, сад’ (бур. *сэсэглиг* ‘цветущий’, калм. *цецегл* ‘цветник’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *ĉeĉeglig* ‘то же’. Данное слово состоит из двух компонентов — корня *ĉeĉeg* и аффикса *-lig*. Данный корень обозначает цветок и широко представлен в современных монгольских языках: х.-монг. *цэцэг*, бур. *сэсэг*, калм. *цецег* ‘цветок’. Оба монгольских компонента имеют тюркское про-

исхождение. Слово *чечек* широко распространено в современных тюркских языках и представлено в языке древнетюркских памятников в форме *čečäk* ‘цветок’, образованной от тюркского глагола *čeč=* (о распространении этого слова в тюркских языках и его тюркской этимологии см. [СИГТЯ 2001: 120—121]), зафиксированного в древнетюркском языке со значением ‘рассеиваться, распространяться’. Общеизвестен и тюркский аффикс *-liq/-lik*, при помощи которого в древнетюркском языке образовано слово *čečälik* ‘цветник’, явившееся прообразом письм.-монг. *čečeglig*. По всей вероятности, с этими же тюркскими компонентами связаны также монг. *цэцэрлэг* ‘сад; парник; цветник’ и бур. *сэсэрлиг* ‘цветник; клумба’.

Монг. *отор* ‘отгонное пастбище; выпас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весной; весенняя облава’ (бур. *отор* ‘летник, заимка; летняя ферма; дальше пастбище’, *оторлохо* ‘переезжать в летник со скотом’; калм. *отр* ‘отгонное пастбище’) дано в старомонгольской письменности как *otur* ‘то же’. Данное слово может быть сопоставлено с тюрк. *отар* ‘пастбище’ (о тюркском характере этого слова и его тюркской этимологии см. [Севортян 1974: 488]), образованным от ОТю **ot* ‘трава’ (о распространении этого слова в тюркских языках см. [Севортян 1974: 481; СИГТЯ 2001: 119—120]).

Монг. *цөл* ‘пустыня; пустынный, безлюдный’ (бур. *сүл* ‘пустынный’, *сүл газар*, *сүл гүби* ‘пустыня’; калм. *цөл* ‘пустыня’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *čöl* с тем же значением и может быть сопоставлено с др.-тюрк. *čöl* ‘пустыня’.

Монг. *ой* ‘лес (обычно на равнине)’ (бур. *ой* ‘лес’, калм. *өө* ‘лес’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *oj* ‘лес’. В древнетюркском языке ему соответствует слово *oj* ‘долина’ (о распространении этого слова в тюркских языках и его тюркском происхождении см. [Севортян 1974: 425]). Здесь несоответствие значения монгольской лексемы тюркской можно объяснить метафорическим переносом по смежности, поскольку в монгольском языке это слово относится к лесу, растущему обычно на равнине, в пойме рек, горный же лес называется другим словом.

Монг. *тайга* ‘тайга, дремучий лес’ (бур. *тайга*) зафиксировано в старомонгольской письменности как *tauγ-a* в том же значении. Во многих тюркских языках этому слову соответствует слово *тайга* либо со значением ‘густой дремучий лес, тайга’, либо со значением ‘горный лес’, как в сибирских тюркских языках. Пока трудно сказать что-либо определенное относительно происхождения этого слова, поскольку оно не было зафиксировано в языке древнетюркских памятников. Наличие же в монгольском языке слова *ховч* ‘горный лес’ позволяет все же высказать предположение, что лексема *тайга* могла прийти в монгольский и бурятский языки из тюркских.

Монг. *цавчлан* ‘просека в лесу’ (бур. *сабишалан* ‘покос’, калм. *чавч* ‘рубить; сечь’), зафиксированное в старомонгольской письменности как *čarčilan* в том же значении, образовано на монгольской почве при помощи аффикса от монгольского глагола *чабчи* ‘рубить’, который вполне может быть сопоставлен с др.-тюрк. *čar=* ‘рубить’, широко распространенным в тюркских языках.

Монг. *тариалан* ‘пашня, поле, нива, посев’ (бур. *таряалан* ‘пашня’, калм. *тэрлһн* ‘сев, посев; нива, поле, пашня’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *tarijalang* с тем же значением и имеет архетип в виде **tariyalang*, в котором прослеживаются компоненты **tariγ* и *-alang*. При этом компонент *-alang* представляет собой словообразовательный аффикс *-lang* и вставной гласный *-a*, употребляемый при наличии конечного согласного производящей основы. Компонент **tariγ* можно сопоставить с др.-тюрк. *tariγ* ‘зерно, злаки, хлеб; просо; земледелие, земледельство’, в генезисе которого лежит древнетюркский глагол *tari=* ‘сеять’.

Монг. *хиагт газар* ‘место, поросшее пыреем’ (бур. *хягта газар* ‘то же’) дано в старомонгольской письменности как *qijaytu γajar* с тем же значением. Компонент *qijaytu* имеет архетип **qijaytu*, который состоит из двух элементов **qijay* и *-tu*. Здесь *-tu* представляет собой общемонгольский аффикс с семантикой обладания каким-либо предметом, качеством, свойством. Компонент **qijay* представлен в современном монгольском языке в виде *хиаг*, в бурятском — как *хяг* со значением ‘пырей’, он есть не что иное, как заимствование тюркского слова — ПТю **kijyak* ‘осока, пырей’, представленного в некоторых современных тюркских языках (например, башк. *кыяк*, кирг. *кыяк* ‘пырей’) и образованного от тюркского глагола *кый=* ‘резать наискось’. Использование глагола с этой семантикой обусловлено той особенностью пырея, что он имеет острые, режущие края.

В состав ландшафтной лексики следует включить также **названия дорог, тропинок** и т. д.

Монг. *зөрөг* ‘тропа, тропинка; тропка, дорожка’ (бур. *зүргэ* ‘тропка, тропинка’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *jörig* с тем же значением. На монгольской почве это слово невозможно интерпретировать, в то же время его можно этимологизировать на тюркской почве и возвести к древнетюркскому глаголу *jürü- / jüri-* ‘ходить, двигаться’. С этим же тюркским глаголом связаны также монг. *зөрлөг* ‘разъезд; развилка; перекресток (дороги)’ (письм.-монг. *jörilge* ‘то же’) и *зөрөлт* ‘перекресток’ (письм.-монг. *jörilte* ‘то же’).

Монг. *бэлчир* ‘место слияния двух рек; перекресток (дорог); развилина’ (бур. *бэлиэр* ‘то же’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *belčir* в том же значении, архетип чего мы можем восстановить как **beltir*, поскольку в истории развития звукового строя монгольских языков слог **ti* переходил в *či* при заимствовании тюркских слов. Этому монгольскому слову в древнетюркском языке соответствует форма *beltir* ‘место слияния рек’, хорошо сохранившаяся в сибирских тюркских языках (о бытовании этого слова в тюркских языках см. [СИГТЯ 2001: 98]).

К области лексики неживой природы относятся также **названия почв, камней** и т. д.

Следует рассмотреть монг. *чулуу* ‘камень’ (бур. *шулуун*, калм. *чолун* ‘то же’), с которым якобы можно сопоставить чув. *чул* ‘камень’. Этимологический анализ показывает здесь сложную картину. Так, монгольское слово зафиксировано в старой письменности как *čilayun*, архетипом чего является **tilayun*: элемент *-un* здесь является аффиксом, оформляющим в монгольских языках именные основы, а **tilay* — корнем. Совр. чув. *чул* закономерно восходит к архетипу **тул*, что является болгарской ламбдаирующей формой тюркского слова *таш*. Здесь тюркский корневой гласный *-a-* закономерно заменен болгарским *-y-*. Если учесть, что камень является древнейшим материалом, из которого предки алтайских народов изготавливали свои орудия труда, то мы смело можем предположить, что в алтайских языках могли сохраниться его сходные названия, что мы и имеем. Так, в тунгусо-маньчжурских языках для названия камня употребляется слово *žолоу*, а в корейском языке — *tol*. Таким образом, выстраивается цепочка *taš / *tul / *tilay / žолоу / tol*, которая в какой-то мере свидетельствует о близости алтайских языков, относящейся к эпохе каменного века (о распространении слова *taš* в тюркских языках и его исконности см. [СИГТЯ 2001: 638]).

Монг. *билүү* ‘брусок, оселок, точило, точильный камень (мелкозернистый точильный камень)’ (бур. *булюу* ‘точило, точильный камень, брусок, оселок’, калм. *бүлү* ‘то же’) дано в старомонгольской письменности как *bilegüü*, что совпадает с архетипом. На монгольской почве это слово не этимологизируется. Его следует сопоставить с др.-тюрк. *bilägü* ‘точильный камень’, образованным от др.-тюрк. глагола *bilä* ‘точить’ (производного от др.-тюрк. *bi* ‘лезвие’). О распространении формы *биле* в тюркских языках и его тюркской этимологии см. [Севортян 1978: 142—143].

Монг. *хайрга* ‘гравий; галька, щебень; песчаное место; крупный точильный камень, точило, брусок’ (бур. *хайр* ‘галька, щебень, отмель, песчаная коса’, калм. *хэр* ‘мелкий, неглубокий (о воде)’) зафиксировано в старомонгольской письменности в виде *qajirγu* с тем же значением. Эта словоформа распадается на два элемента — аффикс *-γu* и корень *qajir*, который, как бур. *хайр* и калм. *хэр*, есть не что иное, как заимствованное древнетюркское слово *qajir* ‘песок’, сохранившееся в различных современных тюркских языках в виде *қайыр* со значением ‘песок, залежная земля, почва с галькой’ (о связи этих тюркских и монгольских словоформ и об их тюркском происхождении см. [ЭСТЯ 1997: 217; СИГТЯ 2001: 97]); от этого тюркского корня при помощи тюркского аффикса *-a* образован глагол *қайра* ‘точить на грубом камне’, давший производное существительное *қайрақ* ‘грубый точильный камень’ [ЭСТЯ 1997: 205; СИГТЯ 2001: 97].

Монг. *хюм* (устар.) ‘песок; песчаный’ (калм. *хум* (редк.) ‘песок, пыль’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *qom* (? *qum*) с тем же значением. Это слово явно соответствует др.-тюрк. *qum* ‘песок’, которое широко представлено и в современных тюркских языках [СИГТЯ 2001: 102]. Совр. монг. *хумаг* ‘земля; песчинка’, письм.-монг. *qumay* ‘то же’, монг. *хумхи* ‘песчинка, пылинка; мельчайшие частицы; молекула, атом; песчаный’, бур. *хумхи* ‘пыль; песчинка, пылинка’, а также письм.-монг. *qumaki* ‘то же’ восходят к варианту *qumak* этого же общетюркского корня [СИГТЯ 2001: 102].

Монг. *сайр* ‘галька, мелкий, хрупкий камень; дресва’ (калм. *сээр* ‘каменистое плато’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *sajir* с тем же значением. Его можно сопоставить с др.-тюрк. *saj* ‘каменистое место вулканического происхождения; пустынная равнина’, сохранившимся в ряде современных тюркских языков в значении ‘галечник, высохшее русло реки, покрытое галькой’ (о распространении этого исконного слова в тюркских языках см. [СИГТЯ 2001: 93]).

Монг. *тоос* ‘пыль’ (бур. *тооһон*, калм. *тоосн* ‘пыль; пылинка’) дано в старомонгольской письменности как *toγusun* ‘то же’, что совпадает с архетипом. В этой словоформе прослеживаются два компонента — *toγu* и *-sun*. Компонент *-sun* является общемонгольским аффиксом, оформляющим имена существительные не только монгольского происхождения, но и заимствованные, особенно из тюркских языков. Компонент *toγu* не этимологизируется на монгольской почве, но совпадает с др.-тюрк. *toγ* ‘пыль’ [ДТС 1969: 570]. При заимствовании к нему был добавлен с помощью вставного гласного *-u-* аффикс *-sun*, что и дало старомонгольскую словоформу *toγusun*.

Монг. *товрог* ‘прах, пыль, пепел, порошок’ (бур. *тоборог* ‘прах, пыль’, калм. *товрз* ‘пылинка’) представлено в старомонгольском языке в виде *toburay* с тем же значением. Данное слово может быть

сопоставлено с др.-тюрк. *topraq* ‘земля, прах, пыль’, которое является производным от древнетюркского глагола *topra=* ‘сохнуть, высыхать’ (о распространении этого слова в современных тюркских языках и его тюркской этимологии см. [СИГТЯ 2001: 99]).

Монг. *балчиг* ‘топь, трясины, болото, грязь, ил’ (бур. *балшаг* ‘грязь, тина, лужа’, калм. *бальчг* ‘слякоть, грязь’) дано в старомонгольском языке как *balčig* ‘то же’. Это слово не имеет этимологии на монгольской почве. Ему соответствует др.-тюрк. *balčiq*, которое зафиксировано в древнетюркском языке в составе парного слова *balčiq baliq* ‘ил и грязь’ (о распространении этого слова в тюркских языках см. [СИГТЯ 2001: 374—375]). Однокоренным с тюрк. *balčiq* является тюрк. *baliq / baluq* ‘город’, поскольку древние среднеазиатские города обычно строились из глины, то здесь явственно прослеживается ассоциативная семантическая связь между грязью и глиняным раствором. Кроме того, в некоторых современных тюркских языках имеется слово *балкаш / балхаш* ‘жидкая грязь’ (ср. название оз. Балхаш), которое образовано от того же корня **bal*, что и приведенные выше слова (о тюркском корне **bal* ‘глина, жидкая грязь’ см. [Севортян 1978: 59; СИГТЯ 2001: 374]).

Монг. *чийг* ‘сырость, влага, влажность’ (бур. *шииг* ‘сырость, влага, влажность’, калм. *чиигтэ* ‘сырой, влажный, мокрый’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *čigig* с тем же значением. Это слово можно сопоставить с др.-тюрк. *či* ‘роса; сырой, влажный’ и с др.-тюрк. *čiq=* ‘отсыревать, намочать’.

К этому же разряду лексики относятся **названия различных водных объектов.**

Монг. *далай* ‘море, океан’ (бур. *далай* ‘море, океан; большое озеро’, калм. *далэ / дала* ‘море, океан; много’) зафиксировано в старописьменном монгольском языке как *dalai* ‘то же’. Эта лексема сопоставляется с др.-тюрк. *talui* ‘океан, море’. В некоторых современных тюркских языках, главным образом в сибирских (например, в тувинском, тофаларском и сойотском), представлено слово *далай* ‘океан, море’, скорее всего, судя по фонетическому оформлению, являющееся монголизмом (о китайском происхождении тюркской словоформы *talui* см. [СИГТЯ 2001: 89]).

Монг. *тэнгис* ‘море’ (бур. *тэнгис* в сочетании *тэнгис далай* ‘море’, калм. *теңс* ‘то же’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *teŋgis* и может быть сопоставлено с др.-тюрк. *teŋgiz* ‘море’ (с оглушением конечного *-z*). Это общетюркское слово представлено в современных тюркских языках в различном звуковом оформлении, например: *тенгис / дениз / диңгез / тинес* и т. д. (о тюркском характере этого слова см. [СИГТЯ 2001: 89]).

Монг. *булаг* ‘родник, ключ, источник’ (бур. *булаг* ‘ключ, источник, родник’, калм. *булг* ‘ключ, источник’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *bulaγ* в том же значении и может быть сопоставлено с др.-тюрк. *bulaq* ‘родник, источник’. На монгольской почве это слово не этимологизируется, в то же время его можно сопоставить с общетюркским *bulut* ‘облако, туча’ и предположить происхождение этих тюркских слов от корня **bul=* с семантикой ‘вспучиваться’. Образы родника, бьющего ключом из-под земли, и клубящихся облаков, туч связаны с этой семантикой (о широком распространении слова *булак* по тюркским языкам и его тюркской этимологии см. [Севортян 1978: 262—264]).

Монг. *худаг* ‘колодец; яма’ (бур. *худаг* ‘колодец’, калм. *худг* ‘то же’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *quduγ* в том же значении. Это слово не этимологизируется на монгольской почве, но его можно сопоставить с др.-тюрк. *quduγ* ‘колодец’. Данное слово коррелирует со словоформами *quduγ* и *qujuγ* ‘колодец’, представленными в разных древних тюркских языках [ДТС 1969: 464]. Форма *quduγ* восходит к древнетюркскому *d*-языку, каковым был древнеуйгурский вместе с древнеогузским; эта форма образована от древнетюркского глагола *qud=* ‘лить’, который имеет в своей основе согласный *-d-*, чередующийся в тюркских языках с *-z-* / *-j-* / *-r-* (ср. др.-тюрк. *qud= / quj=* ‘лить’).

Монг. *адаг* ‘дельта, устье, низовье; место впадения’, имеющее также значения ‘конец, заключение; нижний; крайний, предельный; худший, негодный, плохой (по качеству)’ (бур. *адаг* ‘конец; устье; (перен.) последний, худший, плохой’, калм. *адг* ‘то же’), зафиксировано в старомонгольской письменности как *adag* с теми же значениями. Как и в случае с монг. *худаг*, эту лексему следует сопоставлять с др.-тюрк. *adaq* ‘нога; ножка; подставка; нижняя часть, основание; устье’, имеющим в своей основе согласный *-d-* на месте *-z-* / *-j-* / *-r-* в других тюркских языках. По данному признаку это слово можно определить как древнеуйгурское или как древнеогузское; ср. в других древних тюркских языках *adaq, ajaq* [ДТС 1969: 27] (о широком распространении этой лексемы в тюркских языках и ее исконном характере см. [Севортян 1974: 104—105]).

Монг. *олтриг* ‘архипелаг, остров, островок’ (бур. *олтирог* ‘то же’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *olturig* с тем же значением и может быть сопоставлено с др.-тюрк. *otruγ* ‘остров’.

К неживой природе относятся также **явления природы, стихии, погода, осадки, время, небесная сфера** и т. д. Рассмотрим монгольские термины, входящие в эту группу, несколько подробнее.

Монг. *оч* ‘искра’ (бур. *ошон*, калм. *очн* ‘то же’) в старомонгольской письменности зафиксировано как *očin* ‘то же’, что через форму **otin* восходит к архетипу **oiin*, который не имеет объяснения на монгольской почве. Однако это слово можно разложить на две составляющие — элемент *ot* и *in*; последний можно интерпретировать как показатель именных основ, присоединяемый и к заимствованным словам, а элемент *ot* — это не что иное, как заимствованное древнетюркское слово *ot* ‘огонь’. Это слово является общетюркским и повсеместно распространено во всех современных тюркских языках. Ассоциация летящих искр горящего костра с самим костром делает это предположение правдоподобным (о широком распространении этого слова в тюркских языках см. [Севортян 1974: 483—484]).

Монг. *заль* ‘пламя, блеск’ (бур. *сог зали* ‘пыль’, *зали түмэр* ‘шипцы для углей’; калм. *заль* ‘пламя’) зафиксировано в старомонгольской письменности в виде *jalın* ‘то же’, что имеет архетип **jalın*, который можно сопоставить с др.-тюрк. *jalın* ‘пламя’ (образовано от древнетюркского глагола *ja=l* ‘вспыхивать, воспламениться’). Это тюркское слово вошло в древний монгольский язык с начальным согласным *дж* вместо *й*, как это мы и наблюдаем в некоторых современных тюркских языках типа киргизского, казахского и отдельных сибирских (о широком бытовании этого слова в тюркских языках и его этимологии см. [ЭСТЯ 1989: 106—107]).

Монг. *цог* ‘горящий уголь; жар, тлеющие угли’ (бур. *сог* ‘тлеющий уголек’, калм. *цог* ‘жар’) зафиксировано в старомонгольской письменности в форме *çoy* ‘то же’, что интерпретируется как тюркизм: ср. др.-тюрк. *çoy* ‘блеск, сияние; пламя, жар’.

Монг. *салхин* ‘ветер’ (бур. *halxin*, калм. *салькн* ‘ветер’) зафиксировано в старомонгольской письменности в виде *salkın* ‘ветер’, что имеет архетип **salqın*. Этому слову соответствует в древнетюркском языке словоформа *salqım* ‘прохлада, холод’, встречающаяся в этом же значении также и в форме *salqın* в современных тюркских языках (о распространении этого слова по тюркским языкам см. [СИГТЯ 2001: 16]). Возможно, что лексема *салкын* ‘ветер’, бытующая в сибирских тюркских языках [СИГТЯ 2001: 43], возникла в них под монгольским влиянием. Здесь прослеживается метафорический перенос по смежности, поскольку в степной безлесной зоне холод и прохлада всегда связаны с ветром.

Монг. *бороо* ‘дождь’ (бур. *бороо* ‘дождь’, калм. *боран* ‘ненастье, непогода; дождь’) зафиксировано в старомонгольской письменности в форме *boruyan* ‘то же’. По форме это слово близко к тюркской словоформе *borayan*, которую Э. В. Севортян приводит для некоторых современных тюркских языков наряду с формой *boran* ‘буря, непогода; проливной дождь’ и предполагает в основе этих слов тюркский глагол *bora=* ‘мести, вздымать; сильно дуть; бушевать’, производный от тюрк. *bor* ‘буря’ [Севортян 1978: 189—191]. Хотя слова зафиксированы поздно, глагольная основа *bora-* ‘обильно идти (о снеге)’, встречающаяся в разных тюркских языках [СИГТЯ 2001: 45], не объясняется как заимствование из монг. и, скорее всего, может считаться источником монгольских форм.

Монг. *зад* ‘ненастье, непогода; колдовство, волшебство; способ колдовскими чарами вызвать ненастье’ (бур. *зада* ‘ненастье, непогода’, калм. *зад* ‘то же’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *jada* с тем же значением. Его источником может быть др.-тюрк. *jat* ‘колдовство, волшебство, связанное с вызыванием дождя и ветра’.

Монг. *зуд* ‘дзут, гололедица, бескормица’, *зуд турхан* ‘бескормица’ (бур. *зуд* ‘гололедица, бескормица от гололедицы’, калм. *зуд* ‘дзут, гололедица, бескормица’) в старомонгольском языке зафиксировано в форме *jud* ‘то же’, соответствующей др.-тюрк. *jut* ‘гололедица, вызывающая гибель животных’. Данная тюркская форма представлена в различных современных тюркских языках в виде *йут / джут / жут / чут* с этими же и подобными значениями, в [ЭСТЯ 1989: 256—257] утверждается тюркское происхождение этой монгольской словоформы.

Монг. *шуурга* ‘метель, пурга, буран; буря; ураган; вьюга; ураганный’ (бур. *шуурган* ‘буря’, калм. *шуурһн* ‘метель, буран, пурга’) в старомонгольской письменности зафиксировано как *šiyuryan* ‘то же’, что можно возвести к архетипу **šiyuryan*. Здесь прослеживаются два компонента — корень **šiyur* и суффикс *-yan*, который является монгольским словообразующим аффиксом. Компонент **šiyur* можно сопоставить с тюркским глаголом *šiyir=* ‘свистеть, раздаваться (о свисте)’, представленным в некоторых современных тюркских языках (о распространении этого слова в тюркских языках см. [ЭСТЯ 2003: 384—387]), например, в тофаларском, где есть глагол *сыгыр* ‘свистеть’, в генезисе которого лежит звукоподражательный корень *si* и аффикс *-yir / -kir*, образующий в тюркских языках глаголы от звукоподражательных корней. Образование названия метели, бурана, бури, пурги от глагола со значением ‘свистеть’ вполне оправдано тем, что буря всегда сопровождается свистом ветра, поэтому здесь прослеживается ассоциативная связь ‘свист ветра’ — ‘буря’.

Монг. *хяруу* ‘иней’ (бур. *хюруу*, калм. *күрү* ‘иней’) зафиксировано в старомонгольском языке в виде *kirayu* ‘иней’, архетипом чего является **qirayu*, явно соответствующее др.-тюрк. *qirayu* ‘иней, изморозь’.

Данная тюркская словоформа представлена во многих современных тюркских языках, для монгольских языков утверждается ее тюркское происхождение [СИГТЯ 2001: 36—37].

Монг. *харанхуй* ‘темнота; тьма, мрак’ (бур. *харанхы*, калм. *харңһу* ‘то же’) зафиксировано в старомонгольском языке в виде *qaranγui* ‘то же’, что соответствует др.-тюрк. *qaraγui* ‘то же’. Здесь монгольская и тюркская формы, вне всякого сомнения, образованы от тюрко-монгольского корня *qara* ‘черный’, широко распространенного как в монгольских, так и в тюркских языках (о распространении этого слова и его этимологии в связи с *qara* см. [ЭСТЯ 1997: 286—288, 299—301]).

Монг. *цаг* ‘время; период; час; часы’ (бур. *саг* ‘время, период’, калм. *цаг* ‘время, пора’) зафиксировано в старомонгольском языке как *čay* ‘то же’, что вполне сопоставимо с др.-тюрк. *čaq* ‘время, пора’. Данное слово широко распространено и в современных тюркских языках в том же значении (о распространении *čaq* в тюркских языках и его связи с монг. *čay* см. [СИГТЯ 2001: 67—68]). Вероятно, монгольское слово происходит из тюркского.

Монг. *жил* ‘год’ (бур. *жэл*, калм. *жил* ‘год’) зафиксировано в старомонгольском языке как *jil* ‘год’, что соответствует др.-тюрк. *jil* ‘год’. Данное слово широко представлено и в современных тюркских языках в виде *йыл* / *йил* / *ил* / *джил* / *жыл* / *чил* и т. д. (о распространении этого слова в тюркских языках и его тюркском характере в монгольском см. [ЭСТЯ 1989: 275; СИГТЯ 2001: 70—71]).

Монг. *тэнгэр* ‘небо, небеса, небесный свод’ (бур. *тэнгэри*, калм. *теңэр* ‘небо, небеса’) зафиксировано в старомонгольском языке как *tngrī* ‘то же’, что соответствует древнетюркской орфографии этого слова. В языке древнетюркских рунических памятников ему соответствует слово *tānri* ‘небо; бог, божество; божественный; повелитель, господин’, которое представлено и во многих современных тюркских языках то со значением ‘небо’, то со значением ‘божество’; есть также предположение о его происхождении от древнетюркского глагола *teŋ* = ‘возвышаться, подниматься, взлетать’ [СИГТЯ 2001: 59], хотя у тюркских народов с мусульманской религией оно вытеснено словом *асман* ‘небо’.

Монг. *цолмон* ‘Венера’ (бур. *Солбон* ‘Венера’) зафиксировано в старомонгольской письменности как *čolmon* ‘Венера’, что совпадает с тюрк. *čolpan* ‘Венера’, которое представлено и во многих современных тюркских языках (о его распространении в тюркских языках и его тюркском происхождении см. [СИГТЯ 2001: 50—51]).

3. Выводы

Рассмотренные выше монгольские термины неживой природы, имеющие тюркские параллели, главным образом в древнетюркском языке, памятники которого на много веков древнее, чем памятники старомонгольского письменного языка, говорят о том, что эти термины довольно давно бытуют в монгольских языках — задолго до распада монгольской этнической общности и образования бурятского, халха-монгольского и ойратского ареалов. Тюркские этимологии в большинстве случаев позволяют с уверенностью предполагать тюркское происхождение этих монгольских терминов, характеризующих данную местность, ее ландшафтные особенности, характер почв, своеобразие климата, атмосферных явлений, небесной сферы и т. д. Поскольку эти термины имеют явную тюркскую этимологию, то это свидетельствует об исконности и о вхождении в лексическую систему монгольского языка целого пласта тюркских слов, относящихся, по всей видимости, к языку-субстрату, легшему в основу того монгольского языка, который пришел на смену языку местных тюрков. Подобные процессы смешения тюркских и монгольских этносов, повлекшие за собой смешение тюркских и монгольских языков, происходили, по всей вероятности, неоднократно на всем протяжении исторического развития тюркских и монгольских народов.

Таким образом, данная лексико-семантическая группа, включающая множество явно тюркских по происхождению слов, свидетельствует о сложном составе лексики современных монгольских языков и о ее гибридном характере.

Сокращения

Языки и диалекты

алт. — алтайский	др.-тюрк. — древнетюркский
башк. — башкирский	калм. — калмыцкий
бур. — бурятский	кирг. — киргизский

монг. — монгольские	тув. — тувинский
ОТю — общетюркский	тюрк. — тюркские
письм.-монг. — старописьменный монгольский	х.-монг. — халха-монгольский
ПТю — пратюркский	чув. — чувашский
тат. — татарский	шор. — шорский

Общие

перен. — переносное значение	совр. — современный
редк. — редкое	устар. — устаревшее

Литература

- БАМРС 2001a — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I. А—Г / Ред. Пюрбеев Г. Ц. М., 2001. {The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. I. A—G / Ed. P'urbeev G. Ts. M., 2001.}
- БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. II. Д—О / Ред. Пюрбеев Г. Ц. М., 2001. {The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. II. D—O / Ed. P'urbeev G. Ts. M., 2001.}
- БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. III. Ё—Ф / Ред. Пюрбеев Г. Ц. М., 2001. {The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. III. Ö—F / Ed. P'urbeev G. Ts. M., 2001.}
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. IV. Х—Я / Ред. Пюрбеев Г. Ц. М., 2002. {The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. IV. H—Ja / Ed. P'urbeev G. Ts. M., 2002.}
- Баскаков 1981 — Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. {Baskakov N. A. Altaic language family and its studies. M., 1981.}
- Владимирцов 1911 — Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного Отделения ИРАО. Т. XX. Вып. II—III. СПб., 1911. С. 153—184. {Vladimirtsov B. Ja. Turkish elements in the Mongolian language // Proceedings of the IRAS Oriental Department. Vol. XX. Is. II—III. SPb., 1911. P. 153—184.}
- Голстунский 1894—1898 — Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. Т. I—IV. СПб., 1894—1898. {Golstunskij K. F. Mongolian-Russian dictionary. Vol. I—IV. SPb., 1894—1898.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Шчербак А. М. Л., 1969. {Old Turkic dictionary / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. L., 1969.}
- Ковалевский 1844—1849 — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I—III. Казань, 1844—1849. {Kovalevskij O. M. Mongolian-Russian-French dictionary. Vol. I—III. Kazan', 1844—1849.}
- Котвич 1962 — Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам. Пер. с польского языка. М., 1962. {Kotvich V. L. Studies in Altaic languages. Transl. from Polish. M., 1962.}
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / Ред. Муниев Б. Д. М., 1977. {Kalmyk-Russian dictionary / Ed. Muniev B. D. M., 1977.}
- Рамстедт 1957 — Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957. {Ramstedt G. I. Introduction to Altaic linguistics: Morphology. M., 1957.}
- Рассадин 2007 — Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007. {Rassadin V. I. Essays in history of the composition of the Turkic-Mongolian linguistic community. Part I. Turkic influence on Mongolian languages' vocabulary. Elista, 2007.}
- Рассадин 2008 — Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста, 2008. {Rassadin V. I. Essays in history of the composition of the Turkic-Mongolian linguistic community. Part II. Mongolian influence on Turkic languages' vocabulary. Elista, 2008.}
- Рассадин, Трофимова 2012 — Рассадин В. И., Трофимова С. М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста, 2012. {Rassadin V. I., Trofimova S. M. On the correspondence of Mongolian and Turkic grammatical elements in the Turkic-Mongolian linguistic community. Elista, 2012.}
- Рясянен 1955 — Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. {R'as'anen M. Materials in historical phonetics of Turkic languages. M., 1955.}
- Санжеев 1947 — Санжеев Г. Д. К тюрко-монгольской лингвистической проблеме // Труды Московского института востоковедения. 1947, 4. С. 66—69. {Sanzheev G. D. On account of the Turkic-Mongolian linguistic problem // Proceedings of the Moscow Institute of Oriental Studies. 1947, 4. P. 66—69.}
- Санжеев 1973 — Санжеев Г. Д. О тюрко-монгольских лингвистических параллелях // Советская тюркология. 1973, 6. С. 73—78. {Sanzheev G. D. On account of Turkic-Mongolian linguistic parallels // Soviet Turkology. 1973, 6. P. 73—78.}

Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevortian E. V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels. Moscow, 1974.}

Севортян 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. {*Sevortian E. V.* Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letter 'B'. Moscow, 1978.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2001. {*Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Syntax* / Ed. *Tenishev E. R.* М., 2001.}

Суюнчев 1977 — *Суюнчев Х. И.* Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977. {*Sujunchev H. I.* Karachay-Balkar and Mongolian lexical parallels. Cherkessk, 1977.}

Сыдыков 1983 — *Сыдыков С.* Монголо-тюркские лексические параллели. Фрунзе, 1983. {*Sydykov S.* Mongolian-Turkic lexical parallels. Frunze, 1983.}

Черемисов 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973. {*Cheremisov K. M.* Buryat-Russian dictionary. М., 1973.}

Щербак 1959 — *Щербак А. М.* Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. 1959, 6. С. 51—63. {*Shcherbak A. M.* On account of Altaic hypothesis in linguistics // *Issues in linguistics*. 1959, 6. P. 51—63.}

Щербак 1960 — *Щербак А. М.* О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). М., 1960. {*Shcherbak A. M.* On account of linguistic parallels research methods (considering the Altaic hypothesis). М., 1960.}

Щербак 1966 — *Щербак А. М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966, 3. С. 21—35. {*Shcherbak A. M.* On account of lexical interrelations' character in Turkic, Mongolian and Manchu-Tungus languages // *Issues in linguistics*. 1966, 3. P. 21—35.}

Щербак 1977 — *Щербак А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII—XIV вв.). СПб., 1977. {*Shcherbak A. M.* Early Turkic-Mongolian language relations (8th — 14th centuries). SPb., 1977.}

Щербак 2005 — *Щербак А. М.* Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005. {*Shcherbak A. M.* Turkic-Mongolian language contacts in the history of Mongolian languages. SPb., 2005.}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж» и «Й» / Отв. ред. *Левитская Л. С.* М., 1989. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters 'Ж', 'Zh', 'Y'* / Authors of dictionary entries *Sevortian E. V., Levitskaja L. S., M., 1989.*}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. ст. *Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.* Отв. ред. *Благова Г. Ф.* М., 1997. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters 'K', 'Q'* / Authors of dictionary entries *Levitskaja L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I.* / Ed. *Blagova G. F.* М., 1997.}

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Отв. ред. *Дыбо А. В.* М., 2003. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems starting with letters «L», «M», «N», «P», «S»* / Ed. *Dybo A. V.* М., 2003.}

Doerfer 1963 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1. Wiesbaden, 1963.

Kotwicz 1953 — *Kotwicz W.* Rocznik orientalistyczny. T. XVI. Krakow, 1953.

Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. Berkley—Los Angeles, 1960.

Poppe 1960 — *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Teil 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.

Poppe 1965 — *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.

Ramstedt 1952 — *Ramstedt G. J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II: Formenlehre. Helsinki, 1952.

Räsänen 1965 — *Räsänen M.* Über die ural-altaische Sprachwissenschaft. Helsinki, 1965.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблеме общности тюркских и монгольских языков в области лексики, для конкретного рассмотрения в ней привлечен пласт лексики, обозначающей неживую природу. Из этой тематической группы для исследования привлечены рубрики, посвященные ландшафтной лексике, различным типам почв, водным объектам, атмосферным явлениям, небесной сфере и т. д. Анализу подвергнут материал главным образом халха-монгольского и старописьменного монгольского языков, данные бурятского и калмыцкого языков привлекались тогда, когда они были представлены в этих языках. Для сравнения был привлечен материал преимущественно древнетюркского языка, наличие сходных слов в котором уже само по себе свидетельствует о т. н. тюрко-монгольской лексической общности. Анализ внутренней формы выявленных общих лексем в большинстве случаев позволил установить их

тюркское происхождение, что подкрепляется широким распространением этих лексем в тюркских языках и признанием тюркологами их тюркского происхождения. Наличие большого количества общей лексики, происхождение которой определяется как тюркское, свидетельствует о неоднократных древних контактах монгольских языков с тюркскими, происходивших в исторической ретроспективе, что привело к гибридизации монгольской лексики.

SUMMARY

The article is devoted to the affinity of the Turkic and Mongolic languages in vocabulary, the author deals with the words denoting phenomena of inanimate nature. The author analyses the landscape vocabulary, the names of different types of soil, water objects, atmospheric phenomena, the celestial spheres etc. The data of the Khalkha Mongolian and Old Written Mongolian languages are studied in the first place, the data of Buryat and Kalmyk are used when they exist in these languages. The data of the Old Turkic language were compared with the Mongolic ones, and presence of similar words says about the Turko-Mongolic lexical affinity. In most cases analysis of the common words allows to establish their Turkic origin. The large number of common words, which origin is identified as Turkic, indicates numerous ancient contacts between the Turkic and Mongolic languages, which led to the hybridisation of the Mongolic lexicon.

Ключевые слова: тюрко-монгольская лексическая общность, лексика неживой природы, ландшафтная лексика, названия видов почв, названия водных объектов, термины атмосферных явлений, термины небесной сферы, языковые контакты, гибридизация лексики

Keywords: the Turko-Mongolic lexical affinity, names of inanimate nature phenomema, landscape vocabulary, names of soil types, names of water objects, terms for atmospheric phenomena, terms for the celestial spheres, language contacts, lexicon hybridisation

Рассадин Валентин Иванович, Калмыцкий государственный университет (Элиста); rassadin17@mail.ru

Valentin I. Rassadin, Kalmyk State University (Elista); rassadin17@mail.ru

**Методы сравнительно-исторического языкознания,
алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи
(реплика на статью В. И. Рассадина)**

Алтаистика как область сравнительно-исторического языкознания, к огромному сожалению тех, кто ею активно занимается, остается малоизвестной широким кругам лингвистов разных поколений. Сказанное относится буквально ко всем, от студентов до профессоров, что досаднее всего — об алтаистике мало осведомлены даже многие исследователи языков, включаемых в алтайскую семью: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского. Это положение не меняется даже теми обстоятельствами, что в алтаистике после долгого периода ожиданий, длившегося несколько десятилетий, в 1990-е—2000-е гг. канул в Лету открытый скепсис и противодействие идеям генетического родства алтайских языков.

Польский лингвист Марек Стаховский в своей проблемной статье представил периодизацию соотношения алтаистических и «контралтаистических» идей в следующем виде: до 1960-х гг. — прогресс в алтаистике, с 1960-х до 2003 г. — преобладание «контралтаистов» (автор называет их «антиалтаистами»), с 2003 г. — «алтаистический вакуум» [Stachowski 2012: 263]. Собственно говоря, после 2003 г. «вакуум» характерен для европейской алтаистики, в России же в этой области были достигнуты явные успехи — в первую очередь это заслуга московской алтаистической школы, представители которой подготовили этимологический словарь алтайских языков [EDAL 2003]. Проблема здесь заключена не столько в специфике материала, который представляют алтайские языки для сравнительно-исторических исследований, и ни в коем случае не в своеобразии строя или истории алтайских языков, и даже не в длительности дискуссии об алтайской проблеме в отечественном и мировом языкознании — эта проблема кроется в какой-то особой и непонятной логике эволюции сравнительно-исторического языкознания в приложении к тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, а также, похоже, и в целом в логике компаративистики за пределами индоевропейских языков, по крайней мере в российском языкознании.

Странно, что, как уже было отмечено выше, в представлениях генеалогической классификации языков мира, которая некогда была обязательным элементом содержания курсов по введению в языкознание и общему языкознанию, систематика алтайских языков остается без должного внимания. Изучая разделы по компаративистике в курсах введения в языкознание и общего языкознания с 1960-х гг. вплоть до настоящего времени, мы в ряду перечислений семей языков практически не находим упоминаний об алтайской семье языков. Строго научная и вполне современная классификация алтайских языков, в том числе достаточно непротиворечивая классификация тюркских и тунгусо-маньчжурских языков по подгруппам, присутствует в книге А. А. Реформатского «Введение в языковедение» [Реформатский 1996: 224—226]. Впрочем, в последнем издании этого весьма популярного издания имеется примечание, принадлежащее В. А. Виноградову: «Ряд ученых придерживается мнения о возможном далеком родстве трех языковых семей — тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, образующих алтайскую макросемью. Однако в принятом употреблении термин “алтайские языки” означает скорее условное объединение, нежели генетическую группировку» [Реформатский 1996: 224]. Приятными исключениями оказываются также учебники Р. А. Будагова [Будагов 2002: 516—517] и Т. И. Вендиной [Вендина 2001: 277], где классификация языков алтайской семьи не содержит скептических оговорок. Логическим завершением определенного этапа в компаративистической лингводидактике стало появление учебников по компаративистике С. А. Бурлак и С. А. Старостина [Бурлак, Старостин 2001; Бурлак, Старостин 2005]. Эти авторы справедливо замечают: «Существование алтайской семьи вызывает — в том числе у тех, кто не знаком с алтайским языковым материалом, — сомнения, поскольку не все специалисты по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам согласны с тем, что алтайские языки родственны друг другу. В то же время, например, гораздо слабее разработанная гипотеза о единстве афразийских языков является фактически общепризнанной» [Бурлак, Старостин 2005: 10].

В пяти книгах серии, посвященной сравнительно-историческому изучению языков разных семей, которая увидела свет на рубеже 1980-х—1990-х гг., отдельные главы, которые были бы посвящены алтаистике, также, к большой нашей досаде, отсутствуют. В статье о тюркских языках отмечается полезность данных алтайских языков для верификации реконструкции [СИИЯРС 1989: 209] — этот тезис имеет исключительное значение как для тюркологии, так и для алтаистики, поскольку «контралтаистические» тюркские реконструкции не верифицируются вообще никак. В то же время в статье о монгольских язы-

ках в этой же книге алтаистика как научное направление, связанное с изучением их истории, не упоминается вообще. И. В. Кормушин в своей статье о тунгусо-маньчжурских языках, помещенной в другом томе этого издания, упоминает проблемы родства алтайских языков в основном в плане истории науки [СИИЯРС 1982: 155—156]. Тем не менее в многотомном издании «Языки мира» в томе, посвященном тюркским языкам, присутствует исключительно содержательная статья Э. Р. Тенишева, не только освещающая теоретические вопросы, но и содержащая большое количество фактического материала [Тенишев 1996: 7—16].

Общее положение в алтаистике до сих пор во многом определяется наследием предыдущих десятилетий — состоянием сравнительно-исторической и описательной тюркологии, монголоведения и тунгусо-маньчжурского языкознания 1950-х—1990-х гг. К этому добавляется непонятная читаемость монографий и отдельных статей, в которых выражается скептический тон в отношении идеи о родстве алтайских языков, популярной для лингвистики середины XIX — начала XX в. (о ней см. [Насилов 1974, 1977а, 1977б, 1978, 1979]), и теории генетического родства алтайских языков, разрабатывавшейся во второй половине XX в. [Проблема общности 1971; Очерки сравнительной лексикологии 1972; Очерки сравнительной морфологии 1978; Исследования в области этимологии 1979; Алтайские этимологии 1984].

Определенную популярность в науке, в особенности в тюркологии и в монголоведении, получила идея о происхождении алтайской общности в результате тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурских контактов трех языковых групп, родство между которыми изначально отсутствовало; это мнение приписывается В. Л. Котвичу, однако, как оказалось, без достаточных оснований [Бурыкин 2015].

Проанализировав часть примеров, приведенных в книге В. Л. Котвича, мы обратимся к выводам автора. Обратим внимание на ряд пассажей заключения, подводящего итоги исследований автора и дающего основания для обобщений, которые делались его последователями: «Еще за несколько веков до нашей эры к северу от современного Китая обитали три группы племен, говоривших на разных, но близких по своему характеру языках. Этими группами были: тюркская и монгольская в степях современной Монголии и окружающих их с севера лесах, а также тунгусская в бассейне Амура и в Восточной Сибири. Горы Хингана и озеро Байкал представляли собой, вероятно, границу между первыми двумя группами, с одной стороны, и третьей — с другой. Языки этих этнических групп были уже тогда достаточно разграничены (...)» [Котвич 1962: 345].

Первый вопрос: что значит «говоривших на разных, но близких по своему характеру языках»? Значит ли это, что эти языки были *генетически неродственными*, или данную фразу надо понимать как то, что накануне новой эры эти языки были *уже самостоятельными*? Определенного ответа на этот вопрос у автора, видимо, не было, что и надлежит записать в историографии алтаистики — сам автор дает нам немало поводов для того, чтобы не видеть в нем противника ортодоксальной алтайской теории.

Далее В. Л. Котвич пишет: «При всех указанных условиях вопрос об общем алтайском языке, из которого будто бы выделились отдельные языковые семьи, ставится под сомнение. Во всяком случае, существование этого общего языка следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, *не менее чем к началу первого тысячелетия до нашей эры* (курсив мой. — А. Б.). В эпоху гуннов (начиная с III—IV веков до нашей эры) уже существовали совершенно обособленные тюркский, монгольский и тунгусский языки с различными словарным фондом и морфологией, близкие друг другу только типологически, то есть в основном только с синтаксической точки зрения» [Котвич 1962: 351].

Второй вопрос: каковы основания причислять В. Л. Котвича к скептикам, отрицающим генетическое родство алтайских языков, если это родство «следовало бы относить к очень отдаленному прошлому» (при авторском указании на дату его вероятного распада)? Ведь в тексте книги В. Л. Котвича есть точная дата, вовсе не пугающая современного компаративиста, — начало I тысячелетия до н. э. или 3000—3100 лет в цифрах, к которым приучила нас современная глоттохронология, пусть они и гипотетические. Эти цифры, как было ясно и во времена В. Л. Котвича, не дают повода отрицать факт генетического родства алтайских языков. Укажем, что С. А. Старостин был склонен датировать время дивергенции алтайской семьи VI тысячелетием до н. э. [Старостин 1991: 99]. При всей методологической эпатажности такой цифры, хотя она всего-навсего демонстрирует нам возможности современного сравнительно-исторического языкознания, мы должны отметить, что модификации фонетических соответствий, которые должны приводить к увеличению числа лексических сходств, в том числе значимых для глоттохронологии, уведут время распада алтайской языковой семьи в сторону, более близкую к нам, а не более далекую от нас, что также необходимо иметь в виду.

О морфологии алтайских языков В. Л. Котвич пишет так: «(...) на основе существующего, очень неполного материала (sic! — А. Б.) можно вообще полагать, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и 50% морфологических элементов, общих с тюркскими; в тунгусском чуждых (монгольских и тюркских) лексических элементов имеется, по-видимому, не более 10%, а морфологических око-

ло 5%. (...) Можно ли исходя из этих данных говорить о существовании особой алтайской языковой семьи? На этот вопрос следует отвечать утвердительно. Однако ее основу составляют не генетические связи, а типологическое сходство, которое объясняется тем, что тюркские, монгольские и тунгусские языки идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями» [Котвич 1962: 351—352].

Эта статистика В. Л. Котвича приводилась в скептических по характеру работах не один раз. Никто из читающих книгу В. Л. Котвича не замечал, что в предыдущих, предшествующих описанию словоизменительной морфологии и словообразованию, главах, он пользуется относительно строгим сравнительно-историческим методом, предполагающим формальные дивергенции слов и морфем. Но в морфологических параграфах сравнительно-исторический метод и соответствующие приемы уступают место чистому сопоставлению полностью сходных морфем, на чем и основывается приводимая статистика (повторим: на основе «очень неполного материала»), и тут трудно ожидать другого результата, потому что фонетически различающиеся в разных группах языков, но с большой вероятностью тождественные морфемы в поле зрения В. Л. Котвича просто не попадают. Кстати, именно сопоставление тождественного или «похожего» языкового материала лежит в основе известных и часто упоминаемых работ А. М. Щербака [Щербак 1966, 1968]. Огорчительно, что такой подход к проблематике сохраняется и в новейших работах [Рассадин, Трофимова 2012] — впрочем, эти авторы осмысленно могли ставить себе цель исследовать заведомо контактные связи в морфологии монгольских и тюркских языков.

Мы не беремся обсуждать в настоящей публикации работы таких противников родства алтайских языков, как А. М. Щербак или Г. Дерфер, — тех, кого уже стало принято называть «контралтаистами» (антиалтаистами признаются те, кто отрицает наличие алтайской семьи языков, но не отрицает принадлежности отдельных групп алтайских языков к единой макросемье — ностратической). В публикациях названных авторов генетическое родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков отрицается без какой-либо альтернативы в виде утверждений о родственных связях этих языков за пределами предполагаемой их оппонентами алтайской семьи. Такая позиция порочна уже вследствие того, что групповые реконструкции тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, представленные в трудах этих авторов (у А. М. Щербака для тюркских языков представляется собственная реконструкция [Щербак 1970], не получившая признания даже в тюркологии из-за недостатка материала и ряда ошибок), превращаются в догму, а сами авторы таких трудов по существу налагают мораторий на модификации групповых реконструкций по принципу «как бы чего не вышло» (т. е. как бы поправки к реконструкциям не привели к обоснованию родства алтайских языков), и в особенности — мораторий на дальнейшие исследования истории тюркских языков. Нет нужды говорить о том, что методические приемы опровержения родства алтайских языков, равно как и критерии родства языков, в работах Г. Дерфера и А. М. Щербака не выдерживают критики: с их помощью, к примеру, можно опровергнуть родство таких языков, как немецкий и английский, не говоря уже о языках-представителях разных групп индоевропейской семьи. Не случайно, что обращение индоевропейцев к алтаистике, диктуемое логикой и общими тенденциями в сравнительно-историческом языкознании [Герценберг 1971], обернулось переполохом среди «контралтаистов» [Дерфер 1972], которые так и не предложили своего метода или какого-либо нового метода изучения истории алтайских языков, кроме предлагаемого по умолчанию положения о том, что родство — это сходство, а это, мы знаем, далеко не обязательно.

Совершенно ясно, что типологические сходства в фонетике и грамматике не доказывают генетического родства языков, а типологические различия между языками и языковыми группами не опровергают этого родства. Обращение к «базисной лексике» как критерию родства имеет следствием эрудитскую игру компаративистов в то, кто найдет больше примеров на явные заимствования «базисной лексики» или на ее замены в разных группах языков, особенно на неиндоевропейском материале. Эта игра, весьма конструктивная в методическом плане и дающая исследователям своего рода «антифреквенталии» в истории языков, полностью дискредитировала само понятие «базисной лексики» в компаративистике. Общность морфологической типологии в свое время ничего позитивного не дала алтайской теории, ныне она используется как инструмент критики имеющихся построений; однако этот «метод» разваливается в пыль при указании хотя бы на такие языковые группы, как славянские или германские языки, не говоря об отношении тунгусских и маньчжурского языков.

Аргументы против идеи генетического родства алтайских языков, преподносимые ее противниками тюркологами и монголоведами по крайней мере двух поколений, близки методам сопоставительного или контрастивного языкознания, но не имеют ничего общего с теорией сравнительно-исторического языкознания. Лингвистическая компаративистика по своей методике — это не поиски сходно звучащих слов и морфем, это наука о доказательствах того, что в современных языках существенно различается, но восходит к общим праформам, это не отыскание сходств, а доказательства тождества того, что внешне различается; если привлекать знаменитые примеры А. Мейе, это не выявление сходства русского *два* и ла-

тинского *duo*, а строгое доказательство исторического тождества латинского *duo* и армянского *erku* [Мейе 2010: 9]¹.

Несомненно и бесспорно, что самым сильным аргументом против «ортодоксальной алтаистики» было бы доказательство альтернативного родства хотя бы какой-либо из групп алтайских языков. А. М. Щербак даже написал обзорную статью о поисках отдаленных связей тюркских языков [Щербак 1989], не столько пытаясь обобщить достижения в этой области, сколько стремясь завести своих читателей в тупик в поисках родства тюркских языков с другими алтайскими языками. Однако, поскольку достаточно давно стал очевидным факт, что поиски родства тюркских языков на американском континенте и в древнейших культурах Европы и Передней Азии даже не граничат с абсурдом, а представляют его в чистом виде, обращение к данному материалу выглядит для современного исследователя не более, чем оригинальным полемическим приемом: «Ни о генетических, ни о контактных связях тюркских языков с этрусским языком, индейскими языками Америки или несемитскими языками Передней Азии в настоящее время *нельзя сказать ничего определенного*» [Щербак 1989: 160] (курсив наш. — А. Б.)². Там же автор повторяет свой известный тезис об отсутствии родства между алтайскими языками.

Такие же решения для проблем родства языков или его отсутствия предлагаются в теории сравнительно-исторического языкознания уже более 100 лет. В. К. Поржезинский писал, что армянский язык ввиду наличия в нем многочисленных иранских заимствований причислялся к иранской группе языков, пока иранские заимствования в нем не были выявлены и не открылась возможность признать, что армянский язык составляет особую группу индоевропейских языков [Поржезинский 1913: 37]. Таким образом, **аргументом против родства языка с той или иной группой языков является только обоснование принадлежности данного языка к какой-то другой группе языков или обоснование его особого положения в рамках языковой семьи** как более крупной таксономической единицы лингвистической компаративистики. Такие ситуации, когда в состоянии контактов находятся два или более изолированных языка, на земном шаре отсутствуют со стопроцентной достоверностью на континентах и почти со стопроцентной — на островах³.

¹А. М. Щербак (1926—2008), будучи хорошо знаком с ситуацией в отечественной тюркологии и монголоведении, в особенности в республиках РСФСР и бывшего СССР, строил свою аргументацию против алтайской теории так, чтобы она была доступна и понятна тем его коллегам, которые недалеко отошли от уровня обычных носителей этих языков, осознающих, какие языки им понятны (родственные), а какие непонятны (неродственные). Почти все его аргументы не выдерживали критики с позиций индоевропейского языкознания. Не случайно его главными оппонентами оказались лингвисты младшего поколения со специальной подготовкой в области компаративистики.

² Не заслуживает серьезного внимания статья Р. Р. Байтасова [Байтасов 2014], опровергающая родство алтайских языков с позиций новых направлений генетики и неведь кем выдуманных критериев определения языкового родства, распространяемых на дилетантских форумах сети «Интернет», а также другие работы этого же автора на те же сюжеты. Повторим, что типологическое сходство в фонетике и морфологии не является критерием родства, а различия в фонетике и морфологии не показывают отсутствия родства (ср. санскрит и современный английский). По части «фузии» и «агглютинации» автору и тем, на кого он ссылается, неплохо было бы почитать грамматики агглютинативных и флективных языков: классическая латынь гораздо более похожа на агглютинативный язык, чем якутский или киргизский. Тюркские языки с их глагольным спряжением и именным притяжением вообще не могут считаться эталоном агглютинации и, по нашему мнению, должны уступить это место монгольским языкам, японскому и корейскому. Популяционная генетика и ранний этногенез не могут коррелировать по характеристикам с языками как продуктами глоттогенеза, где по большому счету не учитывается ни переход носителей каких-то генов на другой язык, ни смена их этнической идентичности, ни дифференцированный культурогенез, ни какие-либо иные факторы дифференциации единых популяций. На генетических характеристиках популяции или этноса не отражаются ни двуязычие, ни многоязычие. Кроме того, археология и популяционная генетика (по свойствам своего объекта) способны оперировать материалами, указывающими на смешение и метисацию, но они бессильны в наблюдениях над главным фактором глоттогенеза, а именно длительной изоляцией отдельных коллективов, принадлежащих к одной языковой семье или группе.

³ Здесь мы имеем в виду контакты нивхского, айнского и японского языков при традиционном понимании их генетической изолированности. Однако японский язык ныне причисляется к алтайским языкам на правах отдельной группы (близкородственные ему языки принадлежат жителям островов Рюкю), нивхский язык, по итогам исследований автора, не входит в алтайскую семью как отдельная группа по той причине, что он является особой ветвью тунгусо-маньчжурских языков [Бурыкин 2012]. Объединение нивхского и айнского в группу «американоидных» языков ставит крест на попытках решать проблемы отдаленного родства языков с помощью аналогий в грамматике: все префиксы нивхского языка попросту заимствованы из айнского, — тут как раз явные ареальные связи и дискредитировали морфологические признаки как типологический аргумент. Что касается айнского языка,

Л. Лигети писал: «(...) неродство языков, на мой взгляд, чрезвычайно трудно доказать» [Лигети 1971: 30]. Эта проблема на самом деле решаема относительно просто: неродственный характер двух или нескольких языков или языковых групп не имеет иного способа доказательства, кроме установления сепаратных родственных связей этих языков или языковых групп с иными языковыми группами, причем заведомо не родственными между собой.

Неразличение контактных связей отдельных групп алтайских языков, прежде всего тюрко-монгольских и монголо-тунгусо-маньчжурских, тех фактов и процессов, которые не отрицал никто из алтаистов (начиная с Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1911]) и которыми вполне можно заниматься с позитивными результатами, и алтайской теории как теории родства алтайских языков становится серьезной методической ошибкой многих авторов, пишущих на эти сюжеты, — ошибкой, которая влечет за собой либо ограничение круга изучаемого материала, либо его неверные интерпретации. Это относится как к языковому материалу, так и в гораздо большей степени к теории и методике работы с ним, где приходится четко различать общепринятые положения, выработанные в индоевропеистике, но имеющие универсальный характер (С. А. Старостин не изобретал новых методов исследования истории языков, работая с огромным количеством языков разных семей), тенденции в истории языков, не имеющие универсального характера (фреквенталии в фонетике, сохранение и дисперсия «базисной лексики», имеющие ограниченную доказательную силу), весьма спорные положения в трактовке истории отдельных групп языков (чаще всего так и остающиеся недоказанными и недоказуемыми) и, наконец, чистой воды бред, размещаемый на форумах или единичных печатных публикациях на периферии.

В обсуждении вопросов, которые хочется затронуть автору статьи «Лексика неживой природы в составе тюрко-монгольской языковой общности», уже мало критических замечаний в адрес алтаистики а-ля Вовин или ссылок на контралтаистов (прежде всего А. М. Щербака и Г. Дерфера) и их адептов.

Если какой-либо лингвист сомневается в теории родства алтайских языков или хочет как-то возразить ее сторонникам, пусть поступает так, как требует методика сравнительно-исторического языкознания в ее критическом сегменте, т. е. для этого он должен показать сепаратное родство интересующих его групп языков, — и пусть он доказывает нам, например, индоевропейский характер тюркских языков, близкое родство монгольского и тибетского (или китайского) и американоидное происхождение тунгусо-маньчжурских языков и представляет на обсуждение свои выводы. Если такие условия будут выполнены, критика алтайского генетического родства будет обоснованной. Если же у автора нет аргументов в пользу сепаратного родства алтайских языков, как их не было у А. М. Щербака, сторонникам таких теорий остается только поддерживать теорию о том, что тюрки свалились с неба, а их языки не имеют земных родственников...⁴

Проблема генетического родства алтайских языков и тюрко-монгольские контактные связи — это разные проблемы, не подменяющие друг друга. Это осознается многими лингвистами: В. И. Рассадин много лет занимается тюрко-монгольскими связями [Рассадин 2007, 2008], но он в течение более чем 50-ти лет своей научной деятельности никогда не выступал против алтайской теории как теории генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Не высказывались против алтайской теории ни А. Н. Кононов, ни Б. А. Серебренников, ни Г. Д. Санжеев, ни Н. А. Баскаков, ни Э. Р. Тенишев, ни А. А. Холодович, хотя не все из перечисленных здесь ученых занимались проблемами родства или контактных связей алтайских языков. Опыт других авторов показывает, что аналогичные вопросы можно разрабатывать без обсуждения проблемы родства алтайских языков или при молчаливом признании этого родства, даже если исследуемый материал не имеет к этой проблеме отношения [Миргалимова 2007]. Имеющиеся исследования по тюрко-монгольским [Харькова 1983; Одемиш 2004; Вахитова 2007; Гатыпова 2010; Шамаева 2012], монголо-тунгусским [Чимитдоржиева 2003] и якутско-тунгусским [Новгородов 2009] связям несколько увеличивают объем заимствований в каких-то конкретных языках, но не дают ничего нового ни для истории языков-источников, ни для истории языков-реципиентов — лишь отдельные авторы в решении своих проблем впадают в контралтаистику [Харькова 1983; Новгородов 2009], хотя их материал не является доказательным для решения проблем какого бы то ни было родства, а тем более родства групп алтайских языков.

то его происхождение тоже не является загадкой — оно станет очевидным, когда будет построена классификация папуасских языков и выявлены архаические состояния отдельных групп этих языков. Имеющиеся факты указывают именно на это направление поисков решения айнской проблемы как наиболее перспективное.

⁴ Сходные идеи о независимом этногенезе, культурогенезе и глоттогенезе иногда высказываются в приложении к некоторым языкам Дальнего Востока. Они имеют право на существование — с одной оговоркой: в рамках такой концепции носители этих языков и культур не могут принадлежать к виду *Homo sapiens sapiens*; как устранить возникающее противоречие — неясно.

Для истории общеалтайской реконструкции чрезвычайно важным оказалось замечание И. Бенцинга, в котором отмечается сходство ПМонг **aqta* ‘мерин’ и ПТю **at* ‘лошадь’, а также ПМонг **toqta-* ‘останавливать, задерживать’ и ПТю **tut-* ‘держат, брать’ [Бенцинг 1986: 13]. Эти примеры иллюстрируют один из фундаментальных законов фонетических соответствий между монгольскими и тюркскими языками — тотальное выпадение первого компонента сочетаний согласных внутри слова в тюркских языках (независимо от его качества), при этом монгольские и почти всегда тунгусо-маньчжурские языки сохраняют архаическое состояние таких сочетаний. Можно было (в целях экономии времени) изучить тюркские омонимичные или квазиомонимичные корни и посмотреть на ПТю **āt* ‘имя, слава’, соотносящееся с ПМонг **aldar* ‘слава, имя’; А. М. Щербак, обсуждая образный характер ПТю **baqir-* ‘реветь’ [Щербак 1971: 8—9] и позднее указав на киргизские дублиеты *baqir-* и *barqira-* [Щербак 1986: 52], не заметил этого монголо-тюркского фонетического соответствия: ср. ПМонг **barkira-* ‘реветь’, х.-монг. *бархурах* ‘кричать, орать, реветь’, которое могло стать третьим примером, полностью легитимизирующим это важнейшее монголо-тюркское соответствие.

Соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам:

- 1) ПМонг **mösun* ‘лед’ ~ ПТю **büz* ‘лед’⁵; письм.-монг. *xonin* ‘овца’ ~ ПТю **qoñ* ‘овца’;
- 2) письм.-монг. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ ПТю **jüz* ‘лицо’;
- 3) письм.-монг. *deresün* ‘камыш’ ~ ПТю **jēz* ‘тростник’ [Бурыкин 2014: 25—26].

Последняя группа примеров показывает, что в некоторых случаях в архаическом состоянии тюркских языков гласный второго слога подвергался синкопе, после чего образовавшиеся вторичные сочетания согласных разделяли судьбу первичных сочетаний, т. е. бесследно утрачивали первый согласный.

Соответствия такого типа имеют колоссальное значение для алтаистики. Во-первых, они многократно увеличивают число выявляемых общеалтайских, в том числе монголо-тюркских, сходжений в лексике. Во-вторых, не являясь тривиальными и ожидаемыми для заимствований, они однозначно указывают на какой-то иной, нежели ареальные связи, вид отношений между тюркскими и монгольскими языками — и таким видом может быть только генетическое родство.

Если мы выявили группу нетривиальных соответствий между монгольскими и тюркскими языками (любопытно, что реконструкция тюрко-монгольских праформ оказалась нереальной, но она оказалась и ненужной — по той причине, что почти все монгольские формы оказываются архетипами для тюркских форм, чего не ожидал почти никто из алтаистов), то мы уже не имеем оснований категорически утверждать, что все «похожие» тюркские и монгольские слова являются взаимными заимствованиями. В работах тех авторов, кто занимался проблемами идентификации заимствований, предложено шесть критериев определения заимствований в алтайской или в тюрко-монгольской общности: 1) основной критерий (внешнее совпадение); 2) фонетический критерий; 3) морфолого-этимологический критерий (наличие мотивировки в языке-источнике); 4) критерий исконности (на фоне явных замен в языке-реципиенте); 5) семантический критерий; 6) калькирование [Рассадин 2007: 22 и сл.]. Главная методическая проблема, уводящая исследователей от достоверности результатов их использования, заключена в том, что слово, признаваемое заимствованием, должно удовлетворять по крайней мере пяти критериям из шести (калькирование обычно трудно обосновать), а не какому-то одному отдельно взятому критерию, и сами критерии должны быть универсальными для всех языков и регионов [Бурыкин 2013]. Важно, что к перечисленным критериям заимствований должен быть добавлен критерий соотносительности ареалов слов и (обязательно!) их соприкосновения; при этом ареал заимствованного слова должен быть меньше ареала слова в языке-источнике и той группе, к которой принадлежит язык-источник.

В свое время Л. Лигети утверждал: «(...) в настоящее время мы далеки от возможности различать генетические корреспонденции и заимствования в алтайских языках» [Лигети 1971: 23]. Получив такую фонетическую реконструкцию общеалтайского состояния, которая соответствует понятиям о генетическом родстве алтайских языков (реализована в [Старостин 1991] и [EDAL 2003] — с некоторыми нашими дополнениями), мы получаем тем самым и тот надежный инструмент, с помощью которого можно

⁵ Эвенк. *буксэ* ‘лед’ относится сюда же; в тунгусо-маньчжурском инлаутном *-к-* должны были совпасть разные фонемы — **k* и **x* (или **k'*), последнее из которых в монгольском регулярно выпадает. Рефлексы согласного **x* (**k'*) в позиции внутри и в конце слова для тунгусо-маньчжурских языков без привлечения данных других алтайских языков выявить было невозможно. Монгольское название льда часто реконструируется как **möslun*, подтверждением чего выступает бурятское *мульхэн* ‘лед’, однако, во-первых, этот корень в монгольских языках не имеет согласного *-l-* в других образованиях (ср. х.-монг. *мөхөлдөс(өн)* ‘мороженое’), во-вторых, для пар типа *aryal* ~ *aryasun* ‘аргал’ (т. е. ‘сухой помет скота’) в их бурятских эквивалентах *-l-* не сохраняется. Мы лично видим в таких случаях морфологические варианты слов, а не фонетические явления, которые, как видно, не поддаются упорядочению.

отделять заведомые заимствования от той лексики, которая соотносится с общеалтайской реконструкцией и является общей для алтайских языков или двух или трех групп этих языков. Так, х.-монг. *булаг* ‘родник, ключ, источник’ (ср. бур. *булаг* ‘ключ, источник, родник’, калм. *булг* ‘ключ, источник’) является заимствованием из тюркских языков не только по формальному сходству, но и по той причине, что в ПТю **bulaq* обнаруживается общеалтайский корень со значением ‘вода’, представленный в эвенк. *му*, кор. *муль*, яп. *мидзу* ‘вода’ и ПМонг **mören* ‘река’. Безусловно, х.-монг. *худаг* ‘колодец’ заимствовано из ПТю **quduq* ‘колодец’, но не потому, что в тюркских языках есть глагол **quD-* ‘лить’, а потому, что данный глагол соотносится с монгольским *үлдүри-*, *гулдрих* ‘пробиваться, проникать, протекать’, сохраняющим характерное для монгольских языков сочетание согласных. Х.-монг. *цэцэг* ‘цветок’ может считаться заимствованием из тюркских языков по той причине, что этому слову соответствуют негид. *чимчуктэ* и нан. *чимчиктэ* ‘шишка, почка растения’ (шишка и является цветком хвойных деревьев), где представлена праформа этих слов *čimčik-*, осложненная показателем собирательности; сохранение в ней инлаутного *-m-*, которое выпадает в тюркском, но не в монгольском, однозначно указывает на тюркский источник монгольского слова.

Соотнесение фонетических соответствий между монгольскими и тюркскими языками позволяет разрешить ряд проблем, не находивших решения ранее. В письменномонгольском языке документированы две формы для названия белки-летяги — *олби* и *об*. Появление подобных дублетов не поддавалось объяснению до тех пор, пока не стало понятным, что форма *об* — это старый тюркизм, с ожидаемой точностью соответствующий монгольской форме, причем настолько старый, что он почти утрачен самими тюркскими языками; ср., однако, тувинское *авырган* ‘белка-летяга’.

Закономерности упрощения линейной фонетической структуры, приводящие к односложности и линейному сокращению корней в тюркских языках, распространяются не только на исконно общеалтайскую лексику, но и на старые заимствования. Тюрк. *ас* ‘горноста́й’ (*ас* или, по тувинским данным, *аз*)⁶

⁶ Благодарю за замечание А. В. Дыбо, указавшую на следующий факт тюркской сравнительно-исторической фонетики и подтверждающие примеры: отсутствие фарингализации в тув. *ас* [Татаринцев, 1: 148; Бичелдей 1999: 94] однозначно указывает на конечный *-z* в общетюркском, поскольку все слова со старым **-s(-)* получают в тувинском языке фарингализацию — независимо от долготы гласного (ср. аналогично отсутствие озвончения *-s(-)* после долгих гласных в огузских языках).

Примеры:

ПТю *kūse-* ‘желать, хотеть’ — крх. *kūse-* (МК, КВ), туркм. *kūse-*, тув. *kū'ze-* [ЭСТЯ, 5: 135];

ПТю *isir-* ‘кусать’ — крх. *isir-* (МК), тур. *isir-*, якут. *itir-*, *istā-*, долг. *itir-*, *istā-*, тув. *i'zir-* [Бичелдей 1999: 259], тоф. *i'sir-* [EDT: 251; ЭСТЯ, 1: 671—672; Stachowski 1993: 262, 263];

ПТю *Kis-* ‘сдавливать’ — крх. *qis-* (МК, КВ), туркм. *Gis-*, якут. *kihaj-*, тув. *qi's-*, тоф. *qi's-* [VEWT: 267; EDT: 665—667; ЭСТЯ, 6: 251—253; Stachowski 1993: 167];

ПТю *isig/ isig* ‘горячий; теплый’ — крх. *isig* (МК, КВ), туркм. *issi*, хал. *hissī*, *hisk*, якут. *iī*, *ičiges* (< *isi-geč*), долг. *iī*, *ičiges*, тув. *i'ziy* [Татаринцев, 2: 351], тоф. *i'siy* [VEWT: 173—174; TMN, 2: 182; EDT: 246; ЭСТЯ, 1: 668—671; СИГТЯ 2001: 19—20; Stachowski 1993: 123, 130];

ПТю *bas-* ‘давить’ — крх. *bas-* (МК), туркм. *bas-*, якут. *battā-*, долг. *battā-*, тув. *ba's-* [Татаринцев, 1: 197], тоф. *ba's-* [EDT: 370—371; VEWT: 64; TMN, 2: 245—246; ЭСТЯ, 2: 74—77; СИГТЯ 2001: 393, 571; ЭСЧЯ, 1: 448; Stachowski 1993: 55];

ПТю *kes-* ‘резать’ — крх. *kes-* (МК, КВ), туркм. *kes-*, хал. *kās-*, якут. *kehē-*, тув. *ke's-* [VEWT: 257; ЭСТЯ, 5: 55—57, 58];

ПТю *ös-* ‘расти’ — туркм. *ös-*, тув. *ö's-* [VEWT: 376; ЭСТЯ, 1: 552—553];

ПТю *jAsa-* ‘создавать’ — туркм. *jasā-*, тув. *ča'za-* [VEWT: 191; ЭСТЯ, 4: 150—152];

ПТю *Kus-* ‘блевать’ — крх. *qus-* (МК), туркм. *Gus-*, хал. *qus-*, якут. *xotuo*, тув. *qu's-* [Бичелдей 1999: 153; VEWT: 304; EDT: 666; ЭСТЯ, 6: 174—175];

ПТю *as-* ‘висеть’ — крх. *as-* (МК), туркм. *as-*, хал. *has-*, тув. *a's-*, тоф. *a's-* [Рассадин 1971: 156; VEWT: 28; EDT: 240; ЭСТЯ, 1: 192—193];

ПТю *bAsa* ‘также, кроме того’ — крх. *basa* ‘после’ (МК), туркм. *basa*, якут. *biha* ‘во время’, тув. *ba'za* [Татаринцев, 1: 173; EDT: 371];

ПТю *Kusik* ‘орех’ — крх. *qusiq* ‘кедровый орешек’ (МК), тув. *qu'suq*, тоф. *quzuq* [EDT: 667; TMN, 3: 475; ЭСТЯ, 6: 23—24];

ПТю *tAs* ‘плохой, дурной; совсем’ — крх. *tas* (МК — Oghuz, IM), туркм. *tas*, тув. *ta's* ‘отлично!’ [VEWT: 465; EDT: 554];

ПТю *Kasirku* ‘вихрь’ — крх. *qasirqu* (МК), тур. *kasırça*, тув. *qa'zirγi* [Бичелдей 1999: 138], тоф. *qa'sirγi* [VEWT: 240; ЭСТЯ, 5: 332; СИГТЯ 2001: 43];

не имеет параллелей в других алтайских языках, за исключением эвенк. *амсир* ‘горноста́й’ и *амчика* ‘хо-рек’, но оба эти слова, похоже, заимствованы в эвенкийский язык из якутского — оба они есть в якутском, но их нет в других тунгусо-маньчжурских языках. Этих слов нет и в других тюркских языках. Вероятно, опираясь на установленные монголо-тюркские и сходные с ними по типу тунгусо-тюркские соответствия, форму *амсир* можно считать тунгусо-маньчжурским эквивалентом для тюркского *as* ‘горноста́й’? Для этого нет препятствий, однако это слово едва ли может считаться исконным для алтайских языков: ср. чукот. *эмчачокалгын* ‘горноста́й’, являющееся самой архаической формой в ряду рассматриваемых примеров. Разобраться в этих примерах стало возможным при одном условии — при признании генетического родства алтайских языков и указании на то, что тюркские языки являются «новейшими», т. е. наиболее изменившимися среди других групп алтайских языков. Вероятно, причина уклонений от известных фонетических соответствий этого слова в сибирских тюркских языках как раз и заключена в том, что оно не является исконно тюркским.

Под действие отмеченных законов попадают такие слова, как ПМонг **elžigen* и ОТю **ešäk* ‘осел’, для которого обоснования заимствования из тюркских языков в монгольский превращаются в иллюзию, или ПМонг **žulžayan* ‘детеныш животных’ и ПТю *čöčüq* ‘поросенок’, для которого М. Стаховский (без обращения к монгольским данным, не заметив ни соответствий, ни сходства) реконструирует значение ‘молодая особь, детеныш’ [Stachowski 1985: 85—86]. Эти слова реконструируются на общеалтайском уровне. При этом уже трудно признать каким-либо заимствованием ПМонг **xonin* и ПТю **qoñ* ‘овца’, а обнаружение в тюркских языках якутского диалектного слова *буур* ‘лошадь, конь’ — точного эквивалента для ПМонг **morin* — расставляет все точки над *i* в отношении лексики, связанной с домашними животными, в алтайских языках.

Применение фонетических критериев, а именно нарушение монголо-тюркских соответствий сочетаний согласных, установленных для общеалтайского лексического фонда, и присутствие в словах тривиальных одинаковых или сходных сочетаний согласных, однозначно указывает на тюркское происхождение таких слов, как х.-монг. *цолмон* ‘Венера’, х.-монг. *балчи́г* ‘топь, трясына, болото, грязь, ил’ при тюрк. *balčiq*, *balıq* ‘ил, грязь’, х.-монг. *бэлчир* ‘место слияния двух рек; перекресток (дорог); развилина’ при др.-тюрк. *beltir* ‘место слияния рек’; явным монголизмом (ср. х.-монг. *салхин* ‘ветер’) оказывается тюрк. *салкын*, встречающееся в сибирских языках. Там, где нет надежных признаков заимствования, нет и оснований говорить о заимствованиях: х.-монг. *хад* ‘скала’, сохраняющее самую архаичную для алтайских языков форму с *-d-* на месте интердентального **-d-*, сохраняющегося только в тюркских языках (хотя во всех тюркских языках, ныне контактирующих с монгольским, представлена форма с *-y-* на месте **-d-*, не исключая и якутского *хайа* ‘скала’), — напрашивается предположение, что рефлексом интервокального **-d-* в тюркских языках был *-j-*, а преконсонантное **-d-*, как в слове ‘колодец’, давало известный ряд *j ~ z ~ d ~ t ~ p*. Возможно, что х.-монг. *хусам* ‘береза’ является старым тюркским заимствованием (ср. ПТю **qadın* ‘береза’) из какого-то неизвестного языка с *-s-* на месте **-d-*.

ПТю *esür-* ‘пьянеть, напиваться’ — крх. *esür-* (МК), туркм. *esre-*, якут. *itir-*, долг. *itiriktē-* ‘праздновать’, тув. *e'zir-* [Бичелдей 1999: 264; EDT: 251; VEWT: 50; ЭСТЯ, 1: 309—310; Stachowski 1993: 130];

ПТю *kes-* — др.-уйг. *kesetkü* ‘запрет’, туркм. *kes-*, якут. *kes* ‘запретный’, *keset-* ‘наказывать’, тув. *ke'ze-* ‘быть наказанным’ [VEWT: 258];

ПТю *bAs-kič* ‘ступенька’ — тув. *ba'sqiš* [Бичелдей 1999: 99; ЭСТЯ, 2: 77];

ПТю *sus-* ‘черпать’ — крх. *susyaq* ‘черпак’ (МК), туркм. *sus-*, якут. *usājax* ‘черпак’, тув. *u's-* [Бичелдей 1999: 219; EDT: 856; VEWT: 434; ЭСТЯ, 7: 362—363];

ПТю *Tus-* ‘выгода’ — крх. *tusu* (МК), якут. *tuha*, долг. *tuha-lā-* ‘быть полезным’, тув. *du'za* [Татаринцев, 2: 260; VEWT: 501; Stachowski 1993: 230];

ПТю *köse-* ‘помешивать кочергой’ — туркм. *köse-*, тув. *kö'ze-* [Бичелдей 1999: 152; ЭСТЯ, 5: 119—121];

ПТю *kös-* ‘треножить, путать; пути’ — крх. *kösür-*, *kösruk* (МК), туркм. *kössek*, тув. *kö'ste-*, *kö'steg* [Бичелдей 1999: 153; ЭСТЯ, 5: 121—122];

ПТю *K(i)as-* ‘затягивать, стягивать’ — туркм. *Gas-*, тув. *qa'sta-* [Бичелдей 1999: 141; ЭСТЯ, 5: 329—330];

ПТю *Kasi* ‘загон, огороженное место’ — крх. *qasi* (МК), тур. диал. *qasu*, тув. *qa'zanaq* ‘навес’ [Бичелдей 1999: 138; EDT: 666; ЭСТЯ, 5: 346—347];

ПТю *Kisir* ‘яловая корова’, *Kisir-ak* ‘яловая кобыла’ — крх. *qisir*, *qisraq* (МК), туркм. *Gisir*, *Gisraq*, хал. *qisir*, якут. *kitarā-* ‘стать стародойной; яловеть’, долг. *kitarak* ‘яловая’, тув. *qi'zir*, *qi'ziraq* [Бичелдей 1999: 157; EDT: 668—669; VEWT: 267, 268; ЭСТЯ, 6: 249—251; Stachowski 1993: 170];

ПТю *josun* ‘способ, обычай, метод’ — крх. *josun* (КВ), тув. тодж. *čo'zu* [ЭСТЯ, 4: 31—32].

Исключение: ПТю *bus* ‘пар, туман’ — крх. *bus* (МК), тур. *pus*, тув. *bus*, тоф. *bus* [VEWT: 90; EDT: 370; ЭСТЯ, 2: 277; СИГТЯ 2001: 34].

24 подтверждающих формы при одном исключении; последнее, возможно, производное.

Примеры, указывающие на нетривиальные монголо-тюркские и тунгусо-тюркские соответствия внутри слова, в принципе также могли бы рассматриваться как нарушение известных тривиальных соответствий и могли бы находить объяснение (например, как более древние заимствования, как заимствования из каких-то исчезнувших языков — парамонгольских, паратунгусских, паратюркских, входивших в названные группы, но отличавшихся от известных нам языков). Однако этому препятствует построение синонимических рядов общеалтайских лексем, образующих перекрестные изоглоссы, характерные только для дивергенций единиц общего лексического фонда. Кроме того, напрашивается методологический вопрос: почему подобные примеры обнаружены новым поколением ортодоксальных алтаистов, а отнюдь не исследователями контактных связей? Эта группа ученых, похоже, или не замечала таких примеров, или предпочитала не привлекать к ним внимание. Но рано или поздно примеры лексических аналогий типа х.-монг. *хорхинцог* ‘стручок’ и тат. *кузак* ‘стручок’ (с выпадением второго слога и упрощением группы согласных в третьем слоге) должны были привлечь к себе чье-то внимание и найти подобающее объяснение. При наличии сотен подобных примеров с такими же изменениями структуры слова такие факты явно не выглядят случайностью.

Настоящая работа преследует несколько целей: 1) показать, что алтаистика не стоит на месте, а идеи Б. Я. Владимирцова, Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе — классика и основы науки, но как догма они уже являются достоянием вчерашнего дня; 2) ортодоксальная алтаистика конца XX — начала XXI в. не стоит на месте и успешно развивается, при этом некоторые отличия реконструкций у разных авторов — это штатная ситуация для изучения языковой семьи (в индоевропеистике до сих пор в обиходе находятся реконструкции с системами от двух до четырех рядов согласных); 3) контралтаистика является и являлась банкротом со дня своего возникновения, т. к. ее адепты пользовались негодными методами, не смогли решить проблемы родства отдельных групп алтайских языков в сепаратном аспекте и, похоже, не стремились решать их; 4) тюрко-монгольская языковая общность, равно как и монголо-тунгусская и тюркско-тунгусская общности, с проблематикой языковых и культурных связей, а также со взаимными заимствованиями из отдельно взятых языков в отдельно взятые языки является самостоятельным объектом ареальных исследований, изучение которого почти ничего не дает для разработки алтайской проблемы и не имеет к ней никакого отношения, в особенности по своим результатам; 5) прогресс в истории отдельных групп алтайских языков на уровне групповых единств — общетюркского, общемонгольского и общетунгусо-маньчжурского состояний, а также ранних состояний корейского и японского языков — достижим только при признании генетического родства алтайских языков и использования общеалтайской реконструкции в роли точки отсчета архаических или измененных языковых состояний.

Сокращения

Языки и диалекты

бур. — бурятский	ПТю — пратюркский
долг. — долганский	тат. — татарский
др.-уйг. — древнеуйгурский	тоф. — тофаларский
калм. — калмыцкий	тув. — тувинский
кор. — корейский	тодж. — тоджинский диалект
крх. — карахандиско-уйгурский	тур. — турецкий
ИМ — язык словаря Ибн-Муханны (XIV в.)	туркм. — туркменский
КВ — язык «Кутадгу билиг»	тюрк. — тюркские
МК — язык словаря Махмуда Кашгарского (XI в.)	хал. — халаджский
нан. — нанайский	х.-монг. — халха-монгольский
негид. — негидальский	чукот. — чукотский
ОТю — общетюркский	эвенк. — эвенкийский
письм.-монг. — письменно-монгольский	якут. — якутский
ПМонг — прамонгольский	яп. — японский

Общие

диал. — диалектный

Литература

- Алтайские этимологии 1984 — Алтайские этимологии / Отв. ред. Цинциус В. И., Дмитриева Л. В. Л., 1984. {Altaic etymologies / Ed. Tsintsius V. I., Dmitrieva L. V. L., 1984.}
- Байтасов 2014 — Байтасов Р. Р. Тюркские языки: Проблема родства с алтайскими, малайско-полинезийскими, индоевропейскими и некоторыми другими языками Евразии // Проблемы современной науки и образования. 2014, 4 (22) // <http://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskie-yazyki-problema-rodstva-s-altayskimi-malaysko-polineziyskimi-indoevropeyskimi-i-nekotorymi-drugimi-yazykami-evrazii.pdf>. {Bajtasov R. R. Turkic languages: a problem of kinship with Altaic, Malayo-Polinesian, Indo-European and several others languages of Eurasia // Problems of modern science and education. 2014, 4 (22) // <http://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskie-yazyki-problema-rodstva-s-altayskimi-malaysko-polineziyskimi-indoevropeyskimi-i-nekotorymi-drugimi-yazykami-evrazii.pdf>.}
- Бенцинг 1986 — Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских булгар // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986. С. 11—28. {Bentsing I. Languages of the Huns, Danube and Volga Bulgarians // Foreign Turkology. Vol. 1. М., 1986. P. 11—28.}
- Бичелдей 1999 — Бичелдей К. А. Фарингализация в тувинском языке. Кызыл, 1999. {Bicheldej K. A. Pharyngealisation in the Tuvan language. Kyzyl, 1999.}
- Будагов 2002 — Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 2002. {Budagov R. A. Introduction to the language studies. М., 2002.}
- Бурлак, Старостин 2001 — Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001. {Burlak S. A., Starostin S. A. Introduction to comparative linguistics. М., 2001.}
- Бурлак, Старостин 2005 — Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005. {Burlak S. A., Starostin S. A. Comparative-historical linguistics. М., 2005.}
- Бурькин 2012 — Бурькин А. А. Этногенез нивхов, межэтнические связи в Приамурско-Сахалинском регионе и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог: К 150-летию со дня рождения. СПб., 2012. С. 275—286. {Burykin A. A. Ethnogenesis of the Nivkhs, interethnic relations in Primamursko-Sahalinskij region and the problem of genetic attribution of the Nivkh language // Lev Shternberg — citizen, scientist, educator: On account of 150 years since birth. SPb., 2012. P. 275—286.}
- Бурькин 2013 — Бурькин А. А. О критериях идентификации лексических заимствований в лексикологии, общей компаративистике и алтаистике // Монгольские языки: История и современность. Материалы Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 21—23 октября 2013 г.). СПб., 2013. С. 35—40. {Burykin A. A. Identification criteria of lexical loanwords in lexicology, general comparativistics and Altaic studies // Mongolian languages: history and modern state. Proceedings of the International science conference (Saint Petersburg, 21st—23rd of October 2013). SPb., 2013. P. 35—40.}
- Бурькин 2014 — Бурькин А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые» и «новейшие» алтайские языки // Вестник угроведения. 2014, 4 (19). С. 21—33. {Burykin A. A. Mutual corellation between different groups of Altaic languages and relative volume of changes in different groups of Altaic languages: “old”, “new” and “contemporary” Altaic languages // Ugric studies bulletin. 2014, 4 (19). P. 21—33.}
- Бурькин 2015 — Бурькин А. А. Заметки на полях книги В. Котвича «Исследование по алтайским языкам»: К истории алтаистики и методике сравнительно-исторических исследований в алтаистике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 2 / Отв. ред. Казанский Н. Н. Сост., ред. тома Рыкин П. О. СПб., 2015. С. 128—149. {Burykin A. A. Marginalia to V. Kotvich’s “A study on Altaic languages”: On account of Altaic studies history and Altaic studies methods for comparative-historical research // Acta Linguistica Petropolitana. Vol. XI. Part 2 / Ed. Kazanskij N. N. Ed. of the volume Rykin P. O. SPb., 2015. P. 128—149.}
- Вахитова 2007 — Вахитова А. Г. Башкирско-монгольские языковые связи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. {Vahitova A. G. Bashkir-Mongolian linguistic ties. Author’s abstract of Ph. D. thesis. Ufa, 2007.}
- Вендина 2001 — Вендина Т. И. Введение в языкознание. М., 2001. {Vendina T. I. Introduction to linguistics. М., 2001.}
- Владимирцов 1911 — Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 20. Вып. 2—3. СПб., 1911. С. 153—184. {Vladimirtsov B. Ja. Turkish elements in the Mongolian language // Proceedings of the Russian Archeological Society’s Oriental Department. Vol. 20. Is. 2—3. SPb., 1911. P. 153—184.}
- Гатыпова 2010 — Гатыпова А. В. Влияние тюрко-монгольских языковых связей на развитие бурятского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2010. {Gatypova A. V. Influence of the Turkic-Mongolian language ties on the development of the Buryat language. Author’s abstract of the Ph. D. thesis. Elista, 2010.}
- Герценберг 1971 — Герценберг Л. Г. Алтаистика с точки зрения индоевропейца // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 31—46. {Gertsenberg L. G. Altaic studies from an Indo-Europeanist’s point of view // The Altaic languages community problem. L., 1971. P. 31—46.}

Дерфер 1972 — *Дерфер Г.* Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропейстики? // Вопросы языкознания. 1972, 3. С. 50—66. {*Derfer G.* Can we solve the Altaic languages affinity problem from Indo-European linguistic position? // Issues in linguistics. 1972, 3. P. 50—66.}

Исследования в области этимологии 1979 — Исследования в области этимологии алтайских языков / Ред. *Цинциус В. И. Л.*, 1979. {*Studies in the field of Altaic languages etymology* / Ed. *Tsintsius V. I. L.*, 1979.}

Котвич 1962 — *Котвич В. Л.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962. {*Kotvich V. L.* A study in Altaic languages. M., 1962.}

Лигети 1971 — *Лигети Л.* Алтайская теория и лексикостатистика // Вопросы языкознания. 1971, 3. С. 21—33. {*Ligeti L.* Altaic theory and lexicostatistics // Issues in linguistics. 1971, 3. P. 21—33.}

Мейе 2010 — *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. 3-е изд. М., 2010. {*Meje A.* Comparative method in historical linguistics. 3rd ed. M., 2010.}

Миргалимова 2007 — *Миргалимова З. Ф.* Тюрко-монгольские параллели в названиях диких животных в современном татарском языке // Социально-экономические и технические системы: Электронно-периодическое издание. № 4. Набережные Челны, 2007 // <http://kampi.ru/sets>. {*Mirgalimova Z. F.* Turkic-Mongolian parallels in wild animals' names in modern Tartar language // Social economics and technical systems. An electronic periodical publication. № 4. Naberezhnye Chelny, 2007 // <http://kampi.ru/sets>.}

Насилов 1974 — *Насилов Д. М.* Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник — 1974. М., 1978. С. 90—108. {*Nasilov D. M.* On account of Altaic linguistic community (K istorii problemy) // Turkology digest — 1974. M., 1978. P. 90—108.}

Насилов 1977а — *Насилов Д. М.* Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник — 1977. М., 1981. С. 150—155. {*Nasilov D. M.* Altaistic studies in the 19th century // Turkology digest — 1977. M., 1981. P. 150—155.}

Насилов 1977б — *Насилов Д. М.* Из истории алтаистики (статья первая) // Советская тюркология. 1977, 3. С. 77—93. {*Nasilov D. M.* From the history of Altaic studies (the first article). // Soviet turkology. 1977, 3. P. 77—93.}

Насилов 1978 — *Насилов Д. М.* В. В. Радлов и проблемы алтаистики // Советская тюркология. 1978, 1. С. 96—102. {*Nasilov D. M.* V. V. Radlov and the Altaic studies problems // Soviet turkology. 1978, 1. P. 96—102.}

Насилов 1979 — *Насилов Д. М.* Из истории алтаистики // Советская тюркология. 1979, 4. С. 94—100. {*Nasilov D. M.* From the history of Altaic studies // Soviet turkology. 1979, 4. P. 94—100.}

Новгородов 2009 — *Новгородов И. Н.* Якутско-эвенкийские лексические взаимосвязи. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2009. {*Novgorodov I. N.* Yakut-Even lexical interconnections. Author's abstract of D. Litt. thesis. Kazan', 2009.}

Одемиш 2004 — *Одемиш Зейнел.* Тюрко-монгольские элементы в турецком и тюркских языках Южной Сибири. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2004. {*Odemish Zejnel.* Turkic-Mongolian elements in Turkish and the Turkic languages of Southern Siberia. Author's abstract of Ph. D. thesis. Ulan-Ude, 2004.}

Очерки сравнительной лексикологии 1972 — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков / Отв. ред. *Суник О. П. Л.*, 1972. {*Essays in comparative lexicology of Altaic languages* / Ed. *Sunik O. P. L.*, 1972.}

Очерки сравнительной морфологии 1978 — Очерки сравнительной морфологии алтайских языков / Отв. ред. *Суник О. П. Л.*, 1978. {*Essays in comparative morphology of Altaic languages* / Ed. *Sunik O. P. L.*, 1978.}

Поржезинский 1913 — *Поржезинский В. К.* Введение в языковедение. Пособие к лекциям. М., 1913. {*Porzhezinskij V. K.* Introduction to linguistics. Guide book to the lectures. M., 1913.}

Проблема общности 1971 — Проблема общности алтайских языков / Отв. ред. *Суник О. П. Л.*, 1971. {*Altaic languages community problem* / Ed. *Sunik O. P. L.*, 1971.}

Рассадин 1971 — *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {*Rassadin V. I.* Phonetics and vocabulary of the Tofa language. Ulan-Ude, 1971.}

Рассадин 2007 — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Элиста, 2007. {*Rassadin V. I.* Essays in history of the composition of the Turkic-Mongolian linguistic community. Part 1. Elista, 2007..}

Рассадин 2008 — *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 2. Элиста, 2008. {*Rassadin V. I.* Essays in history of the composition of the Turkic-Mongolian linguistic community. Part 2. Elista, 2008.}

Рассадин, Трофимова 2012 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М.* О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста, 2012. {*Rassadin V. I., Trofimova S. M.* On the correspondence of Mongolian and Turkic grammatical elements in the Turkic-Mongolian linguistic community. Elista, 2012.}

Реформатский 1996 — *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / Под ред. *Виноградова В. А. М.*, 1996. {*Reformatskij A. A.* Introduction to linguistics / Ed. *Vinogradov V. A. M.*, 1996.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. П.* Сост. *Тенишев Э. П., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г., Дыбо А. В., Кормушин И. В., Левитская Л. С., Мудрак О. А., Мусаев К. М.*

- М., 2001. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Vocabulary / Ed. *Tenishev E. R.* Comp. *Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G., Dybo A. V., Kormushin I. V., Levitskaja L. S., Mudrak O. A., Musaev K. M.* М., 2001.}
- СИИЯРС 1982 — *Елизаренкова Т. Я., Иванов В. В., Широков О. С.* и др. Сравнительно-историческое изучение языков разных систем: Задачи и перспективы. М., 1982. {*Elizarenkova T. Ja., Ivanov V. V., Shirokov O. S.* et al. Comparative-historical studies of languages of different systems: Tasks and perspectives. М., 1982.}
- СИИЯРС 1989 — *Тумашева Д. Г., Эдельман Дж. И., Герценберг Л. Г.* и др. Сравнительно-историческое изучение языков разных систем: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989. {*Tumasheva D. G., Edel'man Dzh. I., Gertsenberg L. G.* et al. Comparative-historical studies of languages of different systems: Reconstruction on stand-alone levels of language structure. М., 1989.}
- Старостин 1991 — *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. {*Starostin S. A.* Altaic problem and the origin of the Japanese language. М., 1991.}
- Татаринцев — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1—3. Новосибирск, 2000—2004. {*Tatarintsev B. I.* Etymological dictionary of the Tuvan language. Vol. 1—3. Novosibirsk, 2000—2004.}
- Тенишев 1996 — *Тенишев Э. Р.* Алтайские языки // Языки мира. Т. 2. Тюркские языки. М., 1996. С. 7—16. {*Tenishev E. R.* Altaic languages // Languages of the world. Vol. 2. Turkic languages. М., 1996. P. 7—16.}
- Харькова 1983 — *Харькова С. С.* Тюркские лексические параллели в калмыцком языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983. {*Har'kova S. S.* Turkic lexical parallels in the Kalmyk language. Author's abstract of Ph. D. thesis. М., 1983.}
- Чимитдоржиева 2003 — *Чимитдоржиева Г. Н.* Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2003. {*Chimitdorzhieva G. N.* Historical ties of the Buryat and Even languages (in the context of vocabulary). Author's abstract of Ph.D. thesis. Ulan-Ude, 2003.}
- Шамаева 2012 — *Шамаева А. Е.* Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2012. {*Shamaeva A. E.* Mogolian parallels of the dialect vocabulary of the Yakut language. Author's abstract of Ph.D. thesis. Yakutsk, 2012.}
- Щербак 1966 — *Щербак А. М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966, 3. С. 21—35. {*Shcherbak A. M.* Character of the lexical interconnections of Turkic, Mongolian and Manchu-Tungus languages // Issues in linguistics. 1966, 3. P. 21—35.}
- Щербак 1968 — *Щербак А. М.* О тюрко-монголо-тунгусских связях в морфологии // Народы Азии и Африки. 1968, 1. С. 104—116. {*Shcherbak A. M.* Turkic-Mongolian-Tungus relations in morphology // Peoples of Asia and Africa. 1968, 1. P. 104—116.}
- Щербак 1970 — *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков / Отв. ред. *Кононов А. Н.* М., 1970. {*Shcherbak A. M.* Comparative phonetics of Turkic languages / Ed. *Kononov A. N.* М., 1970.}
- Щербак 1971 — *Щербак А. М.* О морфологическом составе образных глаголов типа *baqır, caqır-, qajqır-* // Советская тюркология. 1971, 3. С. 8—12. {*Shcherbak A. M.* Morphological structure of the presentative verbs like *baqır, caqır-, qajqır-* // Soviet Turkology. 1971, 3. P. 8—12.}
- Щербак 1986 — *Щербак А. М.* Тюркско-монгольские языковые связи (к проблеме взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. 1986, 4. С. 47—59. {*Shcherbak A. M.* Turkic-Mongolian linguistic connections (on account of languages' cooperation and amalgamation) // Issues in linguistics. 1986, 4. P. 47—59.}
- Щербак 1989 — *Щербак А. М.* К вопросу об отдаленных родственных связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. М., 1989. С. 150—161. {*Shcherbak A. M.* On account of distant relations of Turkic languages // Current issues in comparative linguistics. М., 1989. P. 150—161.}
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы. Т. 1—7 / Авт. сл. ст. *Севертян Э. В., Левитская Л. С., Благова Г. Ф., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А., Рассадин В. И.* и др. М., 1974—2003. {Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Interturkic stems. Vol. 1—7 / Authors of dictionary entries *Sevort'an E. V., Levitskaja L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Potseluevskij E. A., Rassadin V. I.* et al. М., 1974—2003.}
- ЭСЧЯ 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* Etymological dictionary of the Chuvash language. Vol. 1—2. Cheboksary, 1996.}
- EDAL 2003 — Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3 / *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Leiden, 2003.
- EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Stachowski 1985 — *Stachowski M.* *Turkisch çocuk* 'Kind' // *Uralo-Altisches Jahrbuch*. 1985, 57. S. 79—89.
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* *Dolganischer Wortschatz*. Kraków, 1993.
- Stachowski 2012 — *Stachowski M.* *Teoria Altaiska* // *LingVaria*. 2012, VII / № 2 (14). S. 239—263.

TMN — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I—III. Wiesbaden, 1963—1967.
VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблематике исследования генетического родства алтайских языков, в качестве альтернативы которому позиционируется гипотеза контактного происхождения наблюдаемых сходств между отдельными группами языков алтайской семьи — тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Автор, критически разбирая методы и приемы работы противников родства алтайских языков с материалом, показывает невозможность решения проблем родственных связей отдельных групп алтайских языков вне алтайской семьи, несостоятельность ряда представлений об истории алтайских языков и ошибочность трактовки взглядов В. Л. Котвича на алтайскую проблему. Предложив ряд уточнений в общеалтайской реконструкции, автор показывает, что только признание генетического родства алтайских языков позволяет с надежностью отличать в них исконную общеалтайскую лексику и разнонаправленные заимствования.

SUMMARY

The article is dedicated to the research of a genetic relationship of the Altaic languages, which is alternative to the hypothesis of a contact origin of the similarities between the groups of languages of the Altaic family (the Turkic, Mongolic and Tungusic languages). The author critically examines the methods of opponents' studies, shows the impossibility of solving the question of relationship of language groups outside the Altaic family, failure of some points of view on the history of the Altaic languages and V. Kotvich's false interpretation on the Altaic problem. The author shows that only the recognition of the genetic relationship of the Altaic languages allows to distinguish the original Altaic vocabulary and the multidirectional borrowings.

Ключевые слова: алтайская гипотеза, алтайская теория, алтайская семья языков, тюрко-монгольская языковая общность, реконструкция, соответствия, заимствования

Keywords: the Altaic hypothesis, the Altaic theory, the Altaic language family, Turkic and Mongolic language unity, reconstruction, correspondences, borrowings

Бурыкин Алексей Алексеевич, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); albury@rambler.ru

Aleksey A. Burykin, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg); albury@rambler.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;

- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;

- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >